

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Будалина Елена Евгеньевна

**Психологическая адаптация к иной социокультурной среде
(на материале исследования удмуртского и коми-пермяцкого
этносов)**

19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель —
доктор психологических наук,
профессор В. Ю. Хотинец

Ижевск 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ АДАПТАЦИИ.....	9
1.1. Понятие адаптации	9
1.2. Изучение психологической и социальной адаптации в русле кросс-культурной психологии	23
1.3. Динамика и индикаторы психологической адаптации. Особенности авторского подхода к пониманию психологической адаптации к иной социокультурной среде	36
ГЛАВА II. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ	44
2.1. Понятие смысловой сферы	44
2.2. О месте и роли ценностей в смысловой сфере личности	47
2.3. Постановка проблемы и задачи исследования.....	51
ГЛАВА III. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	53
3.1. Организация исследования и характеристика испытуемых	53
3.2. Методики исследования.....	55
3.2.1. Методики изучения процесса адаптации.....	55
3.2.2. Методики изучения индивидуальных свойств.....	57
3.2.3. Методики изучения свойств личности.....	58
3.2.4. Методики изучения социально-психологических свойств	65
3.3. МАТЕМАТИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	67

ГЛАВА IV. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.....	68
4.1. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫРАЖЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЭТНИЧЕСКИХ ИНДИВИДОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	68
4.2. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ .	71
4.3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	78
4.4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ.....	88
4.5. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯЗИ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ С НЕЙРОДИНАМИЧЕСКИМИ И ПСИХОДИНАМИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	123
ВЫВОДЫ	135
РЕКОМЕНДАЦИИ	138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	140
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	157

Введение

Актуальность изучения проблемы психологической адаптации человека к изменениям социокультурной среды обусловлена рядом причин: вследствие интенсификации межэтнических контактов (экономические и образовательные миграции, взаимодействия, опосредованные средствами массовой коммуникации) в XX веке произошло мощное соприкосновение, даже столкновение различных культур (А. Г. Здравомыслов, 1996, Н. М. Лебедева, 1999б, Д. А. Леонтьев, 2002, Сухарев А.В., 2002). Данные столкновения часто противоречащих друг другу картин мира, различных систем ценностей, ранее не соприкасавшихся или мало соприкасавшихся, привели к необходимости их сопряжения на уровне индивидуального сознания, психологической адаптации к иной системе смыслов и ценностей. Другой причиной является качественное изменение форм жизни: противоречивость и нестабильность социальной ситуации, увеличение скорости технического прогресса и накопления информации, отмеченные практически всеми исследователями (Г. М. Андреева, 1998, А. Г. Асмолов, 2001, И. Калайков, 1984, М. В. Ромм, 2002, Г. У. Солдатова, 1998, Т. Г. Стефаненко, 2000, А. В. Сухарев, 2002, А. Тоффлер, 1997 и др.), — которое приводит к росту числа людей, не способных контролировать эти изменения (информационный невроз, И. Калайков, 1984, «синдром футурошока», или потрясения от перемен, А. Тоффлер, 1997), т.е. не способных адаптироваться, прежде всего психологически, к неопределенности и неустойчивости современного общества.

Необходимость изучения психологической адаптации к иной социокультурной среде связана с недостаточной разработанностью проблемы: ведутся дискуссии вокруг толкования понятия психологической адаптации к иной социокультурной среде, сущности явления, компонентов структуры, критериев адаптированности/дезадаптированности.

Научная новизна связана с изучением феномена психологической адаптации к иной социокультурной среде как самостоятельного явления — со своими специфическими признаками, проявлениями, процессом протекания (стадиями) и результатом; с изучением структуры психологической адаптации к иной социокультурной среде как сочетания стабильного (сохранения своих этнических ценностей) и динамического (включения в структуру ценностей индивида ценностей иной культуры) компонентов, а также изменения этой структуры в процессе адаптации человека к иной культуре; с рассмотрением адаптации к инокультурной среде как вхождения в иное ценностно-смысловое поле и интериоризации этих ценностей и смыслов.

Теоретическое значение работы заключается в обогащении теоретических знаний по проблеме психологической адаптации к иной социокультурной среде: выделены стадии психологической адаптации к иной социокультурной среде, уточнено определение психологической адаптации к иной социокультурной среде, показана роль этносемантических и ценностных согласований в процессе становления психологической адаптации к иной социокультурной среде. Установлено, что психологическая адаптация к иной социокультурной среде возникает при включении в ценностно-смысловую структуру индивида ценностей как своей этнической группы, так и иной социокультурной среды. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретического концепта психологической адаптации человека к изменению социокультурной среды.

Практическое значение работы: эмпирически выделены критерии психологической адаптации к иной социокультурной среде (включение в ценностно-смысловую структуру ценностей как своей этнической группы, так и принимающей среды), что позволит на практике осуществлять научно обоснованное сопровождение психологической адаптации личности к иной социокультурной среде через различные социальные институты. Данные практические критерии можно применять в психолого-педагогической практике, в системе образования с целью оптимизации учебного процесса

студентов, обучающихся на национальных факультетах и отделениях вузов; для подготовки национальных программ по гуманитарным дисциплинам с включением этнорегиональных компонентов (этнопсихология, этнопедагогика, этнология, культурология и др.); для построения концепции национальной политики в республике Удмуртия и Пермской области.

Объектом исследования является психологическая адаптация к иной социокультурной среде.

Предмет исследования: структура и динамика психологической адаптации к иной социокультурной среде.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что динамику психологической адаптации к иной социокультурной среде можно рассматривать как изменяющиеся представления человека о своем метаиндивидуальном мире в ходе приобщения к иной социокультурной среде. Структуру психологической адаптации к иной социокультурной среде можно описать через частное сочетание стабильного (сохранение своих этнических ценностей) и динамического (включение в структуру индивидуальных ценностей иной культуры) компонентов. Структура психологической адаптации может иметь отличительные особенности: включение/не включение в индивидуальную структуру ценностей как своей культуры, так и ценностей принимающей социокультурной среды в выборке высокоадаптированных и низкоадаптированных индивидов.

Целью исследования стало изучение динамики и структуры психологической адаптации к инокультурной среде студентов финно-угорской этнической группы (удмуртского и коми-пермяцкого этносов).

Данная цель определила следующие **задачи исследования:**

1. Разработать теоретический концепт психологической адаптации к иной социокультурной среде: раскрыть сущность понятия и динамику протекания психологической адаптации к иной социокультурной среде.

2. Эмпирически изучить стадии протекания психологической адаптации к иной социокультурной среде.

3. Эмпирически изучить структуру психологической адаптации к иной социокультурной среде.

4. Эмпирически изучить соотношение психологической адаптации/дезадаптации к иной социокультурной среде и особенностей межгруппового восприятия.

5. Эмпирически выявить компенсаторные механизмы, обуславливающие успешность психологической адаптации к иной социокультурной среде.

Методологической основой исследования явились принцип антропности (выхода на значимые человеческие смыслы) Д. А. Леонтьева, Дж. Барроу и Ф. Типлера; принцип двойственности качественной определенности человека и его жизненного мира М. Бубера, Л. Я. Дорфмана; принцип относительности Н. Бора (понимание относительности выявленных психологических закономерностей вследствие невозможности учета всех влияний на объект и предмет исследования).

Теоретической основой исследования явились положения культурной обусловленности психики и смыслового строения сознания Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, концепция личностных смыслов А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, концепция превращенных форм М. Бубера, М. М. Бахтина, Л. Я. Дорфмана, Д. А. Леонтьева, В. Ю. Хотинец.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Динамика психологической адаптации к иной социокультурной среде есть изменяющиеся представления человека о своем метаиндивидуальном мире в ходе приобщения к иной социокультурной среде.

2. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде представляет собой целостное психологическое образование, структура которого характеризуется как стабильным (сохранение ценностей своей культуры), так и динамическим (включение к индивидуальным ценностям ценностей иной социокультурной среды) компонентами, находящимися в различном соотношении.

3. Психологическим механизмом становления адаптации к иной социокультурной среде является согласование ценностей своей и другой культуры.

4. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде как включение в ценностно-смысловую структуру индивида ценностей как своей этнической группы, так и ценностей иной социокультурной среды, оказывает эффекты на позитивность межэтнической перцепции.

Апробация работы. Основные положения и результаты проведенного исследования докладывались и обсуждались на Международном конгрессе «Проблемы толерантности в изменяющемся мире» (г. Екатеринбург, 2002), на Международной научно-практической конференции «Толерантность и проблема идентичности» (г. Ижевск, 2002); на Международной научно-практической конференции (г. Ижевск, 2004); на XVII и XIX Мерлинских чтениях (г. Пермь, 2002, 2004); на V региональной научно-практической конференции «Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе» (г. Пермь, 2003); на заседаниях кафедры общей психологии УдГУ (г. Ижевск, 2002, 2003, 2004).

По теме исследования в психологических изданиях опубликовано 7 работ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, выводов, рекомендаций, списка литературы и приложений. Работа изложена на 182 страницах машинописного текста, содержит 44 таблицы и 21 рисунок. Список литературы насчитывает 184 наименований, в том числе 25 на иностранном языке.

Глава 1. Тенденции развития основных положений теории адаптации

1.1. Понятие адаптации

Понятие «адаптация» (от позднелат. *adaptatio* — прилаживание, приспособление) относится к таким общенаучным понятиям, которые, появившись внутри какой-либо одной науки или на «стыках», «в точках соприкосновения» наук, вскоре распространяются на всю область научного знания (И. Калайков, 1984, М. В. Ромм, 2002, Ю. А. Урманцев, 1998). Понятие «адаптация», являвшееся первоначально одним из центральных понятий биологии, на сегодняшний день используется во многих естественных (биологии, медицине, физике и т.д.), общественных (философии, психологии, социологии, педагогике, филологии, истории, экономике и других науках о человеке и обществе) и технических науках. В биологии и медицине данным термином пользуются для обозначения степени выживаемости особей и популяций, соприиспособленности органов и частей тела (коадаптация), в медицине — для обозначения жизнедеятельности человеческого организма в норме и патологии. В социологии и психологии это понятие обозначает процесс и результат установления определенных взаимоотношений между личностью и средой. В филологии говорят об «адаптированных» текстах. В технике и кибернетике разрабатывается понятие «адаптивные системы», под которыми подразумеваются самонастраивающиеся (самообучающиеся, самоорганизующиеся) системы технических устройств.

Широкая распространенность и, как следствие, многозначность таких понятий, как «адаптация», вызывает множество, по мнению Г. А. Балла, малопродуктивных попыток дать им сколько-нибудь приемлемое определение (Г. А. Балл, 2004). Ю. М. Лотман данные специфические термины называл знаками эвристического пространства науки и указывал, что, хотя "лавинный

рост их частотности в научных текстах и сопровождается утратой необходимой однозначности, уникальность данных терминов заключается... в том, что они сигнализируют актуальность проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи" (цит. по: М. В. Ромм, 2002:112).

История изучения адаптации ведет свое начало от идеалистической телеологии (Аристотель): явление приспособленности (адаптации) в живой природе понималось как выражение органической целесообразности в устройстве и функционировании организмов. Данная органическая целесообразность понималась как внутренняя обусловленность направленности на самоосуществление, как свойство, изначально присущее всему живому.

Постановка же самой проблемы адаптации, первоначально являвшейся эволюционной проблемой, исторически была связана с возникновением и развитием биологии: с попытками биологов исследовать взаимосвязи организмов с окружающей их средой (К. Линней, Ж. Бюффон, Ж. Б. Ламарк, Ж. Сент-Илер). Однако на этом этапе изучение адаптации, как указывают А. Б. Георгиевский, В. П. Петленко, А. В. Сахно, Г. И. Царегородцев, также сводилось к представлениям телеологического характера: к принципу прямого (адекватного) приспособления организмов в ответ на воздействия окружающей среды и к утверждению положения об изначально присущем живому свойстве приспособляемости (см.: Философские проблемы теории адаптации, 1975).

Наряду с пониманием адаптации как прямого приспособления организмов в результате индивидуального развития, в XVIII веке возникла теория изменяемости и превращаемости органического мира, основное положение которой заключалось в том, что современные виды произошли путем изменения и превращения ранее живших общих предков, т.е. в результате наследования приобретенных в процессе онтогенеза фенотипических признаков (теория трансформизма Ж. Бюффона, Э. Дарвина, "закон зародышевого сходства" К. М. Бэра, понимание эволюции как сочетания изменчивости и наследственности К. Ф. Рулье).

Второй этап в развитии проблемы адаптации был связан с эволюционистской концепцией Ч. Дарвина. Он впервые заявил, что изменчивость – это не единственная сила эволюции, что существуют и другие факторы эволюции, такие, как наследственность, борьба за существование и естественный отбор. И, во-вторых, что целесообразность имеет не абсолютный, а относительный характер: «адаптации, как и любые другие свойства живого, формируются исторически, а потому являются относительными во времени и в пространстве. Приспособление, полезное в одних условиях, становится бесполезным (например, в случае рудиментации органов) или вредным в других условиях среды (в случае гиперморфозов)» (см.: Философские проблемы теории адаптации, 1975:14).

В 20—30 годы XX в. исследование адаптациогенеза на уровне популяций (системно-генетический подход к исследованию адаптации Р. Фишера, С. С. Четверикова, И. И. Шмальгаузена, синтетическая теория эволюции В. Иогансена) позволило экспериментально решить спор о факторах эволюции в пользу ведущей роли естественного отбора и отбросить гипотезу наследования приобретенных в процессе индивидуального развития фенотипических признаков. Это имело методологическое значение для понимания вопроса о взаимоотношении организма и среды: стали различать два разных, хотя и взаимосвязанных между собой, явления: 1) онтогенетическую адаптацию, связанную с индивидуальными адекватными изменениями организма в ответ на воздействия среды, и 2) филогенетическую адаптацию (эвоадаптацию) как результат исторического преобразования организмов (выработку адаптивной нормы реакции) (см.: А. В. Яблоков, А. Г. Юсупов, 1981).

В дальнейшем А. Н. Северцов уточнил понятие эволюции, введя и разделяя понятия: а) прогресса биологического и б) прогресса морфологического (анатомического и гистологического) и физиологического (А. Н. Северцов, 1982). А. Н. Северцов пришел к выводу, что в некоторых случаях биологический прогресс (выживание в борьбе за существование) может

сопровождаться морфологическим регрессом (например, переход к паразитному образу жизни, к сидячему образу жизни). Таким образом, победа в борьбе за существование определяется исключительно биологическим прогрессом, морфологические изменения определяют только направление эволюции.

Согласно концепции эволюционного (биологического) прогресса А. Н. Северцова, выделяются три направления, или пути, адаптивной эволюции: ароморфоз, идиоадаптация, регресс. Под ароморфозами А. Н. Северцов понимал прогрессивную эволюцию (морфофизиологический прогресс), приводящую к появлению у вида новых качеств, расширяющих его приспособительные возможности и могущих оказаться полезными при критических изменениях среды обитания вида. Данное представление об ароморфозе А. Н. Северцова сходно с идеей о преадаптивных признаках, возникающих в эволюционирующей системе— полезных признаков, возникших до того, как они стали для этой системы действительно полезны.

От ароморфоза А. Н. Северцов отличал идиоадаптацию, то есть адаптацию в узком смысле этого слова — как специализацию вида, обеспечивающую наилучшую приспособленность к типичным условиям его существования без повышения уровня организации. Данная специализация сходна с понятием постадаптации как частичного усовершенствования, дошлифовки приобретенной адаптации к незначительно меняющимся (или относительно постоянным) условиям внешней среды.

Морфологический регресс, или общая дегенерация, характеризуется приспособительными изменениями, связанными с упрощением строения и снижением жизнедеятельности взрослых форм в результате приспособления к особым формам существования (паразитизм, сидячий образ жизни).

Если эволюция идет в направлении идиоадаптации, частных приспособлений, то образ жизни вида качественно не изменяется. Привести к новому образу жизни, повлечь смену системообразующего признака,

определяющего основные характеристики данного вида, могут ароморфоз или преадаптация.

Однако, как отмечают А. Б. Георгиевский, В. П. Петленко, А. В. Сахно, Г. И. Царегородцев, исследователи, рассматривая различные пути эволюции (классификации адаптациогенеза А. Н. Северцова, расширенная И. И. Шмальгаузен, классификация А. Н. Северцова, классификации Б. Ренша и Дж. Гексли), не выделяли в адаптивной эволюции отдельные стадии (см.: Философские проблемы теории адаптации, 1975). Уточнением структуры и динамики адаптациогенеза стал заниматься Дж. Г. Симпсон. Дж. Г. Симпсон, приняв во внимание переломные моменты, выделил в адаптации качественно различные фазы: преадаптивная, собственно адаптация (или инадаптивная фаза), постадаптивная. Состояние инадаптивной фазы, по мнению Дж. Г. Симпсона, критическое: изменившаяся среда ставит организмы перед альтернативой: либо вымирание, либо адаптация к новым условиям. Именно в преодолении инадаптивной фазы и состоит, по Дж. Г. Симпсону, процесс адаптации (см.: Философские проблемы теории адаптации, 1975).

Преадаптация понимается как наличие у видов реальной возможности приспособливаться к постоянно меняющейся среде (видовая особенность организмов). Преадаптация человека, основанная на потенциальной полифункциональности органов, рассматривается или как потенциально полезные признаки или как потенциальная адаптивная способность, адаптивность: какой-либо запас способностей индивида, не реализуемых непосредственно, но которые могут быть ценными в будущем (А. А. Налчаджян, 1998).

Преадаптация имеет эволюционное значение — известно высказывание Э. Майра: «Для того, чтобы проникновение в новую нишу или адаптивную зону было успешным, вид должен быть заранее приспособлен — преадаптирован — к ней» (цит. по: Философские проблемы теории адаптации, 1975:77). Без наличия готовности к приспособлению никакая популяция принципиально не может эволюционировать в постоянно меняющейся среде. Ярким примером

проявления преадаптивной активности в биогенезе являются игры животных (В. С. Ивашкин, В. В. Онуфриева, 2002), в социогенезе — игры детей, карнавальная (шутовская) и смеховая культуры (М. М. Бахтин), где в карнавальных и смеховых действиях осуществляется поиск иных вариантов развития культуры, строится иная желаемая действительность, приобретается "резерв внутренней вариативности" (Ю. М. Лотман).

Идею необходимости индивидуальной вариативности как благоприятного условия для развития культуры (как преадаптивности культуры) предложил В. А. Вагнер (см.: А. Г. Асмолов, 1986). По закономерности В. А. Вагнера, чем больше вариативность индивидуальных характеристик особей, тем выше развито сообщество. Различия в индивидуальной одаренности членов общества влияют на расширение эволюционирующих систем, возможность перехода к качественно новому образу жизни, рождение цивилизаций и культур. На основе этой закономерности А. Г. Асмолов сформулировал принцип эволюционной значимости индивидуальной вариативности в социогенезе: «в любой эволюционирующей системе функционируют избыточные неадаптивные элементы, относительно независимые от регулирующего влияния различных форм контроля и обеспечивающие саморазвитие системы при непредвиденных изменениях условий ее существования» (А. Г. Асмолов, 1986:95). В данном понимании, любая система (биологическая или социальная) имеет жизненную необходимость в избыточной вариативности любых преадаптивных форм. И сутью приспособительного процесса с этих позиций является не выработка единой универсальной адаптивной стратегии, а создание максимально широкого набора потенциальных адаптивных путей развития (А. Г. Асмолов, 2002, Д. А. Леонтьев, 1999, М. В. Ромм, 2002, Э.В. Соколов, 1972).

Здесь следует подчеркнуть также различие между признаками преадаптивного и постадаптивного значения, заключающееся в том, что первые еще никогда ранее не использовались, вторые использовались, но сохранили

свою ценность для будущего в латентном состоянии или используются, но дошлифовываются к незначительно меняющимся условиям внешней среды. Признаки преадаптивного значения возникают в данное время и в данной среде в результате наследственной или индивидуальной изменчивости. Признаки постадаптивного значения возникли уже в прошлом, но существуют в настоящее время в силу того, что закрепились в норме реакции или индивидуальном опыте. Но те и другие обладают готовностью стать адаптивными при благоприятном изменении среды. В этом и состоит специфика явлений преадаптации и постадаптации.

В современном пространстве науки существуют несколько аспектов рассмотрения явления адаптации. Первый — это дискуссии вокруг самого понятия "адаптация", которые ведутся в нескольких направлениях: во-первых, это споры о сущности адаптации: адаптация — это процесс, результат или состояние равновесия системы «организм-среда»; Второй аспект — рассмотрение адаптации рассмотрение соотношения понятий «адаптация» и «развитие» и понятий «адаптация» и «социализация».

В виду того, что понятие "адаптация" является общенаучным и, к тому же, понятием с весьма длительной историей, термин «адаптация» давно уже потерял свою однозначность. Более того, как пишет Ю. А. Урманцев, корректного определения адаптации не существует вообще. Все существующие определения страдают либо тавтологичностью, либо охватывают только один (чаще биологический), значительно реже — несколько, из множества классов адаптации, либо в определении отсутствуют специфичные, выделяющие именно адаптацию, признаки (Ю. А. Урманцев, 1998).

Однако, несмотря на наличие терминологического и методологического разнобоя в определении данного понятия, можно выделить несколько аспектов (граней) в рассмотрении адаптации: данное понятие 1) понимается как процесс приспособления к изменяющимся условиям среды; 2) как поддержание

относительного равновесия между организмом и средой; и, наконец, 3) как результат приспособительного процесса.

1. Первый класс определений рассматривает адаптацию как поддержание отношения равновесия (относительной гармонии), которое устанавливается между организмом и средой. Идея гомеостаза идет от биологических теорий, утверждающих, что все реакции организма как системы, пассивно приспособляющейся к воздействиям среды, призваны выполнять только адаптивную функцию – вернуть организм в состояние равновесия, обеспечить устойчивость данной системы.

Известна гипотеза К. Бернара и У. Кэннона о гомеостазе как о подвижном равновесном состоянии какой-либо системы, сохраняемом путем ее противодействия внутренним и внешним факторам, нарушающим это равновесие; как о стремлении системы к сохранению своей стабильности. Этой же позиции придерживается отечественный исследователь Ф. Б. Березин, утверждая, что при взаимодействии организма и среды сохранение гомеостаза является основой психического и физического здоровья, удовлетворения актуальных потребностей индивида. Данное гомеостатическое состояние поддерживается благодаря постоянному процессу адаптации (ситуативного приспособления) организма к среде (Ф. Б. Березин, 1988).

В отечественной психологии адаптацию через равновесие рассматривали Г. А. Балл (Г. А. Балл, 1989), Ф. Б. Березин (Ф. Б. Березин, 1988). В психологических концепциях гомеостатический вариант объяснения поведения личности нашел свое выражение в психоанализе З. Фрейда, биосоциальной концепции идентичности Э. Эриксона, динамической теории личности К. Левина, социально-психологических теориях стремления к разрядке когнитивного несоответствия (диссонанса) Л. Фестингера или баланса Ч. Осгута, теории личностных конструктов Дж. Келли, концепции общего адаптационного синдрома Г. Селье.

Таким образом, гомеостатический подход делает акцент на том, что адаптация — это вынужденный процесс, это результат действия сторонних по

отношению к человеку сил. Однако, анализируя проблему равновесия, В. Франкл заметил, что мнение о необходимости человеку равновесия, о его стремлении к «гомеостазису» — это опасное заблуждение: «на самом деле человеку требуется не равновесие, а скорее борьба за какую-то цель, достойную его. То, что ему необходимо, не есть снятие напряжения любыми способами, но есть обретение потенциального смысла, предназначения, которое обязательно будет осуществлено» (В. Франкл, 1990:40).

2. В следующем классе определений адаптации делается акцент на ее **процессуальных, динамических характеристиках**. В этом подходе адаптацию определяют как «целостную систему реакций живых систем, имеющих активный, направленный характер, способствующих не только поддержанию динамического равновесия в данных условиях среды, но и обеспечивающих возможность эволюции при их изменении» (Г. И. Царегородцев, цит. по: Философские проблемы теории адаптации, 1975:43). Таким образом, идее гомеостаза противопоставляется идея оптимального динамического взаимодействия личности и среды, проявляющегося в актах самовынесения себя в мир, самопознания и самореализации, в уточнении ценностей и смыслов. В отечественной психологии изучением адаптации как процесса занимались Н. А. Ощуркова (1995), Н. Е. Шустова (1999), Л. В. Ключникова (2001), В. В. Гриценко (2002). В психологических гуманистических концепциях — это положение о нарушении равновесия как мотивации развития А. Маслоу, К. Роджерса, о стремлении к смыслу В. Франкла, деятельностный подход А. Н. Леонтьева, концепция личности В. Н. Мясищева, Д. Б. Эльконина.

Сторонники динамического понимания адаптации выделяют, прежде всего, временные характеристики протяженности, стадийность, психофизиологические механизмы адаптации (А. Н. Леонтьев, В. С. Мерлин, Б. А. Вяткин), психологические механизмы адаптации: идея об адаптивной природе интеллекта Ж. Пиаже (о двух механизмах приспособления человека к окружающей среде (адаптации): ассимиляции и аккомодации), двухфакторная

модель интеллекта Р. Кеттела (текущий и кристаллический интеллект), концепция когнитивных схем У. Найссера, идея социально-когнитивных структур К. А. Абульхановой-Славской.

Сравнивая эти два взгляда на феномен адаптации, многие исследователи (А. Г. Асмолов, 2002а, А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов, 2000) указывают, что данные тенденции — стремление системы к сохранению самой себя (согласованию со средой) и стремление системы к изменению (рассогласованию со средой) — являются двумя сторонами эволюции любых развивающихся систем. В биологических системах эти две стороны эволюционного процесса проявляются в наследственности как общей тенденции развивающейся системы к самосохранению, к передаче информации от поколения к поколению без искажений и изменчивости, т.е. приспособлении вида к среде обитания.

В социальных системах тенденция к сохранению проявляется в социальном наследовании, в фиксации тех форм культуры и цивилизации, которые обеспечивают адаптацию данной системы к уже встречавшимся в ходе ее эволюции ситуациям. Причем данная тенденция проявляется не только в поддержании равновесия со средой, но и в передаче индивидуального опыта следующим поколениям. Такими формами на социальном уровне, как считает А. Г. Асмолов, являются обычаи и традиции, а на индивидуальном уровне — стереотипы, репродуктивное мышление, привычки и установки (А. Г. Асмолов, 2002а).

Изменчивость проявляется в нестереотипизированных приспособлениях системы к новым ситуациям, в поиске уточняющей информации о своей среде существования и в построении целесообразного поведения в ней. На индивидуальном уровне тенденция к изменению проявляется в виде таких форм активности, как творчество, воображение и самореализация личности. На социальном уровне изменчивость обеспечивается «внутренней вариативностью» (Ю. М. Лотман) индивидуальных характеристик системы, избыточностью ее ценностно-смыслового континуума.

3. Понимание адаптации как **результата** приспособительного процесса, или, более точно, понимание адаптации не столько как процесса, сколько как результата (А. А. Налчаджан, 1988) в работах специально не анализируется, но используется при оценке успешности адаптивных процессов в целом: указываются критерии и признаки адаптации. Для редукции смыслового разнобоя — понимания адаптации как процесса и адаптации как результата — Х. Хартманн предложил ввести понятие «адаптивность», т.е. различать состояние "адаптивности" как «установления относительного равновесия в системе “человек – среда”» и процесс адаптации, который приводит к этому состоянию (Х. Хартманн, 2002:40).

Результативный критерий адаптации, по мнению исследователей (А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов, 2002), положен в основу большинства современных классификаций феномена адаптации. Обычно в качестве критериев адаптации, или показателей адаптивности, рассматривают наличие определенных «ножниц» между субъективной и объективной картиной жизни и сопровождающими данную обобщенную оценку успешности адаптации, чувствами субъективной удовлетворенности/неудовлетворенности и ценностно-смысловыми переживаниями. Это баланс между социальной успешностью и внутренней успешностью (Е. Б. Весна, 1998), степенью расхождения между уровнем актуальных потребностей и уровнем их удовлетворения (Н. Е. Шустова, 1999), субъективной удовлетворенностью (социальным самочувствием как эмоциональным комфортом и принятием себя, оптимизмом) и объективным критерием (степенью интегрированности, согласованности и активности в новой среде) (Л. В. Ключникова, 2001), соответствие реального поведения требованиям социального окружения (внешний критерий) и достижение внутриличностной комфортности, ощущения осмысленности жизни (внутренний критерий) (А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов, 2002).

Однако, как отмечает Д. А. Леонтьев, чувство удовлетворенности, общественное признание не могут служить надежными критериями:

единственным индикатором в переживании успеха или неудачи в жизни, в самореализации (в построении собственного Я в новой культуре) служат вклады своих сущностных сил других людей, в культуру (Д. А. Леонтьев, 1997:160), ощущение осмысленности или бессмысленности жизни (В. Франкл, 1990).

Стремясь найти более объективный критерий некоторые исследователи указывают на степень соответствия личностных особенностей новым культурным нормам (Т. Г. Стефаненко, 2000), на появлении новых функциональных систем: формировании новообразований в виде интегральных характеристик личности как перегруппировки связей внутри свойств личности (И. Б. Дерманова, Л. А. Коростылева, 1997).

Итак, в качестве результата адаптации выделяют критерии адаптированности: субъективные (чувство удовлетворенности, осмысленность жизни), объективные (степень соответствия личностных особенностей новым культурным нормам, интегральные характеристики личности), так и соотношение объективных и субъективных критериев.

Возникает еще одно затруднение при определении понятия адаптация: это соотношение понятий «адаптация» и «развитие», «адаптация» и «социализация». Существует две точки зрения на соотношение понятий «адаптация» и «развитие»: их рассматривают или как параллельно идущие процессы, или как взаимоисключающие стадии эволюции.

В первом понимании адаптация и развитие считаются сторонами одного процесса — эволюции, и являются параллельно идущими процессами. Так, дальнейшее эволюционное развитие происходит одновременно с усовершенствованием приобретенных функций (адаптацией). Данную точку зрения поддерживают известным тезисом: «Если развитие есть стратегия жизни, то адаптация – это тактика, которая позволяет живому удерживаться в определенных эволюционных рамках, обеспечивая тем самым возможность прогресса» (цит. по: Философские проблемы теории адаптации, 1975:4).

Рассматривая в качестве примера эволюции социальность индивида, А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов указывают на то, что процесс адаптации (социальной адаптации) есть не активностно-приспособительный, а активностно-развивающий, отсюда следует, что явления адаптации и личностного развития являются взаимодополнительными (А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов, 2002:10—11).

Второе мнение: адаптация и развитие — это чередующиеся взаимоисключающие друг друга стадии эволюции. В этом понимании адаптация есть закрепление, усовершенствование приобретенных признаков, «укрепление» вида, человека в данной среде, а развитие — это активное приобретение этих новых для вида или человека признаков, полезных в изменившихся условиях среды. Данная позиция распространена, например, в кросс-культурной психологии: М. Херсковиц в процессе инкультурации (или вхождении в культуру) выделяет два различных этапа: вхождение в культуру, при котором происходит активное освоение языка, присвоение норм, ценностей культуры (этап развития), и второй этап — возможность для индивида принимать или отбрасывать то, что ему предлагается культурой, этап отбора действительно полезных для выживания в данной среде признаков (этап собственно адаптации) (см: Т. Г. Стефаненко, 2000:103).

Помимо различия в понимании соотношения понятий «адаптация» и «развитие», существует еще наслаивание друг на друга понятий «адаптация» (в частности адаптация к иной культурной среде) и «социализация».

Известны различные точки зрения на соотношение данных понятий. Например, М. Мид, О. И. Зотова и И. К. Кряжева, рассматривая эти два понятия, указывают на их дихотимичность в областях непрерывности/дискретности, своей/иной социокультурной среды. М. Мид указывает на то, что понятие «социализация» является более общим по отношению к понятию «культурная адаптация»: социализация — это социальное научение вообще, а аккультурация (адаптация к иному социокультурному контексту) — процесс научения в специфической культуре

(см.: J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen, 1992:271). О. И. Зотова и И. К. Кряжева также замечают, что социализация чаще связывается с общим развитием индивида, что это процесс непрерывный, идущий с момента рождения до смерти, а адаптация — процесс прерывистый (дискретный), связанный с приспособительными реакциями человека, столкнувшегося с новыми обстоятельствами жизнедеятельности (О. И. Зотова, И. К. Кряжева, 1979). Однако в данном случае идет неоправданное сужение семантического поля понятия «адаптация» до понимания адаптации лишь как интеграции индивида в новую для него социокультурную среду.

Другую точку зрения на разделение данных понятий: социализации и адаптации — можно передать через известное парадоксальное высказывание А. А. Налчаджяна: «личность может быть социализированной, но дезадаптированной» (А. А. Налчаджян, 1988:29). Сторонники данной позиции, Д. Матсумото, А. А. Налчаджян, М. В. Ромм, М. Херсковиц и Р. Редфильд, особо подчеркивают, что данные процессы — социализации и аккультурации — протекают одновременно: без вхождения в культуру человек не может существовать и как член общества.

Д. Матсумото под социализацией понимает «процесс усвоения социальных норм, отношений и верований, обусловленных культурой данной страны», и механизмы данного усвоения, а аккультурация, по его мнению, относится «к субъективным внутренним психологическим аспектам культуры» (Д. Матсумото, 2002:149—150). Различия между социализацией и аккультурацией связаны, с точки зрения Д. Матсумото, с различиями между понятиями «общество» и «культура». М. Херсковиц и Р. Редфильд, разделяя понятия социализации и аккультурации, под первым понимают «интеграцию индивида в общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей», а под вторым (аккультурацией) — «освоение присущих культуре миропонимания и поведения, в результате чего формируется когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство индивида с членами данной культуры» (цит. по: J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall,

P. R. Dasen, 1992:271). Таким образом, как отмечает М. В. Ромм, социализация обеспечивает процесс становления индивида (осуществляет непрерывную и устойчивую трансляцию всего объема социальной информации от поколения к поколению) и «грубую настройку» индивида обществом на соответствие требованиям социума. В то время как адаптация обеспечивает «самонастройку» личности на должный уровень взаимодействия с социумом и проявляется в постоянном поиске эффективных адаптивных стратегий (М. В. Ромм, 2002:44).

1.2. Изучение психологической и социальной адаптации в русле кросс-культурной психологии

В отличие от изучения адаптации в биологии и медицине, проблемами социальной и психологической адаптации мировая наука начала заниматься только с начала XX века.

Исследование проблемы социально-психологической адаптации в отечественной психологии ведется многими учеными по целому ряду направлений: адаптация личности в различных группах и коллективах (В. Н. Грибов, 1999), в различных сферах учебной (Е. А. Иванова, 2000, Н. А. Савотина, 1997 и др.), трудовой, производственной деятельности (А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов, 2002), при различных психосоматических и невротических заболеваниях (Ф. Б. Березин, 1988), адаптация личности к иному культурному или социальному контексту (Е. В. Витенберг, 1994, В. В. Гриценко, 2002, З. А. Данилова, 1999, Л. В. Ключникова, 2001, Л. В. Ковтун, 1999, Е. П. Крупник, Р. А. Тагирова, 1999, Н. М. Лебедева, 1997, Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, 2003, Н. В. Маханько, 2001, Е. А. Назарова, 1998, А. В. Никонов, 1998, Н. С. Офицеркина, 1997, М. В. Ромм, 2002, Т. К. Фомина, 1998 и др.). Однако, изучая психологическую адаптацию к иной культурной среде, остановимся

прежде всего на исследованиях по проблеме социально-психологической адаптации, разрабатываемых в русле кросс-культурной психологии.

Проблема адаптации к иному социальному и культурному контексту первоначально разрабатывалась в этнологии при изучении процессов аккультурации, которую Р. Редфильд, Р. Линтон и М. Херсковиц определили как «результат непосредственного, длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов оригинальной культуры одной или обеих групп» (цит. по: J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen, 1992:271). Понимание аккультурации исключительно как феномена группового уровня позднее было расширено введением понятия психологической аккультурации как процесса изменения в индивидуальной структуре смысловых образований, в том числе в структуре личностных ценностей, моделях ролевого поведения индивида. Таким образом, психологическая адаптация к иной культурной среде является одной из областей теоретического и эмпирического исследования процессов аккультурации.

С начала 50-х годов XX века в русле исследований адаптации к новой культурной среде преобладают исследования, посвященные изучению психологического потрясения, переживаемого при столкновении с иным социокультурным контекстом, — «культурного шока», или «шока перехода», или «культурной утомляемости». Данные понятия объединяют ярко выраженные патологические феномены (симптомы), возникающие в психическом, физическом и психологическом самочувствии людей, вызванные вхождением в новую, а значит — в определенной мере стрессогенную среду: фиксированности на состоянии здоровья, повышенной чувствительности, общей тревожности, раздражительности, психосоматических расстройств, депрессии, ранимости в межличностных отношениях, ощущения потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и глобального ощущения потери смысла жизни (А. Г. Асмолов, 2001, Ф. Б. Березин, 1988, В. В. Гриценко, 2000б, Н. М. Лебедева, 1999а, Н. Б. Михайлова, 2000,

Е. Т. Соколова, 2001, Е. Е. Торчинская, 2001, З. Н. Тумалаева, 2001, А. Furnham, S. Bochner, 1986, К. Oberg, 1960).

Попытки объяснить причины и особенности протекания «шока перехода», найти факторы, усугубляющие его последствия, породили множество теорий. Это четыре классических концепции: теория страдания (горя) и лишения (утраты), теория локуса контроля (теория фатализма), теория селективной миграции, теория ценности ожиданий — и несколько современных концепций, среди которых теория негативных жизненных событий, теория ценностных различий и теория социальной поддержки.

Первоначально объяснить возникновение негативных изменений в психическом, физическом и психологическом самочувствии пытались, исследуя особенности самой ситуации. Согласно уже ставшей классической теории страдания (горя) и лишения (утраты), недобровольные, а отсюда — часто поспешные и недостаточно подготовленные, миграции всегда сопровождаются значительными потерями и лишениями: социального статуса и имущества, разрушением эмоциональных связей со значимыми людьми. Отсюда и большой набор патологических симптомов, сопровождающих «шок перехода» (В. В. Гриценко, 2000б, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, 2001, К. Oberg, 1960). Данные психологические последствия травматического опыта исследуются в русле работ, посвященных диагностике и терапии посттравматических расстройств (ПТСР).

Ограничение теории страдания (горя) и лишения (утраты) состоит в том, что она может использоваться исключительно для понимания психологического состояния мигрантов — беженцев и вынужденных переселенцев (В. В. Гриценко, 2002, О. Д. Шарова, 2001, А. Furnham, S. Bochner, 1986). Как показали исследования А. Фарнхема и С. Бочнера, адаптация мигрантов напрямую зависит от степени добровольности приезда в страну: те, кто приехали в чужую страну добровольно в силу образовательных или экономических причин, проходят адаптацию сравнительно легко, в то время как беженцы, «вытолкнутые» политическими изменениями,

психологически сопротивляются разрыву связей с родиной и адаптируются дольше и с большими трудностями (A. Furnham, S. Bochner, 1986:55—56). Кроме того, данная теория только констатирует видимые негативные изменения в социальном статусе и психологическом состоянии адаптирующихся в новой среде, но не объясняет, каковы могут быть индивидуальные границы чувствительности к стрессу, различия в переживании стресса у разных групп людей по возрастному, образовательному уровню, акцентирует внимание только на разрушительной стороне страдания, не принимая во внимание важности сильного эмоционального переживания для развития личности: принятие новых ценностей, отношений, моделей поведения (В. В. Гриценко, 2002; A. Furnham, S. Bochner, 1986).

Близкой по содержанию к теории страдания и горя является современная теория негативных жизненных событий. Одним из основных положений теории является утверждение, что, действительно, большие изменения в жизни человека чреваты для него расстройствами физического и психического здоровья. Однако данные расстройства возникают вследствие не только негативных, но и позитивных изменений: «ни в коем случае нельзя утверждать, что положительные изменения (улучшение качества жизни, образования и здоровья) приводят к положительным результатам (улучшения умственного и физического здоровья), а отрицательные изменения (трудности в изучении нового языка, недостаток близких друзей, разлука с семьей) обязательно ведут к отрицательным последствиям (депрессии, неврозам и т.п.). Скорее, согласно результатам исследований, абсолютное количество позитивных или негативных изменений к серьезному ухудшению здоровья» (A. Furnham, S. Bochner, 1986:180). Достоинством данной теории стало не простое подтверждение, что любые большие сдвиги в повседневной жизнедеятельности нагружают адаптационную систему, а стимулирование исследований, направленных на разработку шкал наиболее значимых событий, обладающих различной степенью стрессогенности для представителей разных

культур (Т. Х. Холмс, Р. Н. Page, см.: Практическая психодиагностика, 1998:143—153, A. Furnham, S. Bochner, 1986:179—180).

Вторая группа концепций сконцентрирована на объяснении причин трудностей, возникающих при адаптации, личностными особенностями самих мигрантов. Этими причинами являются экстернальный локус контроля (В. В. Гриценко, 2002), когнитивная простота (А. Г. Шмелев, 2002), определенные акцентуации характера (Ф. Б. Березин, 1988), шлейф личностных проблем, не решенных в своей культуре (Ф. Б. Березин, 1988, R. Cochrane, см.: A. Furnham, S. Bochner, 1986), неадекватность (завышенность) ожиданий (N. T. Feather, 1995, A. Furnham, S. Bochner, 1986) и др.

Основное положение теории, основанной на локусе контроля (или теории фатализма), в том, что мигранты с интернальным локусом контроля быстрее и легче адаптируются в новой социокультурной среде (Ф. Б. Березин, 1988; В. В. Гриценко, 2001, 2002). С точки зрения отечественных авторов «развитый самоконтроль, независимость, самостоятельность, чувство ответственности и интернальный локус контроля относятся к характеристикам, повышающим адаптивный потенциал личности при попадании ее в инокультурную среду» (Гриценко В.В., 2001:136). Согласно эмпирическим данным К. Муздыбаева, существует положительная корреляция между интернальностью и надеждой, ориентацией на настоящее и будущее, наличием смысла жизни: чем больше субъект верит, что все в жизни зависит от его собственных усилий и способностей, тем в большей мере находит он в жизни смысл и цели (К. Муздыбаев, 2000:13). Однако, как утверждают А. Фарнхем и С. Бочнер, успешность адаптации не связана прямо с интернальным локусом контроля. Более легкая адаптация происходит за счет способности мигрантов с интернальным локусом контроля начинать конструктивно действовать для противостояния стрессовым факторам (A. Furnham, S. Bochner, 1986:169). Мигранты с экстернальным локусом контроля, не считая себя способными влиять на события, часто не выдерживают постоянного прессинга стрессовой ситуации и прерывают свое пребывание в новой культуре. Зависимость от

внешних обстоятельств и неспособность управлять своими делами, приводит к появлению у мигрантов с экстернальным локусом контроля таких личностных качеств, как повышенная тревожность, агрессивность, меньшая терпимость (Ф. Б. Березин, 1988; В. В. Гриценко, 2001, 2002). Данный парадокс повышенной тревожности при отрицании ответственности за события своей жизни А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов объясняют — с помощью информационной теории эмоций Н. Симонова — действием высокой степени неопределенности ситуации и, как следствие, высоким эмоциональным напряжением (А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов, 2002:161—162). Однако, как показали исследования R. Cochrane, связь между интернальным локусом контроля и успешностью адаптации не всегда подтверждается: часто фатализм (полное принятие ситуации без попыток изменить ее) является адаптивной стратегией и служит в качестве психологической защиты для мигранта или группы в целом (см.: A. Furnham, S. Bochner, 1986:170).

Сходна с теорией локуса контроля концепция когнитивной сложности. На основе работ Дж. А. Келли была выдвинута гипотеза о том, что чем больше независимых конструкторов использует личность, тем больше степеней свободы в поведении (тем больше возможностей для адаптации) она имеет, и наоборот (см.: Л. Первин, О. Джон, 2001:391). Когнитивно-сложные индивиды, использующие при категоризации большее количество конструкторов и более крупные категории, объединяют опыт, полученный ими в новой культуре, с опытом, приобретенным на родине, обнаруживают высокую терпимость к противоречивой информации, способны понять позицию другого, устанавливают более короткую социальную дистанцию между собой и представителями других культур — и поэтому успешнее адаптируются в новой среде. Когнитивно-простые индивиды, использующие ограниченное количество конструкторов, обнаруживают низкую терпимость к противоречивой информации (отбрасывают те факты, которые не соотносятся с основной информацией), менее открыты к усвоению нового опыта, более догматичны и, как следствие, сложнее адаптируются в новой социокультурной среде (см.:

Л. Первин, О. Джон, 2001:391). Однако, как показал ряд исследований А. С. Кондратьевой, А. Г. Шмелева между когнитивной сложностью и адаптированностью, скорее всего, не прямые взаимосвязи, а криволинейные. Негативный вклад в адаптированность вносят как очень низкие, так и очень высокие значения когнитивной сложности (А. Г. Шмелева, 2002:86).

Одной из самых старых и самых популярных теорий, объясняющих причины трудностей адаптации к иной социокультурной среде характеристиками самих мигрантов, является теория селективной миграции. В ее основание положена неodarвинистская идея селективной миграции как расширенного принципа естественного отбора: лучше приспособляются к новой среде те, кто изначально лучше ей соответствует. Сторонники теории селективной миграции утверждают, что на миграцию решаются люди определенных личностных типов, в частности, обладающие определенными акцентуациями характера. Ф. Б. Березин эмпирически обнаружил ряд психосоматических особенностей, увеличивающих риск адаптивных нарушений: к ним относятся «высокий уровень нереализованных побуждений, возрастание соотнесенной фрустрационной напряженности и фрустрационной интолерантности, повышенный уровень лабильности, выраженная склонность длительно фиксировать внимание на фрустрирующих ситуациях и относить свои затруднения за счет недостатков и неправомерных действий окружающих (экстернальный локус контроля)» (Ф. Б. Березин, 1988:152).

В русле той же теории селективности Р. Кочрейн выделил две группы мигрантов, принадлежащих одной культуре: стабильные, переселяющиеся вследствие причин, связанных с работой, и нестабильные, имеющие потенциальные проблемы и мигрирующие в надежде их разрешить. Происходящее в результате смены культуры наслаивание проблем, связанных с «шоком перехода», на проблемы, не решенные в своей культуре, и является отфильтровывающим фактором данной группы мигрантов (цит. по: В. В. Гриценко, 2002:18). К тому же выводу на основании эмпирического исследования проблем психической адаптации в новой социокультурной среде

пришел и Ф. Б. Березин: в том случае, если индивиды «миграцию рассматривают .... как метод избегания неприятных воздействий.... то, чем больше выражены затруднения психической адаптации, предшествующие миграции, тем больше роль экстрапульсивных факторов и выше риск возникновения нарушений психической адаптации в новых и необычных условиях» (Ф. Б. Березин, 1988:153). Таким образом, сторонники теории селективности выделяют группы мигрантов с определенными личностными особенностями, которые будут эффективно адаптироваться или не выдержат «стресса аккультурации». Но, как подчеркивает В. В. Гриценко, саму природу селективности эти теории не раскрывают (В. В. Гриценко, 2002:18).

Находящаяся в русле теорий селективной миграции и раскрывающая природу селективности теория стресса Г. Селье. Г. Селье утверждал, что существует индивидуальный порог чувствительности к стрессу, и решающую роль в возникновении «болезней адаптации» играет не сила стрессового фактора, а именно реакция человека на это воздействие. «Для болезней, возникающих, в основном, вследствие дефектов адаптации (неправильное протекание синдрома стресса), я предложил название болезни адаптации, поскольку они значительно меньше зависят от природы патогенного фактора, чем от адаптивной реакции организма на неспецифические сенсорные эффекты» (Г. Селье, 2000:152). В связи с данной теорией необходимо учитывать такие личностные свойства мигрантов, являющиеся детерминантами низкой стрессоустойчивости при адаптации к иной социокультурной среде. Авторы выделяют такие личностные особенности, как личностная тревожность (М. А. Ларцев, С. К. Наврузова, М. Г. Багдасарова, О. П. Колощук, 2001, С. Б. Самбуева, 1999), нейротизм (Л. В. Ключникова, 2001), склонность к интропунитивным реакциям (Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, 2001).

С точки зрения теории ценности ожиданий, основным фактором, влияющим на успешность адаптации, является соответствие между ожиданиями мигранта и выполнением этих ожиданий, или адекватность ожиданий мигранта о жизни в новой стране (N. T. Feather, 1995:1148). По

результатам исследований, завышенные, нереалистичные, нереализуемые ожидания в большинстве случаев приводили к психологическим трудностям и срывам адаптации; чем ниже были ожидания, тем больше была вероятность того, что они исполнялись и, следовательно, адаптация проходила более успешно (R. Cochrane, цит. по: A. Furnham, S. Bochner, 1986:174). Однако какие именно ожидания (в каких сферах жизнедеятельности) являются более значимыми для успешной адаптации и является ли эта зависимость универсальной в этой теории не указывается. Кроме того, как утверждают А. Фарнхем и С. Бочнер, низкие ожидания снижают как социальную подвижность в иной культурной среде, так и саму возможность принятия решения о миграции: «кроме беженцев, немного людей добровольно мигрировали бы, если их ожидания были слишком низки» (A. Furnham, S. Bochner, 1986:175).

Среди групповых факторов, влияющих на особенности адаптации мигрантов, выделяются характеристики взаимодействующих культур (теория ценностных различий) и особенности страны пребывания (теория социальной поддержки).

На групповом уровне «культурный шок» объясняется столкновением различных систем ценностей. В русле данной теории предпринимались попытки составить своеобразную «картину мира» по типам ведущих ценностей. Исходя из данной теории, причины и глубина трудностей, переживаемых человеком в процессе адаптации, зависят от качества и количества различий в ведущих ценностях между культурами, т.е. от культурной дистанции между группами (A. Furnham, S. Bochner, 1986). Данные ценностные различия являются для мигрантов своего рода «смысловыми лакунами», выпадениями смысловой ткани, «несовпадениями форм категоризации мира при переводе с одного языка на другой, с одного сознания на другое» (В. Ф. Петренко, 1997). Эту зависимость подтверждают результаты эмпирических исследований: чем больше величина культурной дистанции, чем шире смысловое несовпадение

между собственной культурой мигранта и новой культурой (восприятие другой культуры как далекой, не похожей на мою собственную), тем более глубокие деструктивные изменения влечет за собой миграция (Ю. А. Гаюрова, 2003, В. В. Гриценко, 2002, Н. М. Лебедева, 1997).

Однако, до появления теории социальной поддержки, ни одна из перечисленных теорий не рассматривала способы преодоления «культурного шока». Основное положение данной теории — сетей социальной поддержки (A. Furnham, S. Bochner, 1986) или отсроченной или селективной аккультурации (K. M. Neckerman, P. Carter, J. Lee, 1999, A. Portes, M. Zhou, 1992) — в том, что «разрыв» значимых социальных и эмоциональных связей, деструктивно влияющий на психическое здоровье, может быть компенсирован за счет сохранения своего этнического окружения в новой среде. Данное сохранение связей со своим этническим окружением (вхождение в социальные институты своей диаспоры), особенно на первом этапе адаптации, может выступать в качестве «буфера от психических расстройств» (Н. М. Лебедева, 1997, Н. Б. Михайлова, 2000). В частности, как заметили А. Портес и М. Жоу, С. Вертовек, членство в диаспоре активно охраняет позитивную идентичность мигрантов, предлагая в качестве образца для сравнения не коренных жителей, а таких же мигрантов (A. Portes, M. Zhou, 1992, S. Vertovec, 1999). Кроме того, помимо эмоциональной поддержки, диаспора дает необходимые, особенно на начальном этапе адаптации к новой социокультурной среде, ресурсы для социальной подвижности: экономические и информационные (В. Н. Валитов, 2001, В. П. Поздняков, Л. В. Ключникова, 1997, A. Portes, M. Zhou, 1992).

В то же время существует противоположное мнение, подтвержденное результатами эмпирических исследований (В. В. Гриценко, 2002, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, В. В. Бенедиктова, О. А. Кравцова, 2001, A. Furnham, S. Bochner, 1986, A. Portes, M. Zhou, 1992) о том, что проживание в гомогенных национальных группах затрудняет социальную и психологическую адаптацию и интегрированность с коренными жителями (A. Furnham,

S. Bochner, 1986:128—129), у мигрантов, проживающих внутри своей диаспоры более выражены показатели фрустрированности в новой социокультурной среде, снижение удовлетворенности жизнью (В. В. Гриценко, 2002, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, В. В. Бенедиктова, О. А. Кравцова, 2001). На эту теневую сторону влияния диаспоры указывали и А. Портес и М. Жоу: диаспоры повышают материальный уровень, но снижают аккультурацию мигранта в новую социокультурную среду (А. Portes, M. Zhou, 1992).

Таким образом, можно сделать вывод, что на успешность адаптации к иной культуре будут оказывать взаимосвязанное влияние как характеристики самих мигрантов, так и особенности взаимодействующих культур.

Однако в последние годы внимание акцентируется не только на негативных последствиях культурного шока для целостности личности, но и на его позитивном влиянии — принятии новых смыслов и осознании собственной иерархии личностных ценностей (Ф. Е. Василюк, 1984, Д. А. Леонтьев, 1999, J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen 1992). Преимущества данной модели («стресса аккультурации») — в изменении взгляда на локализацию источников возникающих проблем: с культуры на межкультурное взаимодействие.

Сущность процесса адаптации в данной концепции — не просто формирование соответствия с другой культурой, а перефразируя О. Паса, вышивание на привычном орнаменте своего ценностно-смыслового сознания новых ценностных узоров (О. Пас, 2000:379), формирование соотношения между своей этнокультурной самобытностью (т.е. сохранение ценностей своей этнической группы) и принятием другой культуры (т.е. включение в структуру ценностей индивида ценностей иной культуры).

В более ранних исследованиях утверждалось, что для успешной адаптации лучшим вариантом является отказ от поддержания своей культуры в пользу культуры доминирующей этнической группы (ассимиляционная нормативная концепция). При этом этническая сохранность (сохранение

этнической идентичности) долгое время даже рассматривалась как дисфункциональная. Однако на современном этапе пришли к выводу о необходимости сохранения своеобразных культурных особенностей: как для поддержания целостной «картины мира» в сознании индивида и утверждения своего места в этом мире (Э. Эриксон, 1996), самоуважения на первоначальном этапе адаптации к новой среде (В. В. Гриценко, 2001), уменьшения «культурного шока» для недобровольных мигрантов (J. W. Berry, 1997, J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen, 1992), также в качестве глубинного основания толерантности к иной культуре (Н. М. Лебедева, 1997).

На психологическом уровне присвоение индивидом ценностей и смыслов новой культуры (толерантность) и сохранение своего «Я», своих культурных традиций (позитивная этническая идентичность), рассматриваются как индикаторы успешности, а разрушение данной связи (сомнение в позитивной идентичности или интолерантность) — как сложности адаптации индивида к новой социокультурной среде (Н. М. Лебедева, 1997, Г. У. Солдатова, 1998).

Данные индикаторы успешности/неуспешности адаптации к иной культурной среде действуют как на групповом, так и на индивидуальном уровне. В зависимости от их комбинирования — сохраняю или не сохраняю свою культурную идентичность, включаюсь или не включаюсь в межкультурные контакты — можно выделить четыре основные стратегии аккультурации (A. Furnham, S. Bochner, 1986, J. W. Berry, 1997):

1. Интеграционная стратегия, следуя которой отдельные представители этнической группы или группа в целом сохраняют ценности и модели поведения своей культуры и одновременно устанавливают тесные контакты с иной этнической группой.
2. Ассимиляционная стратегия, когда этническая группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с другой культурой.

3. Стратегия сепаратизма, когда представители этнической группы и группа в целом, сохраняя традиции своей культуры, отказываются от контактов с иной культурой.
4. Стратегия маргинализации, когда группа и ее члены утрачивают ценности и модели поведения своей культуры и не устанавливают тесных контактов с другой культурой. Данная стратегия подразумевает отвержение или формальное принятие ценностей и моделей поведения большинства при утрате искренней приверженности ценностям и моделям поведения своей культуры. Этот вариант можно еще назвать «переключением», «маневрированием идентичностью» или «ситуативной идентичностью», при которой происходит демонстрация норм и ценностей, субъективно выгодных в данный момент (В. Н. Павленко, 2001).

Разница между данной типологией С. Бочнера и усовершенствованным ее вариантом Дж. Берри заключается в том, что С.Бочнер акцентировал внимание на последствиях адаптации в новой культуре — принятии индивидом определенной стратегии поведения: «посредник», или «медиатор», синтезирующий обе культуры, «перебежчик», ассимилирующийся в культуру большинства, «маргинал», колеблющийся между двумя культурами, «шовинист», преувеличивающий значимость своей культуры (А. Furnham, S. Bochner, 1986), а Дж. Берри — на начале взаимодействия между индивидом и новой доминантной группой: на том, что выбор определенной стратегии будет зависеть от того, насколько важно для индивида поддержание собственной культуры, с одной стороны, и участие в межкультурных контактах — с другой стороны. Причем, исключительно стратегию «посредника» Дж. Берри рассматривал как подлинную попытку решить проблему согласования межэтнических взаимоотношений (J. W. Berry, 1997, J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen, 1992).

В последние годы идет активное усовершенствование приведенной типологии. В частности, в более поздних исследованиях показано, что не существует единой аккультурационной стратегии индивида или группы:

субъективно существует несовпадение автономно существующих а) аккультурационных стратегий самокатегоризации как внутренней позиции индивида относительно его принадлежности к своей этнической группе (диссоциативной стратегии как определение своей позиции только в пределах своей этнической группы и аккультурационной стратегии как категоризации себя через принадлежность к двум и более этническим группам) и б) аккультурационных стратегий культурной адаптации как отношения к иным этническим группам (ассимиляционной стратегии как определения себя в пределах этнической группы большинства и аккультурационной стратегии как категоризации себя через принадлежность к двум и более этническим группам) (N. Nutnic, 1991), выбор аккультурационной стратегии также зависит от сферы жизнедеятельности индивида: в разных сферах (бытовой, культурной, институциональной) мигранты выбирают различные аккультурационные стратегии (R. A. Kozulin, A. Venger 1994), от «желательности»/«нежелательности» определенных групп мигрантов для группы большинства (A. Montreuil, R. Y. Bourhis, 2001).

1.3. Динамика и индикаторы психологической адаптации.

Особенности авторского подхода к пониманию психологической адаптации к иной социокультурной среде

В русле исследований адаптации к иной культурной среде, помимо изучения особенностей протекания «стресса аккультурации», изучается также и процессуальный аспект адаптации. Вхождение в иную культурную среду характеризуется рядом этапов, которые проходит мигрант по мере достижения компетентности и чувства уверенности в иной культуре. Согласно концепциям «кривых адаптации» мигранты проходят определенную последовательность стадий: три (J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen, 1992), четыре

(K. Oberg, 1960) или пять (S. Adler, 1975, см: A. Furnham, S. Bochner, 1986:130). при этом формируется универсальная U-образная кривая: начальное регулирование, кризисное и восстановленное регулирование.

Первый этап — этап контакта — характеризуется игнорированием различий, изолированностью индивида от влияния иной культуры собственной культурой, диапазоном эмоций от энтузиазма, волнения до эйфории. На втором этапе адаптации — этапе распада — индивид начинает испытывать ощущение потери поддержки своей культуры. Неправильное прочитывание культурных смыслов иной культуры приводит к тому, что непривычная окружающая среда начинает оказывать свое стрессогенное воздействие: кроме внешних неудобств, оказывают негативное влияние и психологические факторы — чувство взаимного непонимания и непринятия представителями другой культуры. Все это приводит к дезориентации, разочарованию, фрустрации, одиночеству и депрессии. На третьем этапе — этапе реинтеграции— симптомы культурного шока достигают критической точки, что проявляется в серьезных болезнях и чувстве полной беспомощности. Не сумевшие успешно адаптироваться к иной социокультурной среде мигранты возвращаются в родную культуру. На четвертом этапе — этапе автономии— индивид принимает различия в смыслах иной культуры, социально и лингвистически адаптируется, депрессия сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворенности своим положением. Адаптацию к иной культуре можно считать завершенной или долгосрочной — этап независимости — когда произошли относительно стабильные изменения индивида в ответ на требования среды: на социальном уровне — принятие мигрантом новых социальных ролей, на психологическом — оценивание ценностей иной культуры как своих собственных, активное использование их и внесение в культуру собственных смыслов на основе внутренних критериев «правильности и истинности» (М. К. Мамардашвили).

Однако результаты эмпирических исследований, проведенных в последнее время (например, посвященных проблеме культурной дистанции), ставят под сомнение универсальность «U- и W-образных кривых»: при сильном

отличии культур друг от друга пребывание в иной культуре может сразу начинаться с чувств фрустрации и замешательства, т.е. происходит выпадение первых этапов адаптации к иной социокультурной среде (В. В. Гриценко, 2002, Т. Г. Стефаненко, 2000, A. Furnham, S. Bochner, 1986). Кроме того, главный недостаток моделей «U- и W-образных кривых» адаптации в том, что они не раскрывают психологической сущности феномена адаптации, авторы не выделяют ключевые индикаторы каждой стадии.

Мы попытались выделить этапы психологической адаптации к иной культурной среде на основе структуры социальной самокатегоризации, построенной В. Ю. Хотинец в русле концепции диалога М. Бубера, представлений о диалогизме и полифонии сознания М. М. Бахтина и с помощью конструкта полимодального Я в концепции метаиндивидуального мира Л. Я. Дорфмана. Совмещение данных концептов нам кажется правомерным в силу единой методологической основы, выбранной авторами, — положения о фундаментальной оппозиции «Я» и «Другой».

Эта фундаментальная оппозиция проявляется, по мнению Л. Я. Дорфмана, в двойственности метаиндивидуального мира. Мир состоит из двух особых гетерогенных реальностей: индивидуальности человека и его близкого окружения. Эти две системы обособленны и автономны, но взаимодействуют, «совершая взаимные проникновения и оставляя друг в друге “отпечатки”» (Л. Я. Дорфман, 2002:148). Сознание индивидуальности представляет собой полифоническое полимодальное Я, т.е. «множественные динамические представления (ментальные репрезентации) человека о своем метаиндивидуальном мире» (Л. Я. Дорфман, 2002:150), «разнообразные позиции, которые развивают между собой диалогические отношения» (Н. J. M. Hermans, 2001:243). Л. Я. Дорфман выделяет две фундаментальные модальности: модальность «Я» как автономную систему и модальность «Другой», представленную и как автономную систему (мир, существующий независимо от индивидуальности), и как подсистему самой индивидуальности (представления индивидуальности о мире). Эти модальности в сознании

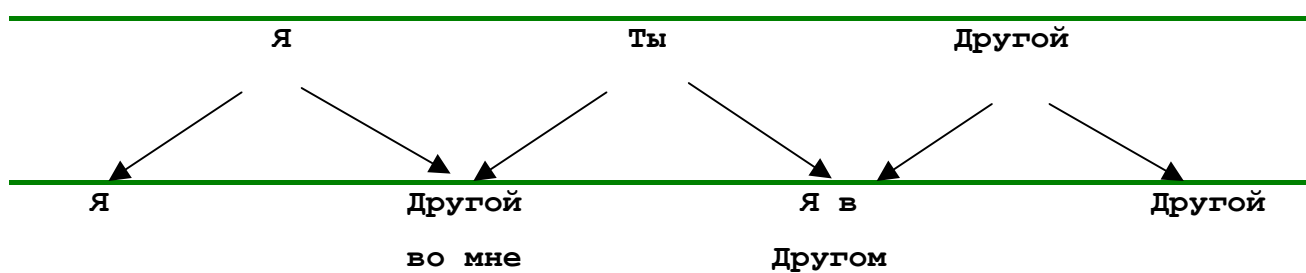
индивидуальности могут обособляться и сливаться (феномен расхождения и совмещения (и совместного функционирования) областей существования модальностей «Я» и «Другой»). Обособлению модальностей «Я» и «Другой» способствуют субмодальности Я-Авторское (обособление «Я» от «Другого»), характеризующееся как самоопределение и (или) отсутствие терпимости, и Я-Превращенное (обособление «Другого» от «Я»), характеризующееся как терпимость и (или) отсутствие самоопределения. Слиянию модальностей «Я» и «Другой» способствуют субмодальности Я-Вторящее («Я», принадлежащее «Другому»), характеризующееся как зависимость «Я» от «Другого», и Я-Воплощенное («Другой», принадлежащий «Я») — как обладание «Другим» (Л. Я. Дорфман, 2002).

Данная система субмодальностей — «Я-Авторское», «Я-Превращенное», «Я-Вторящее», «Я-Воплощенное» — динамична. Динамичность, в концепции Л. Я. Дорфмана, является одним из основных признаков полимодального Я. На основании этого можно предположить, что на определенных этапах адаптации к иной социокультурной среде в полимодальном Я будут выделяться ведущие субмодальности.

На этот конструкт накладывается схема структуры социальной самокатегоризации, которую предлагает В. Ю. Хотинец (2002:21—24). В. Ю. Хотинец выводит становление социальной идентичности образа Я через сравнение себя с образом Другого, проникновение в мир Другого, "вчувствования" (В. Дильтей) в Другого. Данная структура самокатегоризации является развитием концепции диалога М. Бубера, концепции диалогического сознания М. М. Бахтина и также представляет собой особенности соотношения категорий Я и Другой.

Как видно из схемы развития самокатегоризации В. Ю. Хотинец (рис. 1), образ Я есть сочетание как образа себя самого (образа Я), так и образа Другого во мне, интериоризированного Другого, без взгляда которого наша личность не может "выделаться" (В. П. Зинченко, 2000); Другого, который является своеобразной системой отсчета оценивания себя, своей позиции в мире;

Другого как доказательства и ручательства нашей связи с миром, как «условия моего существования» (С. Л. Рубинштейн, 2003). Другой же есть образ Другого, мира, как отдельно от меня существующего, мира, мною еще не познанного (мира как еще не-Я, согласно И. В. Журавлеву, А. Ш. Тхостову, 2003) и образ Я в Другом, мои "вклады" в Другого, мое инобытие в Другом (Л. Я. Дорфман, 2002). И именно в срединной точке, в точке Ты — между Другим во мне и Я в Другом — начинается процесс "преодоления разрыва, драматического противоречия изолированных Я и Другого" (В. Ю. Хотинец, 2002:64), «процесс преодоления раздвоения «Я» и «мира», волевое усилие направленное от ощущения внутренней опустошенности до противоположного ему переживания полноты бытия» (О. Пас, 2000:210), начинается процесс стремления друг к другу и взаимной адаптации двух изолированных, отдельно существующих систем Я и Другой.

Рис. 1. Структура социальной самокатегоризации (В. Ю. Хотинец, 2002)

Таким образом, путем наложения друг на друга двух данных конструктов — схемы развития социальной самокатегоризации В. Ю. Хотинец и конструкта полимодального Я Л. Я. Дорфмана — можно построить теоретический концепт этапов психологической адаптации к иной социокультурной среде.

Вхождение в новую среду начинается с формирования образа Другого во мне (по схеме В. Ю. Хотинец) или дифференциации субмодальности Я-Вторящее (в концепции Л. Я. Дорфмана). Это присутствие Другого в нас, "внесенная" в нас новая культура: ценности, стереотипы, модели поведения;

этап преодоления отчуждения другой культурой, преодоления чувства одиночества и страха перед иррациональным миром.

Однако "внесенная" в нас культура еще не является нашей собственной культурой. Для того, чтобы культурные и социальные знаки стали личностно значимыми индивидуальными знаками, необходимо вынести их наружу, представить перед собой и Другим. Об этом феномене экстериоризации, предшествующем полной интериоризации, «освоения через отчуждение», процессе «овладения проросшими в тебя символами и мифами» (В. П. Зинченко, 2000: 178), уже писали Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, Г. Шпет, П. Флоренский, Б. Д. Эльконин. Согласно Л. С. Выготскому, культурные знаки (стимулы-средства) не просто «принимаются» от другого, а вращиваются, причем вращиваются в том случае, если данные знаки используются как средство обращения к другому, как внешнее средство управления его поведением (Л. С. Выготский, 2000). Становление любой формы поведения, таким образом, является сначала интерпсихологическим, социальным процессом, и только затем данная форма появляется как интрапсихологическая функция, как способ поведения. Так, вторым этапом адаптации является выделение образа Я в Другом, или дифференциация субмодальности Я-Воплощенное.

Синтез этих двух субмодальностей образует образ Другого, образ мира или субмодальность Я-Превращенное. Это период интериоризации символов и ценностей новой культуры, который проявляется в терпимости (толерантности) к новой социокультурной среде как снижению чувства «травмированности инаковостью» (У. Эко). Адаптацию к новой культуре можно считать завершенной на этапе принятия ценностей данной культуры как своих собственных, активного их использования и внесения в культуру своих индивидуальных смыслов (процесс полагания смысла) на основе собственных критериев «правильности и истинности» (М. К. Мамардашвили), или дифференциации Я-Авторского, которое характеризуется самоопределением в

иной социокультурной среде, появлением независимости, заново сформированного образа Я, соответствующего данной культуре.

Таким образом, анализ теоретических исследований по проблеме адаптации показал, что до сих пор не существует согласованности в терминологическом аппарате, в подходах к изучению адаптации (Г. И. Балл, 2002, М. В. Ромм, 2002, Ю. А. Урманцев, 1998). Многогранность и сложность данного понятия определила различные концептуальные подходы в рассмотрении явления адаптации. Адаптация понимается как установление относительного равновесия между организмом и средой, как оптимальное динамическое взаимодействие личности и среды, как результат взаимодействия личности и среды.

Анализ теоретических исследований по проблеме психологической и социальной адаптации к иной социокультурной среде в русле кросс-культурной психологии показал, что, изучая проблему адаптации к иной культурной среде, рассматривают теории, объясняющие причины, особенности протекания и последствия «стресса аккультурации»: теория страдания и горя, негативных жизненных событий, теория селективной миграции, теория ценностных различий, теория социальной поддержки или отсроченной или селективной аккультурации, модель «стресса аккультурации».

Автором психологическая адаптация к инокультурной среде понимается как процесс вхождения в иное ценностно-смысловое поле и интериоризации этих ценностей и смыслов. На основании структуры социальной категоризации В. Ю. Хотинец (2002), построенной в русле концепции диалога М. Бубера, представлений о диалогизме и полифонии сознания М. М. Бахтина и концепции полимодального Я и метаиндивидуального мира Л. Я. Дорфмана (2002) выделены этапы психологической адаптации к иной социокультурной среде как процесса изменения представлений человека о своем метаиндивидуальном мире, как последовательной смены позиций в ходе приобщения к иной

социокультурной среде (Я-Вторящее — Я-Воплощенное — Я-Превращенное — Я-Авторское).

Глава 2 . Социокультурная среда как ценностно-смысловое поле

Психологическая адаптация к иной социокультурной среде представляет собой, прежде всего, вхождение в ценностно-смысловое поле иной культуры. Причем данное вхождение в иную культуру — на уровне восстановления осмысленности мира из хаоса, разобщенности, т.е. поиска новых смыслов и изменения индивидуальной системы ценностей, — всегда воспринимается индивидом значительно более травматично, чем заимствования в области социальных ролей, моделей поведения, материальной культуры. Подобное явление — более тяжелого субъективного переживания психологической адаптации, нежели социальной — можно объяснить как боязнь утраты индивидом целостности собственной личности, боязнь разрушения внутренней «картины мира», структуры которой заданы значимыми смыслами как аффективным личностным содержанием сознания и личностными ценностями как культурно-обусловленными формами и источниками смыслов.

2.1. Понятие смысловой сферы

Согласно признанному мнению, мир вне понимающего сознания, вне наложения «паутины смыслов» (М. Вебер) культуры является лишь «хаотической бессмыслицей», «пространством абсурда» (А. Ю. Агафонов, 2000, 2003, Д. А. Леонтьев, 1997б, Н. Л. Мусхелишвили, Ю. А. Шрейдер, 1998, В. Ф. Петренко, 1997, С. Л. Рубинштейн, 2003). В данном понимании культура предстает как совокупность значений, образов, символов, накладывающаяся на мир и структурирующая его, т.е. придающая миру определенный смысл и ценность; в феноменологии В. С. Библера культура есть «творение нового самобытного и самобытийного мира» (цит. по: Д. А. Леонтьев, 1999: 413), а всякий акт сознания предстает как имеющий смысл, осмысленный (А. Ю. Агафонов, 2003).

Положение о культуре как об особой смысловой системе разделяют многие исследователи: это понимание культуры как идеальной формы, «полноты бытия», содержащей первичные формы аффективно-смысловых образований, в русле культурно-исторической психологии (Л. С. Выготский, 2000, В. П. Зинченко, 1996, Д. Б. Эльконин, 2001), понимание культуры как смыслового поля, как вместилища и, одновременно, фабрики смыслов и ценностей, в концепции смысловой реальности (А. А. Леонтьев, 2001, Д. А. Леонтьев, 1999), это положение о мире, как включающем в себя основания и смыслы, в русле логотерапии (В. Франкл, 1990). Бытование смыслов в «теле» культуры связано определенными формами — медиаторами, в которых сохраняются и транслируются смыслы: мифом, символом, моделями поведения, искусством.

Усвоение данного культурного смысла происходит через «врастание» (Л. С. Выготский) или «прорастание» (М. К. Мамардашвили) культурных медиаторов в сознание индивида, вживание в ткань иного культурного мира. Причем данное вживание не детерминировано, не навязано культурой. Как заметил В. П. Зинченко (2000): «в культуре нет насилия, культура есть приглашающая сила (О. Мандельштам), вызов, который может быть принят или отвергнут субъектом» (В. П. Зинченко, 2000). При данном «врастании» необходима, как подчеркивал М. М. Бахтин, именно собственная активность субъекта, его ответственность за усвоение смысла, активное вживание как акт самого субъекта: «данное вживание не предполагает пассивного, неожиданного завладения субъекта» культурой (М. М. Бахтин, 1986).

Усвоение культурных смыслов есть не просто перевод первичных форм смысловых образований, бытующих в социуме, в предсуществующий внутренний «план сознания» (А. Н. Леонтьев, 1975), а именно «самостроительство своего внутреннего плана своего сознания» (Л. С. Выготский), построение собственной картины мира, то существование, которое предшествует сущности, согласно Ж.-П. Сартру (1989). Таким образом, внутренний мир человека есть не что иное как смысловая динамическая

система, усваивающая первичные формы смысловых образований (Л. С. Выготский, 2000:272, Н. J. M. Hermans, 2001:243), сознание человека организовано в текст, т.е. в «структурированное смысловое содержание», существование которого возможно только в процессе его изменения (А. Ю. Агафонов, 2000:81). Известна метафора М. Вебера: человек — это «животное, подвешенное в паутине смыслов, которую он сам себе сплел». «И сквозь которую он смотрит на мир», добавляет В.П. Зинченко (В. П. Зинченко, 2000).

Так, смысл можно сформулировать как определенный «след деятельностной предистории отношений между субъектами или между субъектом и объектом, который зафиксирован в отношении к субъекту или предмету, в его «для-субъекта-бытии» (Е. Ю. Артёмьева, 1999), или как «пристрастное, аффективное отношение человека к миру» (А. Н. Леонтьев, 1975, Д. А. Леонтьев, 1999).

Смысловая сфера личности, как подчеркивается многими авторами (Е. Ю. Артёмьева, 1999, Б. С. Братусь, 2002, Д. А. Леонтьев, 1999), является иерархичным образованием. Б. С. Братусь понимая смысловую сферу личности как высший уровень в структуре психики, отвечающий «за производство смысловых ориентаций, определение общего смысла и назначения своей жизни, отношение к другим людям и себе», рассматривает данную сферу как особую психологическую иерархическую систему общих смысловых образований, «смысловую вертикаль» от прагматических, ситуационных смыслов до трансцендентных смыслов отношения человека к конечным вопросам и смыслам жизни (Б. С. Братусь, 2002).

Д. А. Леонтьев, выстраивая системную концепцию смысловой реальности, также определяет смысловую сферу личности как «особым образом организованную совокупность смысловых структур и связей между ними, обеспечивающую смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах» (Д. А. Леонтьев, 1999). При этом смысловые

структуры являются превращенными формами жизненных отношений субъекта, т.е. инобытием некоторой реальности во внутреннем мире человека.

В смысловой сфере Д. А. Леонтьев различает шесть функционально различных разновидностей смысловых структур. Эти структуры относятся к трем уровням организации: уровню структур, непосредственно включенных в регуляцию процессов деятельности и психического отражения (личностный смысл, смысловая установка), уровню смыслообразующих структур, участие которых в регуляторных процессах опосредовано порождаемыми ими структурами первого уровня (мотив, смысловая диспозиция и смысловой конструкт), и, наконец, высшему уровню, к которому относится одна смысловая структура – личностные ценности, которые являются неизменным и устойчивым источником смыслообразования (Д. А. Леонтьев, 1999).

Таким образом, в процессе психологической адаптации к иной социокультурной среде активное усвоение культурных смыслов как усилия по овладению идеальной формой — новой культурой — происходят вследствие необходимости структурирования изначальной хаотичности бытия, обретения утраченного смысла, восстановление нарушенного смыслового соответствия сознания и бытия индивида (А. Г. Асмолов, 2002б, Ф. Е. Василюк, 1984, Д. А. Леонтьев, 1999, В. Франкл, 1990). Как пишет Ф. Е. Василюк, данные глубокие смысловые рассогласования, являющиеся результатом перестройки реальных жизненных отношений, представляют собой некий предел, за который уже нельзя двигаться, не разрешив противоречия (Ф. Е. Василюк, 1984). Ценностно-смысловые перестройки в данных кризисных ситуациях абсолютно необходимы как условие сохранения психологической ценности личности и восстановления целостности «картины мира» субъекта.

2.2. О месте и роли ценностей в смысловой сфере личности

Если осмысленность жизни является «энергетической характеристикой смысловой сферы личности» (Д. А. Леонтьев, 1999), то источниками и

носителями значимых смыслов являются личностные ценности. Перефразируя М. К. Мамардашвили, всякий смысл имеет «необходимость формы (а это есть невозможность ее обойти)», что означает: «что-то должно быть доведено до артикулированного, оформленного вида» (М. К. Мамардашвили, 2000). Таким образом, личностный смысл как «значение — для — меня» наполняют собой определенную форму — ценность (Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова, 1993).

В многочисленных, часто противоречащих друг другу, подходах к рассмотрению понятия «ценность» Д. А. Леонтьев (1996) выделяет несколько оппозиций в рассмотрении ценностей. Первая — понимание ценности как атрибута абстрактного ценного — идеала, трансцендентного человеку (И. А. Джидарьян, 2001, М. К. Мамардашвили, 2000, С. Л. Рубинштейн, 2003). В данной философской интерпретации слово «ценность» оказывается синонимом таких понятий, как смысл и значимость каких-либо аспектов мира для человека. Как замечает Л. Н. Столович (2004), в данном понимании ценностей утверждается недопустимость смешивать ценность с предметом, объектом, который представляется как ценный. Здесь ценности понимаются исключительно как «конечные цели существования человека такие, как равенство, свобода, спасение» (А. Н. Eagly, S. Chaiken, 1993:5). Другой полюс данной оппозиции — это понимание ценности как атрибута конкретного объекта или явления. Существует множество определений ценности в рамках этой общей установки — от личностно осмысленной социальной нормы (М. И. Бобнева, 1978, N. T. Feather, 1995, M. Rokeach, 1968) до осознанных и принятых человеком наиболее общих, генерализованных смыслов его жизни (Б. Ф. Братусь, 2002).

Вторая оппозиция в понимании ценности, на которую указывают Д. А. Леонтьев (1996), А. Н. Eagly, S. Chaiken (1993), это рассмотрение ценности как сугубо индивидуальной реальности, значимой только для переживающего ее субъекта, как отождествление ценности с субъективной значимостью (И. А. Джидарьян, 2001, С. Л. Рубинштейн, 2003), понимание ценности как сущности, задаваемой исключительно индивидуальным творческим

сознанием субъекта, его ответственным личностным выбором (Ж.-П. Сартр, 1989). Противоположная точка зрения включает в себя понимание ценности одновременно и как надындивидуальной реальности, как первичного аффективно-смыслового образования, и как индивидуально-психологического образования, субъективно-психологических коррелятов надындивидуальных ценностей, которые описываются такими понятиями, как мотив, потребность, интерес, ценностная ориентация или субъективная ценность, однако они рассматриваются как вторичные по отношению к объективной надындивидуальной ценности (Т. М. Буякас, О. Г. Зевина, 1997, М. И. Бобнева, 1978, В. М. Бызова, 1998, А. А. Волочков, 2004, Н. М. Лебедева, 2000, Д. А. Леонтьев, 1999, М. Rokeach, 1968, S. H. Schwartz, 2001, P. B. Smith, M. F. Peterson, S. H. Schwartz, 2002). Таким образом, мы можем говорить о существовании ценностей как индивидуальных, так и как надындивидуальных (культурных).

Еще одна оппозиция — понимание индивидуальных ценностей, с одной стороны, как механизма социального контроля, как реально действующих внутренних регуляторов поведения, вне зависимости от их отражения в сознании (В. А. Бодров, Г. В. Ложкин, А. Н. Плющ, 2001, Ю. А. Гаюрова, 2002, N. T. Feather, 1995, М. Rokeach, 1968): «ценности как устойчивые убеждения в правильности (социальной предпочтительности) специфичных форм поведения» (М. Rokeach, 1968), «ценности как конвенциональные (построенные на общественном договоре) отношения к определенным аспектам жизни» (А. А. Волочков, 2004), а с другой — как мотивирующих структур личности, определяющих направленность личности, как сознательных убеждений субъекта о ценном (А. Г. Асмолов, 2002, В. М. Бызова, 1998, Ф. Е. Василюк, 1984, А. А. Волочков, Е. Г. Ермоленко, 2004, Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев, А. Н. Шаров, 1999, Д. А. Леонтьев, 1999, S. H. Schwartz, 2001).

Расхождения между декларируемыми ценностными ориентациями сознания и реально побуждающими деятельность человека ценностями Д. А. Леонтьев объясняет рядом факторов. Во-первых, вследствие недостаточно

устоявшейся и структурированной системы личностных ценностей и недостаточно развитой рефлексии реальная роль и значимость тех или иных ценностей может плохо осознаваться. Во-вторых, значимость тех или иных ценностей может субъективно преувеличиваться или преуменьшаться в случае запуска механизмов стабилизации самооценки и психологической защиты.

Процесс превращения социальной ценности в личностную происходит не просто через признание индивидом неких ценностей как необходимых, а именно через включение в коллективную деятельность, направленную на реализацию данной ценности (Д. А. Леонтьев, 1996), овладение ценностью через освоение (Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова, 1993, В. П. Зинченко, 2002). Д. А. Леонтьев предложил концепцию трех форм существования ценностей, переходящих одна в другую: 1) общественные идеалы — выработанные общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационные структуры личности ("модели должного"), побуждающие личность к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов (Д. А. Леонтьев, 1996).

Как отмечает Д. А. Леонтьев, эти три формы существования переходят одна в другую: общественные идеалы усваиваются личностью и в качестве "моделей должного" начинают побуждать ее к активности, в процессе которой происходит их предметное воплощение; предметно же воплощенные ценности, в свою очередь, становятся основой для формулирования общественных идеалов. Однако в данной концепции не объяснен сам переход общественных идеалов в ценности как модели должного. Как мы уже отмечали выше, внесенная в нас ценность — это еще не наша ценность, прежде чем стать личностно значимой ценность должна быть вынесена вовне, представлена перед нами, перед другими. Это феномен экстериоризации, предшествующем полной интериоризации, «освоения через отчуждение» (А. В. Михайлов), процесс «овладения проросшими в тебя символами и мифами»

(В. П. Зинченко, 2000), необходимость артикулированной формы (М. М. Бахтин, 2000, М. К. Мамардашвили, 2000). Таким образом, общественная ценность должна сначала стать предметно воплощенной, а затем уже или быть отброшенной субъектом, как не имеющая для него значения, или превратиться в лично значимую, наполненную смыслом, ценность. Перефразируя Ф. Искандера, ценность становится жизненно важной или, в терминологии А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, лично значимой, только под напором смысла, причем, приобретая значимость, ценность становится тугоплавкой, не поддается изменениям — она включается в ядерные структуры личности.

Можно сделать вывод, что личностные ценности являются устойчивыми мотивационными образованиями личности и ведущими источниками значимых для человека жизненных смыслов. В процессе усвоения индивидом ценности проходят ряд этапов: определение круга значимых культурных ценностей, вынесение декларируемых ценностей вовне (экстериоризация) и полное усвоение значимых для человека ценностей (интериоризация).

2.3. Постановка проблемы и задачи исследования

Выводы, которые следуют из теоретического анализа феноменологии психологической адаптации, психологического содержания категорий смыслов и ценностей, определили выдвижение следующей гипотезы: структура психологической адаптации характеризуется как стабильным (сохранение своих этнических ценностей), так и динамическим (включение в структуру ценностей индивида ценностей иной культуры) компонентами, находящимися в различном соотношении. Устойчивость данного сочетания в процессе социально-психологической адаптации к инокультурной среде обеспечивается за счет компенсаторных механизмов, имеющих биологическую обусловленность. Структура психологической адаптации имеет отличительные особенности (включение или невключение в индивидуальную структуру

ценностей как своей культуры, так и ценностей принимающей социокультурной среды) в выборке высокоадаптированных и низкоадаптированных индивидов. Динамика психологической адаптации как изменяющиеся представления человека о своем метаиндивидуальном мире в ходе приобщения к иной социокультурной среде представляет собой последовательную смену позиций в иной социокультурной среде (Я-Вторящее—Я-Воплощенное—Я-Превращенное—Я-Авторское).

Данная гипотеза определила постановку и решение следующих задач диссертационного исследования:

1. Эмпирически изучить стадии протекания психологической адаптации.
2. Эмпирически изучить структуру психологической адаптации.
3. Эмпирически изучить соотношение психологической адаптации и дезадаптации и особенностей межгруппового восприятия.
4. Эмпирически выявить компенсаторные механизмы, обуславливающие успешность психологической адаптации к иной социокультурной среде.

Глава 3. Организация и методики исследования

3.1. Организация исследования и характеристика испытуемых

Исследование проводилось в 2002—2003 учебном году на выборке из 800 человек — студентов гуманитарных факультетов 1—5 курсов в возрасте от 17 до 24 лет трех этнических групп: удмуртской, коми-пермяцкой и русской национальностей. Из них: 236 студентов удмуртской национальности факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), 115 студентов коми-пермяцкой национальности филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (г. Пермь) и 449 студентов русской национальности факультета русской филологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск) и филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (г. Пермь). Национальность студентов определялась по их самоотчетам.

Поскольку объектом нашего исследования является психологическая адаптация к иной социокультурной среде, отбор испытуемых осуществлялся по двум признакам: 1) этническому — необходимость перехода из одной культуры в другую для респондентов удмуртской и коми-пермяцкой национальностей, проживающих до поступления в вуз внутри своей этнической группы; 2) социальному — адаптация к иной социальной среде для респондентов, живущих вне больших городов (удмуртов и коми-пермяков). Респонденты русской национальности, проживающие в столице республики или областном городе, явились контрольной выборкой.

Кроме того, выборка ограничилась только студентами высших учебных заведений по двум причинам: во-первых, «двойной кризис», который переживают респонденты — трудности взросления и вхождения в самостоятельную жизнь, а также необходимость приспособления к иной социокультурной среде (для студентов иных этносов, проживающих до

поступления в вуз внутри своей этнической группы) — делающий картину психологической адаптации более отчетливой, а во-вторых, специфика исследовательской процедуры, требовавшая от испытуемых необходимого уровня понимания методик, а также трудоемкость процедуры заполнения бланков (более полутора часов) и отсутствие иных мотивационных факторов работы респондентов, кроме интереса к самой работе и личной просьбы экспериментатора.

Каждому участнику гарантировались конфиденциальность получаемой от них информации и консультации по итогам диагностики.

В соответствии с поставленными задачами **теоретическое исследование** прошло два этапа:

1. Анализ литературы по теме исследования.
2. Постановка проблемы, формулирование гипотез, задач исследования, выбор этнических групп в качестве исследуемых объектов.

Эмпирическое исследование прошло четыре этапа:

1. Проведение исследования: осуществлялась групповая тестовая диагностика широкого спектра индивидуальных особенностей (восемь методик). При тестировании каждому испытуемому выдавался пакет распечатанных методик и стандартные бланки для ответов.
2. Первичная обработка данных. На основе самоотчетов о принадлежности к этнической группе и выраженности показателя адаптивных способностей (методика МЛО-АМ А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина) было создано восемь полярных групп: высокоадаптированные удмурты, высокоадаптированные коми-пермяки, высокоадаптированные русские г. Ижевска, высокоадаптированные русские г. Перми (группы студентов, имеющие высокие показатели по шкале адаптивных способностей), низкоадаптированные удмурты, низкоадаптированные коми-пермяки, низкоадаптированные русские г. Ижевска, низкоадаптированные русские г. Перми (группы студентов, имеющие низкие показатели по шкале адаптивных способностей).

3. Математико-статистическая обработка данных.
4. Обсуждение и интерпретация результатов.

3.2. Методики исследования

В исследовании использовалось восемь методик: методика диагностики уровня развития этнического самосознания (ЭСС) В. Ю. Хотинец, методика «Психосемантический анализ стереотипов характера», предложенная Д. Пибоди в адаптации А. Г. Шмелева, многоуровневый личностный опросник "Адаптивность" (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина, методика «ценностных ориентаций» М. Рокича в адаптации А. Гоштаутаса, Н. А. Семенова и В. А. Ядова, опросник измерения базовых культурных ценностей С. Шварца в адаптации Н. М. Лебедевой, "Пермский вопросник Я" (ПВЯ) Л. Я. Дорфмана, М. В. Рябиковой, И. М. Гольдберг, А. Н. Быкова, А. А. Ведрова, методика диагностики свойств нервной системы Я. Стреляу, опросник структуры темперамента (ОСТ) В. М. Русалова.

Выбор психодиагностического инструментария осуществлялся в соответствии с поставленными задачами и требованиями валидности, надежности, стандартизации и адаптации используемых методик.

3.2.1. Методики изучения процесса адаптации

Многоуровневый личностный опросник "Адаптивность" (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина направлен на изучение «психологических особенностей личности, составляющих одну из интегральных характеристик психического развития личности, - личностный адаптационный потенциал, который отражает возможности личности в психической и социально-психологической адаптации» (Маклаков А.Г., 2001: 18). Показатели личностного адаптационного потенциала содержат

информацию о соответствии или несоответствии психологических характеристик личности общепринятым социальным стандартам (социальным нормам и культурным ценностям), а также позволяют дифференцировать людей по степени устойчивости к воздействию психоэмоциональных стрессоров.

Опросник состоит из 165 вопросов и имеет 5 шкал: адаптивных способностей, нервно-психической устойчивости, коммуникативных особенностей, моральной нормативности и достоверности. Шкала адаптивных способностей является интегральной характеристикой и включает в себя шкалы — нервно-психической устойчивости, коммуникативных особенностей и моральной нормативности. Обработка результатов осуществлялась путем подсчета количества совпадений ответов с ключом и, затем, суммирования баллов по каждой шкале. Чем ниже показатель по шкале, тем выше адаптивные способности, нервно-психическая устойчивость, коммуникативность и моральная нормативность (Практическая психодиагностика, 1998, с. 549-558). Опросник прошел проверку на надежность, содержательную и эмпирическую валидность (А. Г. Маклаков, 2001: 22).

С помощью дескриптивной статистики (Хи-квадрат тест) на основе выборки из 800 человек, состоящей из трех этнических групп: студентов удмуртской национальности (n=236), коми-пермяцкой национальности (n=115), русской национальности (n=449) — опросник был проверен на нормальность распределения. Выделены нормы (стандартное отклонение = -1G) по шкалам для возраста от 17 до 24 лет: средние значения для шкалы «адаптивные способности» — от 81,5 до 97,5 (Мода=89); для шкалы «нервно-психическая устойчивость» — от 52,5 до 68,5 (Мода=58,6); для шкалы «коммуникативные особенности» — от 13,5 до 26,5 (Мода=18); для шкалы «моральная нормативность» — от 11,5 до 19,5 (Мода=14).

3.2.2. Методики изучения индивидуальных свойств

Методика диагностики свойств нервной системы Я. Стреляу. Опросник направлен на изучение трех основных характеристик нейродинамики: силы процессов возбуждения, торможения, уравновешенности процессов возбуждения и торможения и подвижности нервных процессов. Методика состоит из 134 вопросов и содержит три шкалы: оценка силы процесса возбуждения, торможения и подвижности возбуждения/торможения. Изучение выраженности каждого свойства (силы процессов возбуждения и торможения), а также подвижности нервных процессов, производилась путем суммирования баллов. Степень выраженности каждого свойства оценивалась с помощью трехуровневого варианта теоретических норм, предложенного А. А. Барановым, А. В. Фефиловым: сумма баллов ниже 26 включительно рассматривалась как низкая степень выраженности свойства «сила процесса возбуждения», выше 54 — высокая степень выраженности; для свойства «сила процесса торможения» — соответственно, ниже 25 включительно и выше 52 баллов; для показателя «подвижность нервных процессов» — ниже 27 включительно и выше 56 баллов (А. А. Баранов, А. В. Фефилов, 2002: 73-87). Вопросник проверен на надежность и валидность.

Опросник структуры темперамента (ОСТ) В. М. Русалова. Опросник используется для диагностики "предметно-деятельностного" и "коммуникативного" аспектов психодинамики. В основе методики лежит концепция биологической обусловленности формально-динамических свойств индивидуального поведения человека, берущая начало в работах И. П. Павлова, Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына.

Методика состоит из 105 вопросов, направленных на изучение восьми сфер проявления темпераментальных свойств: предметной эргичности, социальной эргичности, пластичности, социальной пластичности, темпа, социального темпа, эмоциональности, социальной эмоциональности. Кроме того, существует контрольная шкала на изучение уровня социальной

желательности. Каждая шкала рассматривается как континуум темпераментального свойства, оценивается в баллах от 0 до 12 и может быть охарактеризована по крайним значениям континуума: 0—3 балла (низкая выраженность свойства), 9—12 баллов (высокая выраженность свойства).

Обработка проводилась с помощью стандартных ключей: вначале перекодировались «обратные» ответы, затем подсчитывалась сумма баллов по каждой шкале. Шкалы опросника ОСТ обладают высокой внешней (экспертной) валидностью и по значению фактически приближаются к коэффициенту тест-ретестовой надежности (В. М. Русалов, 1992).

3.2.3. Методики изучения свойств личности

Методика **«Психосемантический анализ стереотипов характера»**, предложенная **Д. Пибоди (1985)**, в переводе и адаптации **А. Г. Шмелева** (Д. Пибоди, А. Г. Шмелев, М. К. Андреева, А. Е. Граменицкий, 2002). Опросник используется для изучения особенностей личностно-смысловых оснований (особенностей эмоционально-мотивационного предпочтения), по которым субъект дифференцирует один стимульный объект от другого и выбирает общее направление своего поведения (А. Г. Шмелев, 2002: 76). Методика представляет собой стандартизированный семантический дифференциал, состоящий из специального набора 32 личностных биполярных шкал, полюса которых заданы личностными прилагательными. Для 30 шкал (за исключением шкал «умный — глупый» и «приятный — неприятный») использовалась четырехполюсная модель личностной черты для нейтрализации влияния фактора «социальной желательности». Каждое свойство личности описывается с помощью двух биполярных шкал, которые компенсируют друг друга, имея противоположное сцепление оценочного и описательного компонентов значения. Например, предпочитаемый полюс на шкале «веселый — угрюмый» лежит слева, а в компенсирующей ее шкале «легкомысленный — серьезный» — справа. Обе шкалы апеллируют к одному свойству личности, но

в одном случае «социально желательным», адекватным будет один полюс шкалы («веселый»), а в другом – противоположный («серьезный»). Использование данной «четырёхполюсной модели личностных черт» позволяет, по мнению авторов, «очистить» результаты субъективных суждений от артефакта социальной желательности и измерить только оценочно-отношенческий компонент установки (Д. Пибоди, А. Г. Шмелев, М. К. Андреева, А. Е. Граменицкий, 1993: 103).

Респонденты оценивали выраженность определенного набора качеств у себя, своей этнической группы и иной этнической группы, проживающей в том же регионе, по семибалльной шкале от –3 до 3. Обработка результатов производилась путем вычисления среднего арифметического значения по каждой шкале для всех оцениваемых групп в каждой группе испытуемых.

Результаты шкалирования позволили построить субъективные семантические пространства, т.е. получить "срез" структуры сознания индивида и этнических групп, а также увидеть специфику отношения друг к другу представителей различных этнических групп. Для построения семантического пространства значения оценок стимульных объектов, полученные путем суммирования, были обработаны с помощью факторного анализа (с целью уменьшения размерности исходного пространства описания) и представлены в форме геометрической многомерной матрицы. При этом содержание и важность выделяемых факторов (вклад фактора в общую дисперсию) отражают присущие субъекту формы категоризации и их субъективную значимость (В. Ф. Петренко, О. В. Митина, К. А. Бердников, 2000: 51, А. Г. Шмелев, 2002: 98). Размещение оцениваемых объектов (в нашем исследовании в качестве объектов выступили сам респондент, этническая группа, к которой респондент себя приписывает, и этническая группа, проживающая в том же регионе) в виде точек координат в семантическом пространстве характеризует отношение субъекта к этим объектам — его «личностный смысл» по поводу данных групп. Кроме того, как подчеркивает В. Ю. Хотинец, являясь

«несущими конструкциями» картины мира, данные структуры могут субъектом даже и не осознаваться (В. Ю. Хотинец, 2003: 207).

Методика была предложена и опробована Д. Пибоди в исследовании межнационального восприятия студентов разных стран (Англии, Германии, Франции, Италии, Австрии, Финляндии и Греции) в 1985 году, материалы исследования дополнены русской выборкой А. Г. Шмелевым в 1992 году (Д. Пибоди, А. Г. Шмелев, М. К. Андреева, А. Е. Граменицкий, 1993: 101-109).

Методика «ценностных ориентаций» М. Рокича (Rokeach Value Survey — RVS). Адаптация теста на русский язык была выполнена А. Гоштаутасом, Н. А. Семеновым и В. А. Ядовым. Методика направлена на изучение индивидуальной системы ценностей как «абстрактных идеалов, позитивных или негативных... представляющих человеческие убеждения об идеальных моделях поведения или идеальных целях» (М. Rokeach, 1968: 124). Данная система ценностей иерархически организована — «в ранговом порядке по степени идеальности или важности ценности в индивидуальной системе ценностей» (М. Rokeach, 1968: 125).

Методика состоит из двух списков ценностей, которые испытуемому необходимо проранжировать (присвоить каждой ценности ее ранговый номер): **терминальных ценностей** (список А) — убеждений в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться. Это такие ценности-цели, как активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, здоровье и т.д.; **инструментальных ценностей** (список Б) — убеждений в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Это такие ценности-средства, как аккуратность, воспитанность, высокие запросы, жизнерадостность и т.д.

Обработка результатов производилась путем вычисления среднего арифметического ранга для каждой ценности во всех группах испытуемых. Затем с помощью дескриптивной статистики (частотного анализа) находилась мода для каждой ценности — наиболее часто встречающийся ранг данной ценности по выборке. Для последующего анализа отбирались только те

ценности, которые были поставлены испытуемыми на первые три места (наиболее предпочитаемые ценности) и последние три места (маловажные ценности). Дальнейший отбор ценностей осуществлялся с помощью количества голосов, отданных за оставшиеся ценности: начиная с 20% выборов, т.е. 1/5 респондентов от всей выборки, поставивших ценность на первые три или последние три места. Эта процедура позволила нам выделить действительно значимые или отвергаемые ценности в данных группах испытуемых и отбросить те ценности, мнения по которым в выборках разделились.

Достоинством методики является универсальность, удобство и экономичность в проведении обследования и обработке результатов, гибкость в ее использовании: возможность варьировать стимульный материал (списки ценностей) и инструкцию. К существенному недостатку методики можно отнести влияние социальной желательности, возможность неискренности в ответах испытуемого. Однако фактор социальной желательности имеет особую силу в ситуации «экспертизы», то есть принудительного обследования, когда испытуемые имеют основания маскировать свои психологические особенности (А. Г. Шмелев, 2002: 46). В этом случае при исследовании была применена добровольность тестирования, анонимность исследования, поощрялась заинтересованность испытуемых дать объективную информацию для получения обратной связи (проводились консультации по итогам диагностики). Методика надежна и валидна (Практическая психодиагностика, 1998: 637—641).

Опросник измерения базовых культурных ценностей С. Шварца (Survey Schwartz Value — SVS), переведенный и адаптированный Н. М. Лебедевой (Н. М. Лебедева, 1999а). Опросник включает 57 базовых культурных ценностей, отражающих «желательные, транситуативные цели, которые служат руководящими принципами в жизни людей» (S. H. Schwartz, A. Bardi, 2001: 269, S. H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens, 2001: 521). Эти «культурные ценности (например, свобода, процветание, безопасность) являются основаниями для определенных норм,

которые определяют соответствующее поведение в различных ситуациях» (S. H. Schwartz, A. Bardi, G. Bianchi, 2000: 269). Данные ценности группируются в блоки по общему типу мотивации или по разделению данными ценностями единой главной цели: ценности **власти** (включают в себя такие ценности, как социальный порядок, престиж, власть, богатство, сохранение своего публичного лица и т.п.), **достижения** (авторитетность, независимость, умелость и т.п.), **самостоятельности (саморегуляции) или интеллектуальной автономии** (свобода, творчество, любознательность, независимость, свобода, выбор собственных целей), **стимулирования или аффективной автономии** (интересная жизнь, разнообразие жизни), **гедонизма** (удовольствие, наслаждение жизнью, потакание себе), **безопасности** (национальная безопасность, гармония, социальный порядок, социальная справедливость), **консерватизма (традиционности)** (вежливость, уважение родителей, благочестие, обязательность, умеренность и т.п.), **конформности** (вежливость, уважение старших, самодисциплина, умеренность, скромность и т.п.), **универсализма или гармонии** (мир на Земле, единство с природой, мир прекрасного, защита окружающей среды, мудрость, внутренняя гармония и т.п.), **заботливости (благожелательности) или равноправия** (ответственность, честность, полезность, верность, равенство) (S. H. Schwartz, A. Bardi, 2001: 270, S. H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens, 2001: 521, Н. М. Лебедева, 2001: 27—28). Несколько ценностей не показали своей принадлежности к определенному мотивационному блоку. Это такие ценности, как здоровье, смысл жизни, уединение, зрелая любовь, внутренняя гармония, духовная жизнь, самоуважение, истинная дружба (S. H. Schwartz, A. Bardi, 2001: 270).

Дальнейшие исследования выявили, что эти универсальные типы ценностей располагаются на полюсах двух биполярных осей: **открытость к изменениям** (ценности самостоятельности и стимулирования) — **консерватизм** (ценности безопасности, конформности, традиций) и **акцент на себе** (ценности власти, достижения и гедонизма) — **акцент на других**

(ценности универсализма и заботливости) (S. H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens, 2001: 522, Н. М. Лебедева, 2001: 28).

Методика состоит из двух списков ценностей, которые испытуемому необходимо проранжировать (присвоить каждой ценности ее ранговый номер): **ценностей как жизненных принципов** (список ценностей 1) — это такие ценности, как равенство, внутренняя гармония, власть, свобода, интересная жизнь и т.д.; и **ценностей как способов поведения** (список ценностей 2) — таких, как независимость, умеренность, верность, честолюбие, широта взглядов и т.д.

Каждая ценность оценивается испытуемыми по девятибалльной шкале от -1 (как противоположная моим ценностям) до 7 (как наиважнейший принцип моей жизни). Обработка результатов производилась путем вычисления среднего арифметического ранга для каждой ценности во всех группах испытуемых. Затем с помощью дескриптивной статистики (частотного анализа) находилась мода для каждой ценности — наиболее часто встречающийся ранг данной ценности по выборке. Для последующего анализа отбирались только те ценности, которые были оценены испытуемыми как "отвергаемая мною" и "не важная для меня" (баллы: -1, 0, 1) или как "очень важная" и "наиважнейшая для меня ценность" (баллы: 6, 7). Дальнейший отбор ценностей осуществлялся с помощью количества голосов, отданных за оставшиеся ценности. Из-за свободного ранжирования в данной методике основное количество значений сгруппировалось вокруг баллов 5 и 6, поэтому отбор ценностей осуществлялся с помощью количества голосов начиная с 50% выборов, т.е. голосов 1/2 респондентов от всей выборки, отданных за данную ценность. Эта процедура позволила нам выделить действительно значимые и отвергаемые ценности в данных группах испытуемых.

На основе этой методики была проведена международная программа сравнительного (кросс-культурного) изучения ценностей в 46 странах (на материале исследования 63 наций) (S. H. Schwartz, A. Bardi, 2001), в т.ч. и в

России (Лебедева Н.М., 2001). Эта программа выявляла универсальность и повторяемость предложенных С. Шварцем десяти мотивационных типов ценностей. В 46 странах исследователи добавили 6 ценностей, которые в результате корреляций не показали себя как отдельный мотивационный тип и вошли как составляющие в уже существующие типы ценностей. Таким образом, это исследование выявило существование почти универсальной структуры ценностей для всех культур. Отдельные культуры, по мнению С. Шварца, существенно отличаются только по предпочтению какого-либо типа ценностей (S. H. Schwartz, A. Bardi, 2001: 269). Опросник проверен на надежность и валидность (S. H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens, 2001).

Методика — **«Пермский вопросник Я», предложенный Л. Я. Дорфманом, М. В. Рябиковой, И. М. Гольдберг, А. Н. Быковым, А. А. Ведровым (Perm Plural Self Questionnaire)** (Л. Я. Дорфман, М. В. Рябикова, И. М. Гольдберг, А. Н. Быков, А. А. Ведров, 2000), разработан в русле концепции полимодального Я Л. Я. Дорфмана.

Методика направлена на изучение особенностей полимодального Я как «множественных динамических представлений (ментальных репрезентаций) человека о своем метаиндивидуальном мире» (Л. Я. Дорфман, 2002). Полимодальное Я, или «персонализированная (Я личности) и персонифицированная (лица Я) субъективная реальность, отображающая (с разной степенью адекватности и полноты) объективные взаимодействия индивидуальности с миром» (Л. Я. Дорфман, 2000: 67) в концепции Л. Я. Дорфмана состоит из четырех субмодальностей: Я - Авторского, Я - Воплощенного, Я - Превращенного, Я - Вторящего. Вопросник включает в себя 38 вопросов, оценивающих выраженность данных субмодальностей. Каждый вопрос оценивается по шестибалльной шкале от -3 до 3. Обработка результатов производилась путем вычисления среднего арифметического значения для каждой субмодальности во всех группах испытуемых. Чем выше показатель, тем выше выраженность субмодальности Я. Методика прошла

проверку на надежность и валидность (Л. Я. Дорфман, М. В. Рябикова, И. М. Гольдберг, А. Н. Быков, А. А. Ведров, 2000).

3.2.4. Методики изучения социально-психологических свойств

Методика диагностики уровня развития этнического самосознания (ЭСС), разработанная **В. Ю. Хотинец**. Методика направлена на выявление уровня этнического самосознания: гипоидентичности, позитивной идентичности и гиперидентичности. В основу методики была положена модель двойственного процесса соотношения культур Б. Ф. Поршнева: культурного обособления (дифференциации «мы» и «они») и культурной ассимиляции (частичное или полное вхождение в общее «мы»). Опросник состоит из пяти шкал:

- двух этнодифференцирующих — на культурном (шкала «осознание особенностей этнической культуры своего этноса») и психологическом (индивидуальном) («осознание собственных этнопсихологических особенностей») уровнях,
- двух этноинтегрирующих — на культурном (шкала «осознание психологических особенностей своего этноса») и психологическом (индивидуальном) (шкала «осознание тождественности со своим этносом») уровнях
- и по графической шкале «осознание себя представителем своей этнической группы».

Респондентам было предложено оценить себя и типичные характеристики своей этнической группы по четырем шкалам (этнодифференцирующим и этноинтегрирующим) от 1 (качество совершенно не проявляется у меня или моего этноса) до 7 (качество очень сильно проявляется у меня или моего этноса) и по 100-балльной графической шкале. Показателем развития этнического самосознания респондентов служил

интегральный показатель этнической самоопределенности. Опросник проверен на валидность и надежность (В. Ю. Хотинец, 1995).

Анализ результатов проводился в пределах психологической универсалии идиоцентризм — аллоцентризм, которая характеризуется рядом контрастов: а) преобладание в индивидуальной ценностно-смысловой структуре идиоцентрических (соревновательность, эмоциональная дистанцированность от группы, самоуверенность, гедонизм) или аллоцентрических (взаимозависимость, общительность, ценность целостности семьи) ценностей (Н. S. Triandis, 2001: 912-915, Н. S. Triandis, К. Leung, М. Villareal, F. L. Clack, 1985: 397-398); б) ощущение себя автономным, независимым или включенным в ингруппы (особенности конструкта Я); в) приоритет в детерминации поведения персональными установками или ролями и социальными нормами (А. Т. Church, 2000: 668—669). Существуют синонимы данного измерения: идиоцентризм — социоцентризм (R. A. Shweder, E. J. Bourne), «культура отдельности» («culture of separateness») — «культура связности» («culture of relatedness») (С. Kagitcibasi), “высококонтекстуальная” (высокая регламентированность образа жизни, высокая значимость подтекста коммуникаций) культура — «низкоконтекстуальная» (ненормированность культуры, предоставление информации в ясной, подробной форме) культура (Е. Т Hall).

Данное универсальное измерение является аналогом на уровне индивидуальных ориентаций культурного синдрома «коллективизм — индивидуализм» (направленности культуры на социальную группу или личность). Выбор синдрома идиоцентризм — аллоцентризм обусловлен тем, что, с точки зрения исследователей кросс культурной психологии (В. В. Гриценко, 2002, Н. М. Лебедева, 1999, Г. У. Солдатова, 1998, J. W. Berry, Y. H. Poortinga, M. H. Segall, P. R. Dasen, 1992, P. Greenfield, 2000, S. H. Schwartz, A. Bardi, 2001, Н. S. Triandis, 2001), эти универсалии отражают наиболее значимые различия между представителями этнических групп как на

индивидуальном (синдром аллоцентризм — идиоцентризм), так и на групповом уровне (синдром коллективизм — индивидуализм).

3.3. Математико-статистические методы обработки результатов исследования

Надежность и достоверность данных, полученных в работе, обеспечены применением апробированных и валидизированных методик.

Статистическая обработка данных включала оценку нормальности распределения общей выборки и отдельных изучаемых групп испытуемых с помощью методов дескриптивной статистики (непараметрического χ^2 (Хи-квадрат) теста). Для обработки данных использовались методы программы SPSS 10.0 (методы индуктивной статистики): t—критерий, корреляционный анализ по методу линейной корреляции Пирсона, факторный анализ по методу главных компонент с вращением по типу Варимакс, дескриптивный анализ (частотный анализ) и дисперсионный анализ (1-факторный ANOVA).

Глава 4. Результаты исследования и их обсуждение

Решение поставленных нами задач в эмпирической части исследования шло по трем направлениям: 1) эмпирически изучить стадии протекания психологической адаптации; 2) эмпирически изучить структуру психологической адаптации; 3) эмпирически изучить соотношение психологической адаптации и дезадаптации и особенностей межгруппового восприятия; 4) эмпирически выявить компенсаторные механизмы, обуславливающие успешность психологической адаптации к иной социокультурной среде.

4.1. Результаты исследования выраженности индивидуально-психологических свойств этнических индивидов в зависимости от уровня развития адаптивных способностей

С помощью описательной статистики по показателю «адаптивные способности» (многоуровневый личностный опросник "Адаптивность" (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина) выборка студентов из 800 человек была поделена на три группы: с высокими показателями адаптивных способностей ($n=291$), средними показателями адаптивных способностей ($n=275$) и с низкими показателями адаптивных способностей ($n=234$). С помощью сравнительного анализа средних значений по t -критерию обнаружены значимые различия по методикам: многоуровневый личностный опросник "Адаптивность" (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина, методика диагностики уровня развития этнического самосознания В. Ю. Хотинец — между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей.

Во всех этнических группах выявились общие тенденции (см. табл. 1): в группе высокоадаптированных студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов по сравнению с группой низкоадаптированных более выражены показатели нервно-психической устойчивости ($t=43,62$; $p\leq 0,001$),

коммуникативных особенностей ($t=20,88$; $p\leq 0,001$), моральной нормативности ($t=11,84$; $p\leq 0,001$).

Таблица 1

**Среднее значение показателей по t-критерию в общей выборке
с учетом выраженности адаптивных способностей**

Показатели методик	N		Среднее значение		<i>t-критерий</i>	Уровень значимости p	
	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные			
АДАПТ. СПОСОБН.	291	234	108,08	69,87	51,08	0,000	***
НЕРВНО-ПСИХИЧ УСТ.	291	234	71,82	43,23	43,62	0,000	***
КОММУНИКАТ.	291	234	20,59	14,18	20,88	0,000	***
МОРАЛ НОРМАТИВН.	291	234	15,42	12,51	11,84	0,000	***
ОТЛИЧИЕ ЭТНОСА ОТ ДРУГИХ	291	234	42,27	42,11	0,22	0,828	
БЛИЗОСТЬ СО СВ. ЭТНОСОМ	291	234	44,19	42,56	1,64	0,101	
ОСОБЕННОСТИ СВ. ЭТНОСА	291	234	25,95	25,59	0,76	0,447	
МОИ ЭТНИЧ. ОСОБЕННОСТИ	291	234	24,31	23,97	0,62	0,533	
ЭТНИЧ. САМООПРЕДЕЛ.	291	234	217,65	214,94	0,88	0,380	

Сравнительный анализ средних значений по t-критерию в удмуртской этнической группе выявил следующие значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 2): в группе высокоадаптированных удмуртов по сравнению с группой низкоадаптированных более выражены показатели нервно-психической устойчивости ($t=23,70$; $p\leq 0,001$), коммуникативных особенностей ($t=11,62$; $p\leq 0,001$), моральной нормативности ($t=5,78$; $p\leq 0,001$).

Таблица 2

**Среднее значение показателей по t-критерию в удмуртской этнической
группе с учетом выраженности адаптивных способностей**

Показатели методик	N		Среднее значение		<i>t-критерий</i>	Уровень значимости p	
	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные			
АДАПТ. СПОСОБН.	75	84	107,25	69,77	27,80	0,000	***
НЕРВНО-ПСИХИЧ УСТ.	75	84	70,55	42,10	23,70	0,000	***
КОММУНИКАТ.	75	84	20,95	14,51	11,62	0,000	***
МОРАЛ. НОРМАТИВН.	75	84	15,48	13,01	5,78	0,000	***
ОТЛИЧИЕ ЭТНОСА ОТ ДРУГИХ	75	84	40,45	41,64	-1,02	0,312	
БЛИЗОСТЬ СО СВ. ЭТНОСОМ	75	84	42,77	43,30	-0,33	0,742	
ОСОБЕННОСТИ СВ. ЭТНОСА	75	84	24,92	24,61	0,41	0,683	
МОИ ЭТНИЧ. ОСОБЕННОСТИ	75	84	22,19	23,30	-1,18	0,239	
ЭТНИЧ. САМООПРЕДЕЛ.	75	84	208,94	218,73	-1,84	0,068	

Сравнительный анализ средних значений по t-критерию в коми-пермяцкой этнической группе выявил следующие значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 3): в группе высокоадаптированных коми-пермяков по сравнению с группой низкоадаптированных более выражены показатели нервно-психической устойчивости ($t=17,33$; $p\leq 0,001$), коммуникативных особенностей ($t=8,45$; $p\leq 0,001$), моральной нормативности ($t=5,00$; $p\leq 0,001$).

Таблица 3

Среднее значение показателей по t-критерию в коми-пермяцкой этнической группе с учетом выраженности адаптивных способностей

Показатели методик	N		Среднее значение		t-критерий	Уровень значимости	
	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные		p	
АДАПТ. СПОСОБН.	41	38	107,45	67,76	18,18	0,000	***
НЕРВНО-ПСИХИЧ УСТ.	41	38	71,80	42,18	17,33	0,000	***
КОММУНИКАТ.	41	38	20,03	13,05	8,45	0,000	***
МОРАЛ. НОРМАТИВН.	41	38	15,18	12,42	5,00	0,000	***
ОТЛИЧИЕ ЭТНОСА ОТ ДРУГИХ	41	38	35,51	36,68	-0,64	0,526	
БЛИЗОСТЬ СО СВ. ЭТНОСОМ	41	38	40,44	42,39	-0,81	0,423	
ОСОБЕННОСТИ СВ. ЭТНОСА	41	38	24,39	25,79	-1,14	0,258	
МОИ ЭТНИЧ. ОСОБЕННОСТИ	41	38	23,15	24,61	-1,06	0,293	
ЭТНИЧ. САМООПРЕДЕЛ.	41	38	212,37	213,29	-0,13	0,898	

Сравнительный анализ средних значений по t-критерию в русской этнической группе выявил следующие значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 4): в группе высокоадаптированных русских по сравнению с группой низкоадаптированных более выражены показатели нервно-психической устойчивости ($t=31,46$; $p\leq 0,001$), коммуникативных особенностей ($t=14,95$; $p\leq 0,001$), моральной нормативности ($t=9,18$; $p\leq 0,001$) (опросник "Адаптивность" МЛЮ-АМ А. Г. Маклакова), моя близость с моим этносом ($t=2,49$; $p\leq 0,05$), этническая самоопределенность ($t=2,26$; $p\leq 0,05$), (методика диагностики уровня развития этнического самосознания В. Ю. Хотинец).

Таблица 4

**Среднее значение показателей по t-критерию в русской этнической группе
с учетом выраженности адаптивных способностей**

Показатели методик	N		Среднее значение		<i>t-критерий</i>	Уровень значимости	
	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные		p	
АДАПТ. СПОСОБН.	175	112	108,55	70,65	38,15	0,000	***
НЕРВНО-ПСИХИЧ УСТ.	175	112	72,39	44,43	31,46	0,000	***
КОММУНИКАТ.	175	112	20,56	14,32	14,95	0,000	***
МОРАЛ. НОРМАТИВН.	175	112	15,43	12,17	9,18	0,000	***
ОТЛИЧИЕ ЭТНОСА ОТ ДРУГИХ	175	112	44,63	44,30	0,34	0,736	
БЛИЗОСТЬ СО СВ. ЭТНОСОМ	175	112	45,68	42,06	2,49	0,013	**
ОСОБЕННОСТИ СВ. ЭТНОСА	175	112	26,76	26,26	0,74	0,462	
МОИ ЭТНИЧ. ОСОБЕННОСТИ	175	112	25,49	24,26	1,64	0,102	
ЭТНИЧ. САМООПРЕДЕЛ.	175	112	222,62	212,65	2,26	0,025	*

Таким образом, во всех этнических группах выявились общие тенденции: в группе высокоадаптированных (удмуртов, коми-пермяков и русских) по сравнению с группой низкоадаптированных более выражены показатели нервно-психической устойчивости, коммуникативности и моральной нормативности.

4.2. Результаты исследования динамики психологической адаптации

Итоги дисперсионного анализа эффектов фактора длительности нахождения в новой студенческой среде на полимодальное Я приведены в табл. 5 (для удмуртской выборки), в табл. 6 (для коми-пермяцкой выборки) и в табл. 7 (для русской выборки).

Таблица 5

**Эффекты фактора длительности нахождения в новой социокультурной среде
на полимодальное Я (средние и стандартные отклонения)
у студентов удмуртской национальности**

Длительность нахождения в новой культуре (курсе)	n	Полимодальное Я			
		Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
1 курс	62	33,00 (5,73)	31,51 (5,50)	39,17 (5,43)	29,80 (4,98)

2 курс	53	35,43 (6,78)	31,61 (6,63)	40,11 (4,56)	29,32 (4,63)
3 курс	55	34,45 (6,85)	31,72 (6,02)	40,83 (4,30)	29,12 (6,27)
4 курс	36	36,75 (5,11)	33,08 (5,78)	42,33 (4,48)	30,16 (3,87)
5 курс	30	24,63 (8,15)	30,46 (5,45)	40,23 (4,23)	29,06 (4,47)

Примечание. Я–Авторское, $F(4,231)=16,85$, $p \leq 0,000$; Я–Воплощенное, $F(4,231)=0,80$, $p \leq 0,50$; Я–Превращенное, $F(4,231)=2,744$, $p \leq 0,05$; Я–Вторящее, $F(4,231)=0,367$, $p \leq 0,80$;

Как видно из табл. 5, данный фактор оказал значимые эффекты на Я-Авторское, $F(4, 232)=16,85$, $p \leq 0,001$ и Я–Превращенное, $F(4,231)=2,744$, $p \leq 0,05$.

Post hoc сравнения (LSD статистика) свидетельствовали о том, что показатели Я-Авторского значимо возрастают между 1 и 4 курсами ($p \leq 0,01$) и значимо снижаются между 1, 2, 3, 4 курсами и 5 курсом ($p_1 \leq 0,000$; $p_2 \leq 0,000$; $p_3 \leq 0,000$; $p_4 \leq 0,000$). Показатели Я-Превращенного значимо возрастают между 1, 2 курсами и 4 курсом ($p_1 \leq 0,001$; $p_2 \leq 0,05$).

Отсутствуют значимые эффекты фактора длительности нахождения в новой культуре на субмодальности Я–Вторящее и Я–Воплощенное, выполняющих функцию слияния.

Таблица 6

Эффекты фактора длительности нахождения в новой социокультурной среде на полимодальное Я (средние и стандартные отклонения) у студентов коми-пермяцкой национальности

Длительность нахождения в новой культуре (курс)	n	Полимодальное Я			
		Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
1 курс	25	33,28 (4,47)	31,12 (4,31)	41,64 (3,92)	28,84 (4,08)
2 курс	28	34,50 (5,48)	32,04 (5,17)	39,57 (3,76)	30,18 (5,02)
3 курс	21	38,33 (3,17)	34,81 (4,81)	40,62 (5,16)	30,67 (6,47)
4 курс	22	36,50 (5,90)	32,36 (7,58)	40,41 (4,21)	30,00 (6,63)
5 курс	19	34,74 (8,30)	33,00 (7,23)	40,37 (5,49)	29,84 (5,53)

Примечание. Я–Авторское, $F(4, 110)=2,786$, $p \leq 0,05$; Я–Воплощенное, $F(4,110)=1,239$, $p \leq 0,50$; Я–Превращенное, $F(4,110)=0,718$, $p \leq 0,60$; Я–Вторящее, $F(4,110)=0,348$, $p \leq 0,80$;

Как видно из табл. 6, данный фактор оказал значимые эффекты на Я-Авторское, $F(4, 114)=2,786, p \leq 0,05$.

Post hoc сравнения (LSD статистика) свидетельствовали о том, что показатели Я-Авторского значимо возрастают между 1, 2 и 3 курсом ($p_1 \leq 0,003$; $p_2 \leq 0,02$) и значимо снижаются между 3 и 5 курсом ($p_3 \leq 0,05$).

Отсутствуют значимые эффекты фактора длительности нахождения в новой культуре на субмодальности Я-Вторящее, Я-Воплощенное и Я-Превращенное.

Таблица 7

Эффекты фактора длительности нахождения в новой студенческой среде на полимодальное Я (средние и стандартные отклонения) у студентов русской национальности

Длительность нахождения в новой культуре (курс)	n	Полимодальное Я			
		Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
1 курс	95	35,77 (5,49)	34,10 (5,56)	41,42 (4,89)	29,80 (4,71)
2 курс	71	37,11 (6,23)	34,70 (6,21)	42,38 (4,56)	29,19 (5,92)
3 курс	46	36,60 (7,96)	33,73 (7,64)	42,17 (6,06)	29,78 (7,17)
4 курс	55	36,98 (6,53)	35,47 (5,77)	42,83 (4,14)	30,03 (6,12)
5 курс	36	35,33 (6,85)	35,22 (6,22)	41,41 (3,99)	31,58 (4,71)

Примечание. Я-Авторское, $F(4,298)=0,841, p \leq 0,50$; Я-Воплощенное, $F(4,298)=0,731, p \leq 0,50$; Я-Превращенное, $F(4,298)=1,023, p \leq 0,50$; Я-Вторящее, $F(4,298)=1,076, p \leq 0,50$;

Как видно из табл. 7, фактор длительности нахождения в новой культуре не оказал значимых эффектов на субмодальности Я-Авторское, Я-Воплощенное, Я-Превращенное, Я-Вторящее в выборке студентов русской национальности.

Эффекты фактора адаптивных способностей к новой социокультурной среде на полимодальное Я приведены в табл. 8 (для удмуртской выборки), в табл. 9 (для коми-пермяцкой выборки) и в табл. 10 (для русской выборки).

Таблица 8

Эффекты фактора «адаптивные способности» на полимодальное Я
(средние и стандартные отклонения)
в выборке студентов удмуртской национальности

Уровни адаптивных способностей	n	Полимодальное Я			
		Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
высокоадаптированные	77	34,71 (6,83)	32,18 (6,46)	41,23 (5,18)	29,12 (4,57)
низкоадаптированные	86	32,10 (8,07)	30,76 (5,59)	39,82 (4,62)	30,12 (5,12)

Примечание. Я–Авторское, $F(1,161)=4,895$, $p \leq 0,03$; Я–Воплощенное, $F(1,161)=2,239$, $p \leq 0,1$; Я–Превращенное, $F(1,161)=3,362$, $p \leq 0,07$; Я–Вторящее, $F(1,161)=1,704$, $p \leq 0,1$;

Как видно из табл. 8, фактор «адаптивные способности» оказал значимые эффекты в выборке удмуртских студентов на Я–Авторское, $F(1,161)=4,895$, $p \leq 0,03$ и в качестве тенденции — на Я–Превращенное, $F(1,161)=3,362$, $p \leq 0,07$.

Эти показатели свидетельствуют о том, что в группе высокоадаптированных студентов удмуртского этноса к русской студенческой урбанизированной среде значимо выше показатели Я-Авторского ($p \leq 0,03$) и выше на уровне тенденции показатели Я-Превращенного ($p \leq 0,07$).

Таблица 9

Эффекты фактора «адаптивные способности» на полимодальное Я
(средние и стандартные отклонения)
в выборке студентов коми-пермяцкой национальности

Уровни адаптивные способностей	n	Полимодальное Я			
		Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
высокоадаптированные	41	37,39 (3,67)	33,44 (5,53)	40,93 (3,27)	29,09 (5,47)
низкоадаптированные	38	34,10 (5,67)	32,05 (6,16)	40,87 (5,11)	32,20 (5,73)

Примечание. Я–Авторское, $F(1,77)=9,498$, $p \leq 0,003$; Я–Воплощенное, $F(1,77)=1,111$, $p \leq 0,5$; Я–Превращенное, $F(1,77)=0,004$, $p \leq 0,9$; Я–Вторящее, $F(1,77)=6,101$, $p \leq 0,02$;

Как видно из табл. 9, фактор «адаптивные способности» оказал значимые эффекты в выборке студентов коми-пермяцкого этноса на Я-Авторское, $F(1,77) = 9,498$, $p \leq 0,003$ и Я–Вторящее, $F(1,77) = 6,101$, $p \leq 0,02$.

Эти эффекты свидетельствуют о том, что показатели Я-Авторского значимо выше в группе высокоадаптированных к студенческой среде студентов коми-пермяцкого этноса ($p \leq 0,003$). Показатели Я-Вторящего, наоборот, значимо выше в группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса ($p \leq 0,02$).

Таблица 10

Эффекты фактора адаптивные способности на полимодальное Я
(средние и стандартные отклонения)
в выборке студентов русской национальности

Уровни адаптивных способностей	n	Полимодальное Я			
		Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
высокоадаптированные	100	37,21 (6,27)	34,50 (5,44)	41,76 (5,23)	28,28 (5,93)
низкоадаптированные	88	34,93 (6,51)	33,38 (6,92)	41,56 (5,16)	30,59 (5,58)

Примечание. Я–Авторское, $F(1,186)=5,949$, $p \leq 0,02$; Я–Воплощенное, $F(1,186)=1,519$, $p \leq 0,2$; Я–Превращенное, $F(1,186)=0,064$, $p \leq 0,1$; Я–Вторящее, $F(1,186)=7,495$, $p \leq 0,01$;

Как видно из табл. 10, фактор «адаптивные способности» оказал значимые эффекты в выборке русских студентов на Я–Авторское, $F(1,186)=5,949$, $p \leq 0,02$ и Я–Вторящее, $F(1,186)=7,495$, $p \leq 0,01$.

Эти эффекты свидетельствуют о том, что показатели Я-Авторского значимо выше в группе высокоадаптированных к студенческой среде студентов русского этноса ($p \leq 0,02$). Показатели Я-Вторящего, наоборот, значимо выше в группе низкоадаптированных студентов русского этноса ($p \leq 0,01$).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Вопреки предположениям о том, что на первоначальных этапах психологической адаптации к иной социокультурной среде будет выражена субмодальность Я-Вторящее, производящая эффект на дружелюбие, зависимость¹, выяснилось, что данная субмодальность свободна от влияния

¹ Описание эффектов субмодальностей полимодального Я на личностные характеристики см.: Дорфман Л.Я. Дивергенция и конструкт Я //Личность, креативность, искусство /Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н. Захаров и др. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002: 141—184

фактора длительности нахождения в новой среде у студентов коми-пермяцкого и удмуртского этносов. Этот факт можно трактовать как относительную знакомость принимающей среды для финно-угорской выборки.

2. Выявилось значимое возрастание на 4 курсе показателей Я-Авторского и Я-Превращенного в выборке удмуртских студентов, на 3 курсе показателя Я-Авторского в выборке коми-пермяцких студентов. Эти субмодальности оказывают эффекты на автономность, самостоятельность (обособление), самоопределение, независимость, авторство, креативность (Я-Авторское) и самостоятельность (обособление), терпимость (Я-Превращенное). Следовательно, мы можем говорить о вхождении студентов как удмуртского, так и коми-пермяцкого этноса в русскую урбанизированную студенческую среду. Причем для студентов удмуртского этноса — о вхождении в другую среду не как слиянии (субмодальности Я-Авторское и Я-Превращенное выполняют функцию обособления Я от Другого), а вхождении как установлении определенной дистанции — дистанции сохранения себя, своей идентичности и дистанции терпимости (толерантности) по отношению к русской студенческой среде со стороны студентов удмуртской национальности.

Эти результаты соотносятся с ранее полученными фактами об активном сохранении финно-угорскими этносами (удмуртами и коми-пермяками) своих этнических (культурных) ценностей (Е. Е. Будалина, 2001, В. Ю. Хотинец, 2001) и о некоторой двойственности в самоопределении удмуртов: стремление к слиянию с русским этносом и, в тоже время, обособление от него (М. В. Рябикова, Л. Я. Дорфман, 2002). Т.е. удмуртский этнос находится как бы "вне" и, в тоже время, "внутри" русского этноса, в состоянии "вненаходимости" (М. М. Бахтин).

Таким образом, наш теоретический концепт динамики психологической адаптации к иной социокультурной среде как изменяющихся представлений человека о своем метаиндивидуальном мире в ходе приобщения к иной социокультурной среде нашел эмпирическое подтверждение: вхождение в иную культуру сопровождается значимым возрастанием показателей

Я-Авторское и Я-Превращенное в выборке студентов удмуртского этноса и значения показателя Я-Авторское в выборке студентов коми-пермяцкого этноса. Данные субмодальности производят эффекты на самостоятельность (обособление), автономность, самоопределение, независимость, авторство, креативность (Я-Авторское) и самостоятельность (обособление), терпимость (Я-Превращенное).

Таким образом, динамика психологической адаптации проявляется в возрастании самостоятельности (обособления), автономности, самоопределения, независимости, авторства, креативности (Я-Авторское) и самостоятельности (обособления), терпимости (Я-Превращенное).

3. Значимое падение Я-Авторского на 5 курсе в среде удмуртских студентов и на 4, 5 курсах в среде коми-пермяцких студентов может свидетельствовать о феномене потенциальной переадаптации или осознании необходимости ухода из знакомой студенческой среды и вхождения в среду Другого.

4. Незначимость эффектов фактора длительности нахождения в новой культуре на полимодальное Я в выборке студентов русского этноса можно интерпретировать как относительную знакомость для них данной среды (русская, урбанизированная). И, соответственно, в новой студенческой среде для студентов русской группы меньше травматичной "инаковости" (О. Пас), смысловых лакун неопределенности (В. Ф. Петренко).

5. У высокоадаптированных в русской урбанизированной студенческой среде студентов удмуртской, коми-пермяцкой и русской национальности значимо выражена субмодальность Я-Авторское, оказывающая эффекты на автономность, самоопределение, авторство, независимость, креативность. Таким образом, наш теоретический концепт динамики психологической адаптации к иной социокультурной среде нашел эмпирическое подтверждение: у высокоадаптированных студентов финно-угорской этнической группы будет более выражена субмодальность Я-Авторское, производящая эффекты на независимость, доминирование, авторство, самоопределение, креативность.

6. В выборке низкоадаптированных студентов удмуртской национальности фактор адаптивных способностей не оказал эффектов на субмодальности Я-Вторящее, но оказал значимые эффекты на субмодальности Я-Авторское и, в качестве тенденции, на Я-Превращенное — выраженность показателей этих субмодальностей значимо ниже, чем в выборке высокоадаптированных удмуртских студентов.

В выборке низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого и русского этносов фактор адаптивных способностей оказал значимые эффекты на субмодальность Я-Вторящее и Я-Авторское: показатели Я-Вторящего значимо выше, а показатели Я-Авторского значимо ниже по сравнению с выборкой высокоадаптированных студентов русского и коми-пермяцкого этносов.

Так, во всей группе низкоадаптированных (студентов трех этнических групп: удмуртской, коми-пермяцкой и русской) низкие показатели Я-Авторского оказывают эффекты на малую самостоятельность, зависимость, неопределенность себя. Однако, в русской и коми-пермяцкой группе высокие показатели Я-Вторящего оказывают эффекты, кроме как на зависимость, так же и на дружелюбие, а в группе студентов удмуртского этноса низкие показатели Я-Превращенного оказывают эффект на снижение дистанции (обособленности) и на низкие показатели терпимости.

Таким образом, если адаптированность проявляется одинаково у студентов всех этнических групп, то феномен дезадаптированности имеет специфическую психологическую природу.

4.3. Результаты исследования структуры психологической адаптации на основе изучения ценностно-смысловых ориентаций в зависимости от уровня адаптивных способностей

С помощью частотного анализа во всех этнических группах (студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) как у

высокоадаптированных, так и у низкоадаптированных, были выделены ценности, наиболее и наименее предпочитаемые (Табл. 1—6 приложения 2).

Во всех этнических группах (у студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) как у высокоадаптированных, так и у низкоадаптированных, было выделено сходное ядро индивидуалистских и коллективистских ценностей. Наиболее предпочитаемые: терминальные ценности — здоровье, любовь (методика "ценностные ориентации" М. Рокича); ценности как жизненные принципы — смысл жизни, настоящая дружба, защита семьи, мир на земле; ценность как способ поведения — здоровье (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца). Наименее предпочитаемые ценности: терминальные — счастье других, творчество, красота природы и искусства, развлечения; инструментальные — высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других ("ценностные ориентации" М. Рокича).

Сходные данные были получены ранее на выборке студентов в исследовании влияния ценностей на предпочтения телевизионных программ А. В. Шарикова, Э. А. Барановой (1997), в исследовании стратегий самоутверждения ценностных предпочтений Н. С. Харламенковой, И. В. Бабановой (1999), в исследованиях ценностных структур студентов гуманитарных факультетов Н. А. Кириловой (1995, 2004), в исследовании структуры счастья русских И. А. Джидарьяна (2001). Эти наиболее предпочитаемые ценности можно охарактеризовать как ценности счастья, т.к. они отображают ценностное пространство счастья россиян: ценности любви, защиты семьи, настоящей дружбы, смысла жизни (И. А. Джидарьян, 2001). Кроме того, в последнее десятилетие исследователи (И. А. Джидарьян, 2001, Н. А. Кирилова, 1995) отмечают значительное сужение ценностного пространства россиян: сконцентрированность на уровне ценностей "я — моя семья — личные цели".

Наименее предпочитаемые ценности — это духовные ценности как русской, так и финно-угорской культуры: альтруистические ценности служения

другим (счастье других), эстетические ценности (творчество, красота природы и искусства), ценности совершенствования или стремления к идеалу (высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других). И гедонистические ценности (развлечения). Это ценности как аллоцентрической (счастье других, красота природы и искусства), так и идиоцентрической направленности (развлечения, творчество, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других).

Таким образом, был выявлен приоритет ценностей личного счастья (любовь, настоящая дружба, защита семьи, здоровье, смысл жизни) над духовными ценностями (счастье других, творчество, красота природы и искусства, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других).

Кроме общего для всех этнических групп ядра ценностей, выделилось ценностное ядро для **финно-угорской этнической группы** (студентов удмуртского и коми-пермяцкого этносов): интернальные ценности — образованность, воспитанность ("ценностные ориентации" М. Рокича), ценности как способы поведения — уважение старших, собственные цели (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца). Это как коллективистские (воспитанность, уважение старших), так и индивидуалистские ценности (образованность, собственные цели).

Также выделились **ценности русской этнической группы** (общие как для высокоадаптированных, так и для низкоадаптированных). Это ценности идиоцентрической направленности как наиболее предпочитаемые: терминальная ценность — уверенность в себе, инструментальные ценности — независимость, честность ("ценностные ориентации" М. Рокича); ценности как жизненные принципы — свобода, зрелая любовь, самоуважение, внутренняя гармония; ценности как способ поведения — верность, интеллект, достижение успеха, независимость (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца). И аллоцентрическая ценность как наименее предпочитаемая: интернальная ценность — аккуратность.

Группа высокоадаптированных

У **высокоадаптированных** в русской среде студентов коми-пермяцкого этноса (см. табл. 1 приложения 2) набор ценностей, кроме общего ядра с русской и удмуртской культурами (общее ядро ценностей трех культур) и финно-угорского ядра аллоцентрических и идиоцентрических ценностей, имеет дополнительных пять ценностей: две индивидуалистские ценности как способы поведения, совпадающие с ценностным ядром русской культуры: верность², достижение успеха (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца) и три собственные: принятые идиоцентрические ценности: терминальные — познание, активная жизнь, инструментальная — ответственность. И не принятая аллоцентрическая интернальная ценность — терпимость ("ценностные ориентации" М. Рокича).

Надо отметить, что у высокоадаптированных студентов как удмуртского, так и русского этносов отметились сходные тенденции (см. табл. 3, 5 приложения 2): включение в свои ценности ядра общих ценностей для трех этнических групп (удмуртов, коми-пермяков и русских), ценностей финно-угорской этнической группы, ценностей русской группы (части идиоцентрических ценностей русских для удмуртской выборки: инструментальная ценность — честность³ ("ценностные ориентации" М. Рокича); ценность как жизненный принцип — зрелая любовь, ценности как способы поведения — достижение успеха, верность (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца) и своих собственных ценностей.

В выборке высокоадаптированных студентов удмуртского этноса (см. табл. 3 приложения 2) в блок собственных ценностей входят: терминальная

---

² Ценность "верность" в опроснике С. Шварца относится к ценностям равноправия — это индивидуалистский полюс блока «акцент на себя — акцент на других» (оппозиционный полюс — коллективистский блок иерархии). (см.: Ю. А. Гаюрова, 2002: 232). Эти блоки можно интерпретировать в терминах культурного синдрома, описанного Г. Хофстедом: высокая дистанция власти — низкая дистанция власти. Высокой дистанцией власти и иерархичностью структуры общества отличаются коллективистские культуры, низкой дистанцией власти и признанием равенства главной ценностью характеризуются индивидуалистические культуры (см.: Н. М. Лебедева, 1999а).

³ Ценность "честность" в опроснике С. Шварца относится к ценностям равноправия — это индивидуалистский полюс блока «акцент на себя — акцент на других» (оппозиционный полюс — коллективистский блок иерархии). (см.: Ю. А. Гаюрова, 2002: 232).

ценность — обеспеченность, инструментальные ценности — чувство юмора, аккуратность ("ценностные ориентации" М. Рокича); ценность как способ поведения — честность (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца) и не принятая идиоцентрическая интернальная ценность — продуктивная жизнь ("ценностные ориентации" М. Рокича). Это ценности как аллоцентрической (обеспеченность, аккуратность), так и идиоцентрической направленности (чувство юмора⁴, честность, успех, продуктивная жизнь).

У высокоадаптированных студентов русского этноса (см. табл. 5 приложения 2) набор собственных ценностей состоит из принятых ценностей: нейтральной терминальной ценности — семья, идиоцентрических инструментальных ценностей — ответственность, широта взглядов и не принятой аллоцентрической интернальной ценности — общественное признание ("ценностные ориентации" М. Рокича).

Группа низкоадаптированных

У низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса (см. табл. 2 приложения 2) набор ценностей, кроме общего ядра трех этнических групп, финно-угорского ядра ценностей и ценностей русской культуры (части идиоцентрических ценностей русской группы: инструментальной ценности — независимость ("ценностные ориентации" М. Рокича); ценностей как жизненных принципов — зрелая любовь, свобода (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца)), включает в себя многочисленные собственные ценности: терминальные ценности — наличие хороших и верных друзей, материальная обеспеченность, семейная жизнь; инструментальную идиоцентрическую ценность — смелость ("ценностные ориентации" М. Рокича); аллоцентрические ценности как жизненные принципы — национальная безопасность, благосостояние, ценности как способы поведения — честность, чистоплотность (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца). Не

---

⁴ Ценность «чувство юмора соотносится с ценностями аффективной автономии (ценности стимуляции) — это индивидуалистский полюс блока «открытость к изменениям — консерватизм» (опросник базовых культурных

принятые идиоцентрические ценности: терминальные — развитие, инструментальные — чувство юмора, широта взглядов ("ценностные ориентации" М. Рокича); ценности как жизненные принципы — власть, духовная жизнь (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца). Это ценности как аллоцентрической (материальная обеспеченность, национальная безопасность, благосостояние, чистоплотность, власть), так и идиоцентрической направленности (смелость, честность, развитие, чувство юмора, широта взглядов).

У низкоадаптированных студентов удмуртского этноса (см. табл. 4 приложения 2) набор собственных ценностей, кроме общего ядра ценностей трех культур и финно-угорского ядра ценностей, состоит из ценностей: инструментальных — самоконтроль, твердая воля ("ценностные ориентации" М. Рокича); идиоцентрической ценности как жизненного принципа — благосостояние, ценностей как способов поведения — умелость, чистоплотность, благосостояние (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца); не принятой идиоцентрической инструментальной ценности — чувство юмора ("ценностные ориентации" М. Рокича). Это ценности как аллоцентрической (благосостояние, самоконтроль, чистоплотность), так и идиоцентрической направленности (твердая воля, умелость, чувство юмора).

У низкоадаптированных студентов русского этноса (см. табл. 6 приложения 2) набор ценностей, кроме общего ядра ценностей трех культур, ядра ценностей русской культуры и финно-угорского ядра ценностей, включает в себя ценности: идиоцентрическую инструментальную ценность — чувство юмора ("ценностные ориентации" М. Рокича), аллоцентрическую ценность как жизненный принцип — благосостояние (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца); и не принятую коллективистскую ценность как жизненный принцип — власть (опросник базовых культурных ценностей С. Шварца). Это ценности как аллоцентрической (благосостояние, власть), так и идиоцентрической направленности (чувство юмора).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Во всех этнических группах (у студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) как у высокоадаптированных, так и у низкоадаптированных, было выделено общее ядро ценностей идиоцентрической и аллоцентрической направленности. Это приоритетные ценности личного счастья (любовь, настоящая дружба, защита семьи, здоровье, смысл жизни) и не приоритетные духовные ценности (счастье других, творчество, красота природы и искусства, высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других).
2. В выборке студентов удмуртского и коми-пермяцкого этносов выделилось сходное ядро финно-угорских ценностей как аллоцентрической (воспитанность, уважение старших), так и идиоцентрической (образованность, собственные цели) направленности.
3. У высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого и удмуртского этносов выделились совпадающие с ценностями русской культуры идиоцентрические ценности как способы поведения: верность, успех. Эти ценности входят в число ценностей русской группы (общих как для высокоадаптированных, так и низкоадаптированных студентов русского этноса). Таким образом, мы можем говорить, что идет процесс вхождения (адаптации) в новую русскоязычную урбанизированную студенческую среду.
4. У высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого и удмуртского этносов отмечена сходная с высокоадаптированными русскими тенденция — включение в свои ценности ядра общих для трех этнических групп ценностей (ценностей, заданных нахождением групп в едином географическом пространстве), ценностей финно-угорской этнической группы, ценностей русской группы (части ценностей русских для удмуртской и коми-пермяцкой групп) и собственных ценностей отдельно для каждой подвыборки (высокоадаптированных коми-пермяков, высокоадаптированных удмуртов, высокоадаптированных русских). На основании этих данных мы можем сделать

вывод об особенностях группы высокоадаптированных — расширении поля своих ценностей за счет ценностей культур иных этнических групп.

5. В группе низкоадаптированных (студентов коми-пермяцкого, удмуртского, русского этносов) выделилась общая принимаемая аллоцентрическая ценность как жизненный принцип: благосостояние.

6. Выделились специфические для выборки низкоадаптированных студентов финно-угорской этнической группы ценности: принятая ценность как способ поведения — чистоплотность; и отвергаемая инструментальная ценность — юмор.

7. У низкоадаптированных студентов удмуртского и русского этносов отметилась сходная тенденция: включение в свои ценности ядра общих для трех этнических групп ценностей (ценностей, заданных нахождением групп в едином географическом пространстве), ценностей своей культуры, ценности группы низкоадаптированных (благосостояние) и собственных ценностей отдельно для каждой подвыборки (низкоадаптированных студентов удмуртской этнической группы и низкоадаптированных студентов русской этнической группы). Данная группа низкоадаптированных, как удмуртов, так и русских, имеет меньший набор ценностей по сравнению с высокоадаптированными удмуртами и русскими: низкоадаптированные студенты удмуртского и русского этносов находятся в ценностном поле своей культуры, внутри общих ценностей для трех культур и внутри специфических ценностей группы низкоадаптированных. В поле ценностей группы низкоадаптированных нет этнически специфических ценностей других культур. Можно сказать, что происходит "невыход" в другие культуры, нет со-отношений культур, диалога, отношений толерантности, а значит нет и процесса адаптации данной группы удмуртов (низкоадаптированных) к урбанизированной русскоязычной студенческой среде.

8. В группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса выявлены другие тенденции: обнаружен самый большой набор ценностей, включающий в себя общие ценности трех культур (ценности, заданные

нахождением групп в едином географическом пространстве), специфичные ценности финно-угорской этнической группы (характерные как для высокоадаптированных, так и для низкоадаптированных), специфичные ценности русской группы (части идиоцентрических ценностей русских для коми-пермяцкой группы), ценность, общую для низкоадаптированных (благополучие), ценность, характерную для низкоадаптированных студентов финно-угорской группы (чистоплотность), и большой набор собственных ценностей как аллоцентрической, так и идиоцентрической направленности.

Можно сделать вывод о том, что особенностью ценностно-смысловой сферы группы низкоадаптированных студентов коми-пермяцкой этнической группы является значительное расширение поля своих ценностей за счет ценностей своей культуры, культуры этнической группы, живущей в этом же регионе, ценностей как высокоадаптированных, так и низкоадаптированных представителей данных этнических групп (студентов русского, удмуртского, коми-пермяцкого этносов) и блока собственных многочисленных ценностей как идиоцентрической, так и аллоцентрической направленности. Можно предположить, что этот феномен свидетельствует о несформированности ценностной структуры, о неотнесенности себя ни к какой этнической группе. Это явление еще можно назвать этапом размытой идентичности или, что было бы более уместно, учитывая возраст и специфическую ситуацию развития испытуемых (необходимость проживания в иной социокультурной среде), этапом моратория (Э. Эриксон, 1996).

Таким образом, эмпирически подтверждается, что психологическая адаптация к иной социокультурной среде представляет собой целостное психологическое образование, структура которого характеризуется как стабильным (сохранение ценностей своей культуры), так и динамическим (включение в ценности индивида ценностей иной социокультурной среды) компонентами. Структура психологической адаптации к иной социокультурной среде в группе высокоадаптированных (студентов удмуртского,

коми-пермяцкого, русского этносов) характеризуется включением в индивидуальные ценности общих для трех этнических групп ценностей, ценностей финно-угорской этнической группы, ценностей русской группы (части ценностей русских для удмуртской и коми-пермяцкой групп) и собственных ценностей отдельно для каждой подвыборки (высокоадаптированных коми-пермяков, высокоадаптированных удмуртов, высокоадаптированных русских).

Подтверждением наличия в структуре психологической адаптации к иной социокультурной среде участного сочетания стабильного и динамического компонентов явилась эмпирически выявленная структура психологической дезадаптации, которая характеризуется или только стабильным (сохранение ценностей только своей культуры), или чрезмерным усилением динамического (несформированность (размытость) индивидуальной ценностно-смысловой структуры) компонентами. Структура психологической дезадаптации в группе низкоадаптированных студентов удмуртского и русского этносов характеризуется включением в свои ценности общих для трех этнических групп ценностей, ценностей своей культуры, ценностей группы низкоадаптированных и собственных ценностей отдельно для каждой подвыборки (низкоадаптированных удмуртов, низкоадаптированных русских). Группа низкоадаптированных (низкоадаптированных студентов удмуртского и русского этносов) находится в ценностном поле только своего региона, своей культуры и внутри специфических ценностей группы низкоадаптированных, и не имеет этнически специфических ценностей других культур.

Эмпирически выявленная структура психологической дезадаптации в группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса характеризуется включением в свои ценности общих для трех этнических групп ценностей, ценностей финно-угорской этнической группы, ценностей русской группы (части индивидуалистских ценностей русских для коми-пермяцкой группы), ценности, общей для низкоадаптированных, ценности, характерной для низкоадаптированных студентов финно-угорской группы, и большого

набора собственных ценностей как аллоцентрической, так идиоцентрической направленности. Для группы низкоадаптированных коми-пермяков характерно значительное расширение поля своих ценностей за счет ценностей своей культуры, культуры иной этнической группы, ценностей как высокоадаптированных, так и низкоадаптированных представителей данных этнических групп (русских, удмуртов, коми-пермяков), и блока собственных многочисленных ценностей как идиоцентрической, так и аллоцентрической направленности.

На основании этих данных мы можем сделать вывод о структуре психологической дезадаптации — это сохранение ценностей только своей культуры (стабильный компонент) или несформированность (размывание) ценностной структуры (чрезмерное усиление динамического компонента).

4.4. Результаты исследования межэтнического восприятия в зависимости от уровня адаптивных способностей.

С целью изучения особенностей межэтнического восприятия в группах **высокоадаптированных и низкоадаптированных** была использована четырехпозиционная модель анализа характерологических черт Д. Пибоди, А. Г. Шмелева, М. К. Андреевой, А. Е. Граменицкого (1993) по критериям идиоцентризма — аллоцентризма (аналог этого синдрома на культурном уровне: индивидуализм — коллективизм) и адаптивности — дезадаптивности.

Группа высокоадаптированных

В группе **высокоадаптированных** изучались особенности стереотипов четырех этнических групп: студентов удмуртского, русского (г. Ижевска), коми-пермяцкого и русского (г. Перми) этносов (см. табл. 1—2 приложения 3).

По результатам анализа усредненных значений оценок стимульных объектов семантического дифференциала выявлено, что высокоадаптированные студенты **удмуртской группы** оценивают свои индивидуальные

характерологические особенности (шкала «Я сам») как в большей степени аллоцентрической (*миролюбивые (1,8), серьезные (1,3), тактичные (1,6), щедрые (1,4), практичные (1,3), прощающие (1,7), осторожные (-1,5), сотрудничающие (-1,4)*), чем идиоцентрической направленности (*откровенные (-1,2), избирательные (-1,2)*); оценивают себя как веселых (-1,3), умных (1,7), приятных (-1,0), адаптивных. Представителей своего этноса (автостереотип) студенты удмуртской этнической группы оценивают как имеющих характерологические черты только коллективистской культуры (*доверчивые (1,3), миролюбивые (2,0), пассивные (1,1), серьезные (1,4), тактичные (1,2), спокойные (1,7), скромные (-1,7), щедрые (1,3), застенчивые (1,8), практичные (1,3), прощающие (1,5), осторожные (-1,6), робкие (-1,3), мягкие (-1,3), трудолюбивые (2,5)*); оценивают представителей своего этноса как веселых (-1,3), умных (1,8); как более адаптивных, чем дезадаптивных (пассивные, робкие). Русский этнос студенты удмуртской группы (гетеростереотип) причисляют в большей степени к культурам индивидуалистского типа (*боевитые (-1,2), гибкие (-1,3), активные (-1,6), претенциозные (1,6), самоуверенные (-1,6) и уверенные (-1,6), избирательные (-1,1), смелые (2,0), твердые (1,3), раскрепощенные (2,0)*), чем к культурам коллективистского типа (*упорные (1,2), сотрудничающие (-1,3)*); оценивают представителей русского этноса как веселых (-1,3), умных (1,9), скорее как адаптивных, чем дезадаптивных (претенциозные, самоуверенные).

Студенты **русский группы** (г. Ижевск) оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала «Я сам») как аллоцентрической (*миролюбивые (1,8), тактичные (1,7), щедрые (1,3), практичные (1,2), прощающие (1,2), сотрудничающие (-1,7)*), так и идиоцентрической направленности (*откровенные (-1,0), гибкие (-1,0), активные (-1,1), уверенные (-1,6), избирательные (-1,6), смелые (1,4), твердые (1,1), независимые (1,2), раскрепощенные (1,6)*); оценивают себя как умных (2,0), адаптивных. Представителей своего этноса (автостереотип) студенты русской группы оценивают как имеющих характерологические черты одновременно и

коллективистской культуры (*доверчивые (1,2), миролюбивые (1,2), щедрые (1,6), прощающие (1,4), сотрудничающие (-1,5)*), и индивидуалистской культуры (*самоуверенные (-1,3) и уверенные (-1,1), смелые (1,9), независимые (1,0), раскрепощенные (1,8)*); оценивают представителей своего этноса как веселых (-1,1), умных (1,8); как более адаптивных, чем дезадаптивных (самоуверенные). Удмуртский этнос студенты русской группы (гетеростереотип) причисляют к культурам коллективистского типа (*осторожные (-1,0), трудолюбивые (1,2)*); оценивают удмуртский этнос как умных (1,0); адаптивных.

При анализе автостереотипов и гетеростереотипов характерологических черт этнических групп учитывалась мера согласованности их характеристик, названная Г. Олпортом критерием истинности стереотипа или критерием объективности стереотипизированного образа (см.: В. Ю. Хотинец, 2002:268—269). Выявились **характерологические черты удмуртского этноса** (автостереотипы студентов удмуртского этноса и гетеростереотипы студентов русского этноса): осторожные, практичные, трудолюбивые (характерологические черты коллективистской культуры) и **характерологические черты русского этноса** (автостереотипы студентов русского этноса и гетеростереотипы студентов удмуртского этноса): самоуверенные, уверенные (характерологические черты индивидуалистской культуры), сотрудничающие (характерологические черты коллективистской культуры), веселые, умные.

Таким образом, к своим индивидуальным чертам характера (шкала «Я сам») студенты удмуртской этнической группы приписывают коллективистские характерологические черты своей культуры и черты характера представителей русской культуры (гетеростереотип) — как индивидуалистские, так и коллективистские; студенты русской выборки в свои индивидуальные черты включают характерологические черты своей культуры (как коллективистские, так и индивидуалистские) и одну коллективистскую характерологическую черту представителей удмуртской культуры (гетеростереотип).

Кроме того, можно говорить о большей объективной психологической дистанции с русским этносом со стороны высокоадаптированных респондентов удмуртской группы, чем у студентов русской группы с удмуртским этносом (совпадение черт шкалы «Я сам» с гетеростереотипом): совпадение 6 качеств из 12 — у студентов русского этноса и 6 качеств из 17 — у студентов удмуртского этноса. Данная группа высокоадаптированных оценивает себя как миролюбивых, тактичных, щедрых, практичных, прощающих, сотрудничающих (характерологические черты коллективистской культуры), откровенных, избирательных (характерологические черты индивидуалистской культуры), умных; адаптивных.

Выявлено сходство автостереотипов данных групп. Высокоадаптированные студенты удмуртского и русского этносов причисляют свои этнические группы к культурам коллективистского типа по таким сходным характеристикам, как доверчивые, миролюбивые, щедрые, прощающие. Сходство характерологических паттернов может указывать на близость данных коллективистских культур. Кроме того, в автостереотипе удмуртского этноса имеются свои специфичные коллективистские черты характера — такие, как серьезные, тактичные, пассивные, скромные, спокойные, застенчивые, робкие, мягкие, практичные, осторожные, трудолюбивые. Можно предположить, что этот более обширный перечень характерологических черт задан более коллективистской культурой удмуртского этноса. В автостереотипе русской этнической группы имеются дополнительные индивидуалистские черты: самоуверенные, уверенные, смелые, независимые, раскрепощенные, и одна дополнительная коллективистская черта — сотрудничающие. Эти данные можно трактовать как тенденцию к изменению характерологических черт по оси "коллективизм — индивидуализм" в сторону большего индивидуализма, открытости к изменениям русской группы.

По результатам анализа усредненных значений оценок стимульных объектов семантического дифференциала выявлено, что высокоадаптированные

студенты **коми-пермяцкой группы** оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала «Я сам») как в большей степени аллоцентрической (*доверчивые (1,0), миролюбивые (2,1), серьезные (1,9), тактичные (2,1), скромные (-1,3), щедрые (1,8), практичные (1,6), осторожные (-1,4), сотрудничающие (-2,0), организованные (-1,5), трудолюбивые (2,1)*), чем идиоцентрической направленности (*откровенные (-1,8), гибкие (-1,0), активные (-1,6), уверенные (-1,5), избирательные (-1,5), раскрепощенные (1,7)*); оценивают себя как веселых (-1,8), умных (2,0), приятных (-1,7); как адаптивных. Представителей своего этноса студенты коми-пермяцкой группы (автостереотип) оценивают как принадлежащих в большей степени к коллективистским культурам (*легковерные (1,0), доверчивые (1,9), миролюбивые (2,4), серьезные (1,4), тактичные (1,6), спокойные (1,2), скромные (-1,6), практичные (1,3), прощающие (1,6), осторожные (-1,4), мягкие (-1,2), сотрудничающие (-1,2), трудолюбивые (2,3)*) и имеющих только одну индивидуалистскую черту (*откровенные (-1,7)*); оценивают представителей своего этноса как веселых (-1,3), умных (1,6), приятных (-1,8); как более адаптивных, чем дезадаптивных: имеющих только одну дезадаптивную черту (*легковерные (1,0)*). Русский этнос студенты коми-пермяцкой группы (гетеростереотип) причисляют в большей степени к культурам индивидуалистского типа (*боевитые (-1,4), гибкие (-1,0), активные (-1,9), претенциозные (1,1), самоуверенные (-1,9) и уверенные (-2,2), принципиальные (-1,3), избирательные (-1,4), смелые (2,2), независимые (1,1), раскрепощенные (2,3)*), чем к культурам коллективистского типа (*серьезные (1,4), тактичные (1,6), упорные (1,0), практичные (1,6), сотрудничающие (-1,7), организованные (-1,2)*); оценивают русский этнос как веселых (-1,5), умных (2,0), приятных (-1,8); скорее адаптивных, чем дезадаптивных (*претенциозные, самоуверенные*).

Студенты **русский группы** (г. Перми) оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала Я сам) как аллоцентрической (*миролюбивые (1,8), серьезные (1,1), тактичные (2,0), щедрых (1,4),*

практичные (1,2), прощающие (1,1), осторожные (-1,0), сотрудничающие (-1,8), трудолюбивые (1,1)), так и идиоцентрической направленности (откровенные (-1,6), гибкие (-1,3), активные (-1,5), уверенные (-1,3), избирательные (-1,5), раскрепощенные (1,5)); оценивают себя как веселых (-1,4), умных (1,1), приятных (-1,4); как адаптивных. Представителей своего этноса (автостереотип) студенты русской группы оценивают как принадлежащих одновременно как к коллективистским (*легковерные (1,0), доверчивые (1,5), миролюбивые (1,4), щедрые (2,2), прощающие (1,6), сотрудничающие (-1,6)), так и индивидуалистским культурам (откровенные (-1,4), гибкие (-1,0), уверенные (-1,1), раскрепощенные (1,6), импульсивные (1,1));* оценивают представителей своего этноса как веселых (-1,4), умных (1,7), приятных (-1,4); как более адаптивных, чем дезадаптивных (легковерные, импульсивные). Коми-пермяцкий этнос студенты русской группы (гетеростереотип) причисляют к культурам коллективистского типа (*миролюбивые (1,1), практичные (1,0), трудолюбивые (1,2));* оценивают коми-пермяцкий этнос как умных (1,0); адаптивных.

Выявились **характерологические черты коми-пермяцкого этноса** (автостереотипы студентов коми-пермяцкого и гетеростереотипы студентов русского этносов): миролюбивые, веселые, практичные, трудолюбивые (характерологические черты коллективистской культуры), умные, и **характерологические черты русского этноса** (автостереотипы студентов русского и гетеростереотипы студентов коми-пермяцкого этносов): смелые, гибкие, уверенные, сотрудничающие, раскрепощенные (характерологические черты индивидуалистской культуры), веселые, умные, приятные.

Таким образом, к своим индивидуальным чертам характера (шкала «Я сам») студенты коми-пермяцкой этнической группы приписывают характерологические черты своей культуры (в большей степени коллективистские) и характерологические черты представителей русской этнической группы (гетеростереотип), как индивидуалистские, так и коллективистские; студенты русской выборки к своим индивидуальным

характерологическим чертам приписывают характерологические черты своей культуры (как коллективистские, так и индивидуалистские) и коллективистские характерологические черты представителей коми-пермяцкой культуры (гетеростереотип).

Кроме того, можно сделать вывод о широком репертуаре совпадающих характерологических черт групп высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого и русского (г. Перми) этносов (совпадение черт шкалы «Я сам» с гетеростереотипом): практически полное совпадение качеств (17 из 18 — у студентов русской группы и 17 из 20 — у студентов коми-пермяцкой группы). Данная группа высокоадаптированных оценивает себя как миролюбивых, серьезных, тактичных, практичных, осторожных, щедрых, сотрудничающих, трудолюбивых (характерологические черты коллективистской культуры), откровенных, гибких, активных, уверенных, избирательных, раскрепощенных (характерологические черты индивидуалистской культуры), веселых, умных, приятных; адаптивных.

Выявлено сходство автостереотипов у данных этнических групп. Высокоадаптированные студенты коми-пермяцкого и русского этносов причисляют свои этнические группы в большей степени к культурам коллективистского типа по таким сходным характеристикам, как легковверные, доверчивые, миролюбивые, щедрые, прощающие, сотрудничающие, чем к индивидуалистским (откровенные). Эти результаты подтвердили данные, полученные ранее (Е. Е. Будалина, 2001). Сходство характерологических паттернов указывает на близость национальных характеров этих коллективистских культур. Кроме того, в автостереотипе коми-пермяцкого этноса имеются свои специфичные коллективистские черты характера: серьезные, тактичные, скромные, спокойные, мягкие, осторожные, трудолюбивые. Можно предположить, что этот более обширный перечень характерологических черт задан более коллективистской культурой коми-пермяцкого этноса. В автостереотипе русской этнической группы имеются дополнительные индивидуалистские черты: гибкие, смелые, импульсивные,

уверенные, раскрепощенные. Это можно трактовать как тенденцию к изменению характерологических черт по оси "коллективизм — индивидуализм" в сторону большего индивидуализма, открытости к изменениям русской группы.

Группа низкоадаптированных

В группе **низкоадаптированных** изучались особенности стереотипов четырех групп: студентов удмуртского, русского (г. Ижевска), коми-пермяцкого и русского (г. Перми) этносов (см. табл. 3—4 приложения 3).

По результатам анализа усредненных значений оценок стимульных объектов семантического дифференциала выявлено, что низкоадаптированные студенты **удмуртской группы** оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала «Я сам») как исключительно аллоцентрической направленности (*серьезные (1,0), тактичные (1,4), практичные (1,0), прощающие (1,1), осторожные (-1,3), трудолюбивые (1,3)*), а также оценивают себя как веселых (-1,0), умных (1,4); адаптивных. Представителей своего этноса студенты удмуртской этнической группы (автостереотип) также оценивают как имеющих характерологические черты только коллективистской культуры (*доверчивые (1,1), миролюбивые (1,3), серьезные (1,1), тактичные (1,0), спокойные (1,1), скромные (-1,2), щедрые (1,2), застенчивые (1,3), практичные (1,0), прощающие (1,3), осторожные (-1,1), трудолюбивые (1,8)*); оценивают представителей своего этноса как умных (1,7); адаптивных. Русский этнос студенты удмуртской группы (гетеростереотип) причисляют в большей степени к культурам индивидуалистского типа (*боевитые (-1,0), активные (-1,1), претенциозные (1,2), самоуверенные (-1,2), смелые (1,0), раскрепощенные (1,3), чем коллективистского типа (практичные (1,1), сотрудничающие (-1,1))*); оценивают представителей русского этноса как веселых (-1,0), умных (1,6); скорее адаптивных, чем дезадаптивных (претенциозные, самоуверенные).

Студенты **русский группы** (г. Ижевск) оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала «Я сам») как аллоцентрической (*миролюбивые (1,0), тактичные (1,2), щедрые (1,0), прощающие (1,3), мягких (-1,2)*), так и к идиоцентрической (*откровенные (-1,0), избирательные (-1,1), раскрепощенные (1,0)*) направленности; оценивают себя как умных (1,6), приятных (-1,0); как адаптивных. Представителей своего этноса студенты русской группы (автостереотип) оценивают как имеющих характерологические черты одновременно как коллективистской (*легковерные (1,0), доверчивые (1,3), щедрые (1,3), прощающие (1,2), сотрудничающие (-1,1)*), так и индивидуалистской (*откровенные (-1,0), возбужденные (-1,3), бесшабашные (1,3), смелые (1,4), раскрепощенные (1,3), импульсивные (1,3), восторженные (-1,0)*) культур; а также как веселых (-1,4), умных (1,8); более адаптивных, чем дезадаптивных (возбужденные, бесшабашные, импульсивные). Удмуртский этнос студенты русской группы (гетеростереотип) причисляют в большей степени к культурам коллективистского типа (*пассивные (1,0), спокойные (1,4), практичные (1,4), осторожные (-1,5), заторможенные (-1,2), озабоченные (1,0), трудолюбивые (1,1)*); оценивают представителей удмуртского этноса как неприятных (1,0); имеющих как адаптивные, так и дезадаптивные (пассивные, заторможенные, озабоченные, неприятные) черты.

При анализе автостереотипов и гетеростереотипов характерологических черт этнических групп учитывалась мера согласованности их характеристик, названная Г. Олпортом критерием истинности стереотипа или критерием объективности стереотипизированного образа (см.: В. Ю. Хотинец, 2002:268—269). Выявились **характерологические черты удмуртского этноса** (автостереотипы студентов удмуртского и гетеростереотипы студентов русского этносов): спокойные, практичные, осторожные, трудолюбивые (характерологические черты коллективистской культуры) и **характерологические черты русского этноса** (автостереотипы студентов русского и гетеростереотипы студентов удмуртского этносов): смелые,

раскрепощенные (характерологические черты индивидуалистской культуры), сотрудничающие (характерологические черты коллективистской культуры), веселые, умные.

Таким образом, к своим индивидуальным чертам характера (шкала «Я сам») студенты удмуртской этнической группы приписывают только коллективистские характерологические черты своей культуры и одну коллективистскую характерологическую черту представителей русской культуры (гетеростереотип); студенты русской выборки к своим индивидуальным чертам характера приписывают характерологические черты своей культуры (как коллективистские, так и индивидуалистские) и коллективистские характерологические черты представителей удмуртской культуры (гетеростереотип).

Кроме того, можно сказать о большей объективной психологической дистанции с удмуртским этносом со стороны низкоадаптированных студентов русской группы, чем у низкоадаптированных студентов удмуртской группы с русским этносом (совпадение черт шкалы «Я сам» с гетеростереотипом): совпадение 3 качеств из 10 со стороны студентов русской группы и 3 черт характера из 8 — у студентов удмуртской группы. Данная группа низкоадаптированных оценивает себя как тактичных, прощающих (характерологические черты коллективистской культуры), умных; адаптивных.

Выявлено сходство автостереотипов в группе низкоадаптированных студентов удмуртского и русского этносов. Низкоадаптированные студенты удмуртской и русской этнических групп причисляют свои этносы к культурам коллективистского типа по таким сходным характеристикам, как доверчивые, щедрые, прощающие. Сходство характерологических паттернов указывает на близость данных коллективистских культур. Кроме того, в автостереотипе удмуртского этноса имеются свои специфические коллективистские черты: миролюбивые, серьезные, тактичные, скромные, спокойные, застенчивые, практичные, прощающие, осторожные, трудолюбивые. Можно предположить, что этот обширный перечень характерологических черт задан более

коллективистской культурой удмуртского этноса. В автостереотипе русской этнической группы имеются дополнительные индивидуалистские черты: критичные, откровенные, возбужденные, бесшабашные, смелые, раскрепощенные, импульсивные, восторженные; и одна дополнительная коллективистская черта — сотрудничающие. Эти данные можно трактовать как тенденцию к изменению характерологических черт по оси "коллективизм — индивидуализм" в сторону большего индивидуализма, открытости к изменениям русской группы.

По результатам анализа усредненных значений оценок стимульных объектов выявлено, что низкоадаптированные студенты **коми-пермяцкой группы** оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала «Я сам») как в большей степени аллоцентрической направленности (*миролюбивые (1,3), серьезные (1,0), тактичные (1,3), щедрые (1,7), практичные (1,2), сотрудничающие (-1,0), трудолюбивые (1,0)*), чем идиоцентрической направленности (*откровенные (-1,1)*); а также оценивают себя как умных (1,5), приятных (-1,1); как адаптивных. Представителей своего этноса студенты коми-пермяцкой группы (автостереотип) оценивают как принадлежащих к коллективистским культурам (*легковерные (1,0), доверчивые (1,9), миролюбивые (1,5), серьезные (1,5), спокойные (1,6), щедрые (2,1), прощающие (1,5), сотрудничающие (-1,1), трудолюбивые (2,5)*); имеющих только одну индивидуалистскую черту (*откровенные (-1,4)*); оценивают представителей своего этноса как веселых (-1,1), умных (1,8), приятных (-1,1); как более адаптивных, чем дезадаптивных: имеющих только одну дезадаптивную черту — легковерные. Русский этнос студенты коми-пермяцкой группы (гетеростереотип) причисляют в большей степени к культурам индивидуалистского типа (*активные (-1,4), самоуверенные (-1,5) и уверенные (-1,5), избирательные (-1,1), смелые (1,7), независимые (1,4), раскрепощенные (1,9)*); оценивают представителей русского этноса как веселых (-1,1), умных (1,7); скорее адаптивных, чем дезадаптивных (самоуверенные).

Низкоадаптированные студенты **русский группы** (г. Перми) оценивают свои индивидуальные характерологические особенности (шкала «Я сам») как аллоцентрической (*миролюбивые (1,0), серьезные (1,1), тактичные (1,8), щедрые (1,0), сотрудничающие (-1,3)*), так и идиоцентрической направленности (*откровенные (-1,2), активные (-1,1), избирательные (-1,1)*); оценивают себя как веселых (-1,0), умных (1,6), приятных (-1,7); как адаптивных. Представителей своего этноса (автостереотип) студенты русской группы оценивают как имеющих характерологические черты одновременно как коллективистской культуры (*доверчивые (1,3), щедрые (1,4), прощающие (1,4), сотрудничающие (-1,2)*), так и индивидуалистской культуры (*бесшабашные (1,1), смелые (1,3), раскрепощенные (1,0), импульсивные (1,1)*); оценивают представителей своего этноса как веселых (-1,5), умных (1,2), приятных (-1,5); как более адаптивных, чем дезадаптивных (бесшабашные, импульсивные). Не выявились характерологические черты коми-пермяцкого этноса (гетеростереотип) из-за отсутствия у студентов русской группы выраженных представлений об особенностях национального характера данной этнической группы.

Выявились **характерологические черты русского этноса** (автостереотипы русских и гетеростереотипы коми-пермяков): смелые, раскрепощенные (характерологические черты индивидуалистской культуры), веселые, умные. Не выявлено **характерологических черт коми-пермяцкого этноса** из-за отсутствия выраженных представлений об особенностях национального характера коми-пермяков у студентов русской группы.

Таким образом, к своим индивидуальным чертам характера (шкала «Я сам») низкоадаптированные студенты как коми-пермяцкого, так и русского этносов приписывают черты национального характера только своей культуры: коллективистские и одну индивидуалистскую — в группе коми-пермяков и как коллективистские, так и индивидуалистские — в группе русских.

Кроме того, можно сделать вывод о практически полном совпадении характерологических черт групп низкоадаптированных студентов коми-

пермяцкого и русского (г. Перми) этносов (совпадение черт шкалы «Я сам» с гетеростереотипом): 8 совпадающих черт из 11 у представителей русской и 10 из 11 — у представителей коми-пермяцкой этнических групп. Данная группа низкоадаптированных оценивает себя как миролюбивых, серьезных, тактичных, щедрых, сотрудничающих (характерологические черты коллективистской культуры), откровенных (характерологическая черта индивидуалистской культуры), умных, приятных; адаптивных.

Выявлено сходство автостереотипов в группах низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого и русского этносов. Низкоадаптированные студенты коми-пермяцкого и русского этносов причисляют свои этнические группы к культурам коллективистского типа по таким сходным характеристикам, как доверчивые, щедрые, прощающие, сотрудничающие. Сходство характерологических паттернов указывает на близость национальных характеров этих коллективистских культур. Кроме того, в автостереотипе коми-пермяцкого этноса имеются свои специфичные коллективистские черты характера: легковверные, миролюбивые, серьезные, спокойные, трудолюбивые, и одна индивидуалистская (откровенные). Можно предположить, что этот обширный перечень коллективистских характерологических черт задан более коллективистской культурой коми-пермяцкого этноса. В автостереотипе русской этнической группы имеются дополнительные индивидуалистские черты — бесшабашные, смелые, импульсивные, раскрепощенные. Эти данные можно трактовать как тенденцию к изменению характерологических черт по оси "коллективизм — индивидуализм" в сторону большего индивидуализма, открытости к изменениям русской группы.

Можно сделать следующие выводы:

1. Выявлено, что как высокоадаптированные, так и низкоадаптированные студенты удмуртской, коми-пермяцкой и русской этнических групп причисляют свои этносы в большей степени к культурам коллективистского типа по таким сходным характеристикам, как доверчивые,

миролюбивые, щедрые, прощающие (для группы высокоадаптированных) и доверчивые, щедрые, прощающие (для группы низкоадаптированных). Сходство характерологических паттернов указывает на близость данных коллективистских культур.

2. Кроме того, высокоадаптированные и низкоадаптированные представители удмуртского и коми-пермяцкого этносов в автостереотипе имеют свои специфичные коллективистские черты: серьезные, тактичные, скромные, спокойные, мягкие, осторожные, трудолюбивые (для высокоадаптированных) и миролюбивые, серьезные, спокойные, трудолюбивые (для низкоадаптированных). Можно предположить, что этот обширный перечень характерологических черт задан более коллективистской культурой удмуртского и коми-пермяцкого этносов. В автостереотипе русской этнической группы имеются дополнительные индивидуалистские черты: гибкие, смелые, импульсивные, уверенные, раскрепощенные (для высокоадаптированных) и бесшабашные, смелые, раскрепощенные, импульсивные (для низкоадаптированных). Эти данные можно трактовать как тенденцию к изменению характерологических черт по оси "коллективизм—индивидуализм" в сторону большего индивидуализма, открытости к изменениям русской группы.

3. Низкоадаптированные русские г. Перми не выделяют у коми-пермяцкой этнической группы типичных характерологических черт. Данные можно объяснить малым опытом общения русской этнической группы с коми-пермяцким этносом. Низкоадаптированные русские г. Ижевска приписывают удмуртскому этносу некоторые социально-нежелательные черты: пассивные (1,0), заторможенные (-1,2), озабоченные (1,0), неприятные (1,0). В данном случае мы можем говорить о том, что низкий уровень психологической адаптации к иной социокультурной среде оказывает эффекты на негативность восприятия иной этнической группы.

Построение субъективных семантических пространств межгруппового восприятия в группах высокоадаптированных и низкоадаптированных.

Изучение особенностей межэтнического восприятия на основе личностного семантического дифференциала с использованием диспозиционной модели Д. Пибоди, А. Г. Шмелева, М. К. Андреевой, А. Е. Граменицкого (1993) нуждается в более содержательном анализе на основе реконструкции субъективных семантических пространств, отражающих особенности личностно-смысловых установок по поводу этнических субъектов в сознании испытуемых различных этнических групп. Данный подход к пониманию Другого позволяет через изучение «пристрастности» сознания выделить индивидуальный набор личностных конструкторов и способы осмысления мира высокоадаптированных и низкоадаптированных представителей различных этнических групп.

При помощи факторного анализа во всех этнических группах: удмуртской, коми-пермяцкой и русской — как у высокоадаптированных, так и у низкоадаптированных, были построены субъективные семантические пространства межэтнического восприятия (таблицы 1—8 приложения 4).

Во всех группах обнаружен эффект снижения размерности семантического пространства — объединение шкал в два дескриптивных фактора. Выделение только двух значимых факторов совпадает с результатами масштабных исследований Д. Пибоди (1985), выделившего два фактора — «Tight vs Loose» (Собранный — разболтанный) и «Assertive vs Unassertive» (Самоуверенный — неуверенный), Д. Пибоди, А. Г. Шмелева, М. К. Андреевой, А. Е. Граменицкого (1993), выделивших факторы — «Организованность» и «Оптимизм, боевитость». Устойчивое появление двух основных параметров, получаемое на материале изучения характерологических черт этнических групп, рассматривается исследователями (А. Г. Шмелев, 2002, Е. В. Улыбина, 2001, В. Ф. Петренко, 1997) как распространенная стратегия обыденного сознания. В данной двухфакторной проекции первая ось репрезентует

моральную оценку (дружественность — враждебность, социально одобряемое поведение), вторая ось — деятельностьную, прагматичную оценку (межличностная доминантность). Таким образом, как замечает А. Г. Шмелев, в сознании человека одновременно функционируют и взаимодействуют между собой две категориальные системы: эффективно-оценочная (или система «глубинной семантики» по В. Ф. Петренко) и предметно-категориальная (или система нормативно-оценочных суждений, усваиваемая в процессе социализации) (А. Г. Шмелев, 2002: 96).

Данную тенденцию обыденного сознания упрощенно описывать мир и объекты в нем (в нашем исследовании — иные этнические группы) с помощью только двух факторов можно объяснить через стремление респондентов к представлению о мире как гармоничном, простом, справедливом и непротиворечивом, «в котором “хорошие” являются одновременно сильными, активными, твердыми и опытными, а “плохие” — зависимыми, слабыми и хаотичными» (Е. В. Улыбина, 2001: 131). Таким образом значимые «идеальные» объекты обязательно воспринимаются как адаптированные, а неприятные объекты — соответственно, оцениваются как плохие и не адаптированные.

Группа высокоадаптированных

В группе высокоадаптированных студентов **удмуртского этноса** в результате факторного анализа были получены два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 51%) включает следующие шкалы-дескрипторы⁵:

7	бестактный — тактичный	0,998
19	придирчивый — прощающий	0,946

⁵ Шкалы-дескрипторы приводятся с величиной факторной нагрузки данной шкалы по данному фактору. Знак факторной нагрузки показывает, к какому из полюсов (левому или правому) отнесена данная шкала и содержательного смысла не имеет.

		Продолжение
14	скупой — щедрый	0,941
18	непрактичный — практичный	0,873
3	агрессивный — миролюбивый	0,845
6	легкомысленный — серьезный	0,839
2	недоверчивый — доверчивый	0,704

Противоположный полюс включает следующие признаки:

31	глупый — умный	-0,977
8	откровенный — лицемерный	-0,970
10	переменчивый — упорный	-0,963
28	организованный — импульсивный	-0,961
21	осторожный — бесшабашный	-0,865
24	мягкий — жесткий	-0,795
32	приятный — неприятный	-0,703
13	скромный — претенциозный	-0,706

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Я сам — удмурт», «Мы — удмурты» (автостереотипы), на отрицательном — «Они — русские» (гетеростереотип). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Откровенный — тактичный»** (Рис. 2).

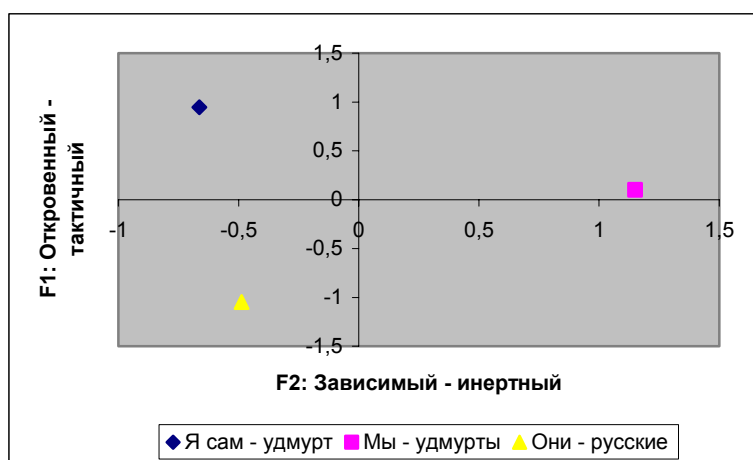
Второй выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 49%) включает следующие признаки:

12	активный — инертный	0,999
20	избирательный — неразборчивый	0,996
5	веселый — угрюмый	0,996
9	гибкий — негибкий	0,920
16	уверенный — неуверенный	0,918
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	0,873
4	боевитый — пассивный	0,833

Продолжение		
17	принципиальный — приспособленный	0,807
29	восторженный — озабоченный	0,800
15	самоуверенный — застенчивый	0,779
1	критичный — легковерный	0,774
30	ленивый — трудолюбивый	0,757
11	возбужденный — спокойный	0,729
2	недоверчивый — доверчивый	0,711
32	приятный — неприятный	0,708
Противоположный полюс включает следующие признаки:		
26	зависимый — независимый	-0,863
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,782
22	робкий — смелый	-0,771
23	мягкотелый — твердый	-0,752
13	скромный — претенциозный	-0,711

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Мы — удмурты» (автостереотип), на отрицательном — «Я сам — удмурт», «Они — русские» (авто- и гетеростереотип). Исходя из содержания фактора, данный фактор был интерпретирован как **«Зависимый—инертный»** (Рис. 2).

Рис. 2. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия высокоадаптированных студентов удмуртского этноса

В группе высокоадаптированных студентов **русского этноса (г. Ижевск)** выделилось два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 60%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

4	боевитый — пассивный	0,999
12	активный — инертный	0,979
24	мягкий — жесткий	0,962
16	уверенный — неуверенный	0,957
17	принципиальный — приспособленный	0,942
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	0,925
29	восторженный — озабоченный	0,920
8	откровенный — лицемерный	0,899
9	гибкий — негибкий	0,898
32	приятный — неприятный	0,897
5	веселый — угрюмый	0,753
20	избирательный — неразборчивый	0,726
Противоположный полюс включает следующие признаки:		
26	зависимый — независимый	-0,999
23	мягкотелый — твердый	-0,986
3	агрессивный — миролюбивый	-0,981
7	бестактный — тактичный	-0,935
31	глупый — умный	-0,932
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,839
19	придирчивый — прощающий	-0,795
14	скупой — щедрый	-0,782
22	робкий — смелый	-0,734

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Они — удмурты» (гетеростереотип), на отрицательном — «Я сам — русский» (автостереотип). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Зависимый—инертный»** (Рис. 3).

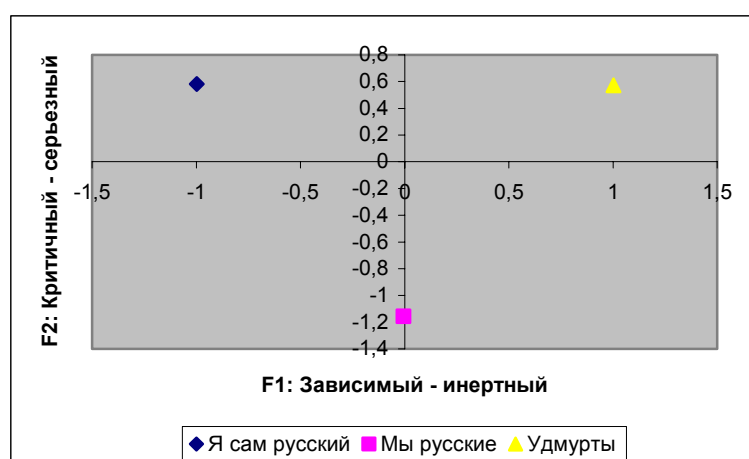
Второй фактор, объясняющий 40% общей дисперсии, включает следующие признаки:

6	легкомысленный — серьезный	0,999
18	непрактичный — практичный	0,954
30	ленивый — трудолюбивый	0,933
15	самоуверенный — застенчивый	0,835
11	возбужденный — спокойный	0,819
10	переменчивый — упорный	0,731

Противоположный полюс включает следующие признаки:

1	критичный — легковерный	-0,997
28	организованный — импульсивный	-0,968
21	осторожный — бесшабашный	-0,968
13	скромный— претенциозный	-0,959
2	недоверчивый — доверчивый	-0,724

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Я сам — русский» «Они — удмурты» (авто- и гетеростереотип), на отрицательном — «Мы — русские» (автостереотип). Исходя из содержания, фактор был интерпретирован как **«Критичный—серьезный»** (Рис. 3).

рис. 3. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия высокоадаптированных студентов русского этноса (г. Ижевска)

В группе высокоадаптированных студентов **коми-пермяцкого этноса** выделилось два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 63%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

14	агрессивный — миролюбивый	0,999
3	скупой — щедрый	0,998
30	ленивый — трудолюбивый	0,998
4	боевитый — пассивный	0,998
11	возбужденный — спокойный	0,997
17	принципиальный — приспособленный	0,961
19	придирчивый — прощающий	0,942
15	самоуверенный — застенчивый	0,900
2	недоверчивый — доверчивый	0,899
16	уверенный — неуверенный	0,842
1	критичный — легковверный	0,812
12	активный — инертный	0,755
Противоположный полюс включает следующие признаки:		
13	осторожный — бесшабашный	-0,999
21	скромный — претенциозный	-0,998
23	мягкотелый — твердый	-0,996
24	мягкий — жесткий	-0,995
8	откровенный — лицемерный	-0,989
22	робкий — смелый	-0,983
26	зависимый — независимый	-0,961
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,844

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Я сам — коми-пермяк», «Мы — коми-пермяки» (автостереотипы), на отрицательном — «Они — русские» (гетеростереотип). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Осторожный—миролюбивый»** (Рис. 4).

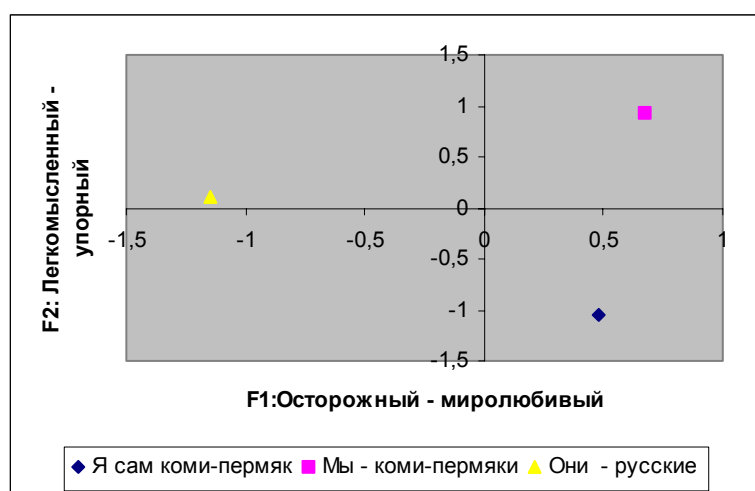
Второй фактор, объясняющий 37% общей дисперсии, включает следующие признаки:

10	переменчивый — упорный	0,991
5	веселый — угрюмый	0,989
28	организованный — импульсивный	0,973
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	0,888
20	избирательный — неразборчивый	0,860
29	восторженный — озабоченный	0,857
9	гибкий — негибкий	0,841

Противоположный полюс включает следующие признаки:

32	приятный — неприятный	-0,930
6	легкомысленный — серьезный	-0,909
7	бестактный — тактичный	-0,846
31	глупый — умный	-0,843
18	непрактичный — практичный	-0,776

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Мы — коми-пермяки», «Они — русские» (авто- и гетеростереотипы), на отрицательном — «Я сам — коми-пермяк», (автостереотип). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Легкомысленный—упорный»** (Рис. 4).

рис. 4. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса

В группе высокоадаптированных студентов **русского этноса (г. Пермь)** выделилось два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 58%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

29	восторженный — озабоченный	0,999
8	откровенный — лицемерный	0,999
12	активный — инертный	0,999
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	0,998
9	гибкий — негибкий	0,998
16	уверенный — неуверенный	0,992
4	боевитый — пассивный	0,990
32	приятный — неприятный	0,981
5	веселый — угрюмый	0,971
24	мягкий — жесткий	0,970
15	самоуверенный — застенчивый	0,952
Противоположный полюс включает следующие признаки:		
31	глупый — умный	-0,999
26	зависимый — независимый	-0,991
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,978

		Продолжение
23	мягкотелый — твердый	-0,955
3	агрессивный — миролюбивый	-0,946
19	скупой — щедрый	-0,819
14	придирчивый — прощающий	-0,807

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Они — коми-пермяки» (гетеростереотип), на отрицательном — «Я сам — русский», «Мы — русские» (автостереотипы). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Зависимый—инертный»** (Рис. 5).

Второй фактор, объясняющий 42% общей дисперсии, включает следующие признаки:

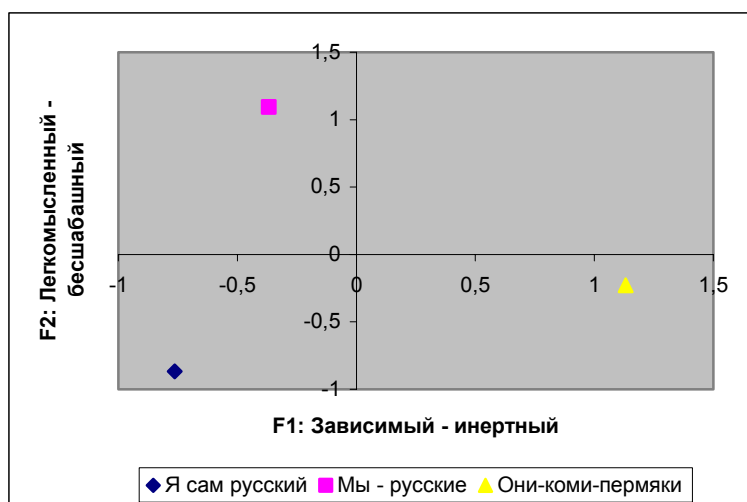
21	осторожный — бесшабашный	0,999
13	скромный — претенциозный	0,995
28	организованный — импульсивный	0,988
1	критичный — легковверный	0,946
2	недоверчивый — доверчивый	0,922
17	принципиальный — приспособленный	0,910
20	избирательный — неразборчивый	0,902
22	робкий — смелый	0,723

Противоположный полюс включает следующие признаки:

6	легкомысленный — серьезный	-0,999
18	непрактичный — практичный	-0,998
10	переменчивый — упорный	-0,936
30	ленивый — трудолюбивый	-0,920
7	бестактный — тактичный	-0,824
11	возбужденный — спокойный	-0,777

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Мы — русские» (автостереотип), на отрицательном —

«Я сам — русский», «Они — коми-пермяки» (авто- и гетеростереотипы). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как «**Легкомысленный—бесшабашный**» (Рис. 5).

рис. 5. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия высокоадаптированных студентов русского этноса (г. Пермь)

Группа низкоадаптированных

В группе низкоадаптированных студентов **удмуртского этноса** результате факторного анализа были получены два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 67%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

1	критичный — легковёрный	0,999
12	активный — инертный	0,998
5	веселый — угрюмый	0,997
20	избирательный — неразборчивый	0,982
17	принципиальный — приспособленный	0,977
3	агрессивный — миролюбивый	0,976
14	скупой — щедрый	0,975
11	возбужденный — спокойный	0,971

		Продолжение
9	гибкий — негибкий	0,971
30	ленивый — трудолюбивый	0,946
2	недоверчивый — доверчивый	0,918
29	восторженный — озабоченный	0,889
4	боевитый — пассивный	0,869
15	самоуверенный — застенчивый	0,844
19	придирчивый — прощающий	0,829
6	легкомысленный — серьезный	0,805
16	уверенный — неуверенный	0,750

Противоположный полюс включает следующие признаки:

27	заторможенный — раскрепощенный	-0,903
26	зависимый — независимый	-0,889
28	организованный — импульсивный	-0,871
22	робкий — смелый	-0,870
23	мягкотелый — твердый	-0,839
13	скромный — претенциозный	-0,826
24	мягкий — жесткий	-0,804

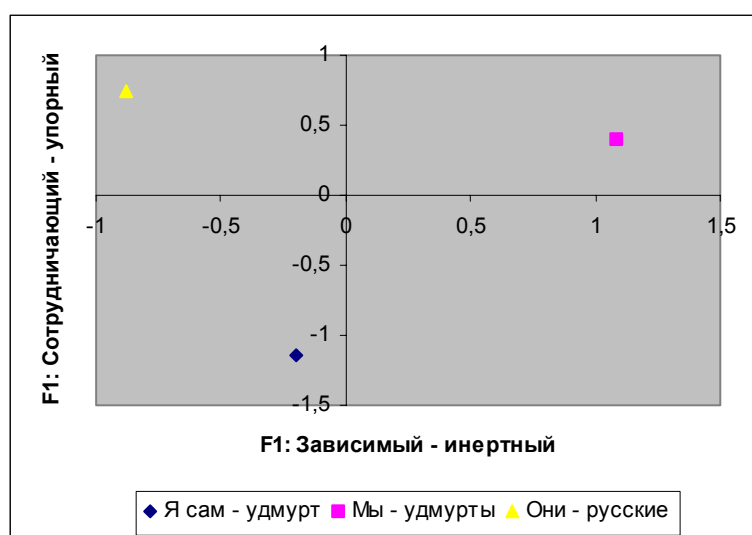
На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Мы — удмурты» (автостереотип), на отрицательном — «Я сам — удмурт», «Они — русские» (авто- и гетеростереотипы). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как «**Зависимый—инертный**» (Рис. 6).

Второй фактор, объясняющий 32% общей дисперсии, включает следующие признаки:

10	переменчивый — упорный	0,999
32	приятный — неприятный	0,991
18	непрактичный — практичный	0,876
31	глупый — умный	0,819

Продолжение		
8	откровенный — лицемерный	0,771
21	осторожный — бесшабашный	0,763
Противоположный полюс включает следующие признаки:		
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	-0,978
7	бестактный — тактичный	-0,853

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Мы — удмурты», «Они — русские» (автогетеростереотипы), на отрицательном — «Я сам — удмурт», (автостереотип). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как «Сотрудничающий—упорный» (Рис. 6).

рис. 6. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия низкоадаптированных студентов удмуртского этноса

В группе низкоадаптированных студентов **русского этноса** (г. Ижевск) выделилось два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 68%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

32	приятный — неприятный	0,999
24	гибкий — негибкий	0,998
4	боевитый — пассивный	0,975

		Продолжение
12	активный — инертный	0,969
9	мягкий — жесткий	0,958
11	возбужденный — спокойный	0,955
8	откровенный — лицемерный	0,950
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	0,937
17	принципиальный — приспособленный	0,884
29	ленивый — трудолюбивый	0,846
30	восторженный — озабоченный	0,828
5	веселый — угрюмый	0,811
18	непрактичный — практичный	0,804
10	переменчивый — упорный	0,766

Противоположный полюс включает следующие признаки:

26	зависимый — независимый	-0,999
19	придирчивый — прощающий	-0,995
3	агрессивный — миролюбивый	-0,993
14	скупой — щедрый	-0,986
31	глупый — умный	-0,979
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,978
28	организованный — импульсивный	-0,947
2	недоверчивый — доверчивый	-0,930
21	осторожный — бесшабашный	-0,823
13	скромный — претенциозный	-0,796
23	мягкотелый — твердый	-0,787

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Они — удмурты» (гетеростереотип), на отрицательном — «Я сам — русский», «Мы — русские» (автостереотипы). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как «**Зависимый—инертный**» (Рис. 7).

Второй фактор, объясняющий 40% общей дисперсии, включает следующие признаки:

15	самоуверенный — застенчивый	0,977
7	бестактный — тактичный	0,971
16	уверенный — неуверенный	0,937
6	легкомысленный — серьезный	0,919

Противоположный полюс включает следующие признаки:

1	критичный — легковверный	-0,999
20	избирательный — неразборчивый	-0,998
22	робкий — смелый	-0,801

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Я сам —русский», «Они — удмурты» (авто- и гетеростереотипы), на отрицательном — «Мы — русские» (автостереотип). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как «**Критичный—застенчивый**» (Рис. 7).

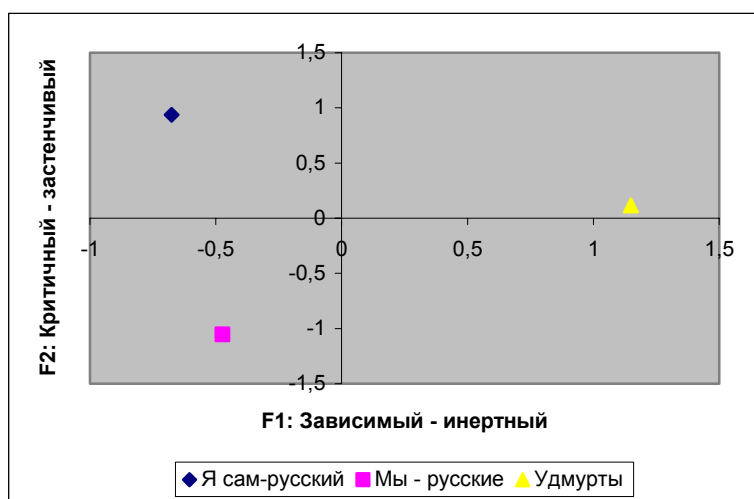

рис. 7. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия низкоадаптированных студентов русского этноса (г. Ижевска)

В группе низкоадаптированных студентов **коми-пермяцкого этноса** выделилось два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 63%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

4	боевитый — пассивный	0,999
12	активный — инертный	0,999
11	возбужденный — спокойный	0,998
2	недоверчивый — доверчивый	0,986
17	принципиальный — приспособленный	0,985
19	придирчивый — прощающий	0,985
1	критичный — легковерный	0,984
30	ленивый — трудолюбивый	0,974
3	агрессивный — миролюбивый	0,970
14	скупой — щедрый	0,961
6	легкомысленный — серьезный	0,945
15	самоуверенный — застенчивый	0,932
20	избирательный — неразборчивый	0,896
16	уверенный — неуверенный	0,738

Противоположный полюс включает следующие признаки:

28	организованный — импульсивный	-0,995
24	мягкий — жесткий	-0,990
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	-0,959
8	откровенный — лицемерный	-0,959
32	приятный — неприятный	-0,900
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,892
22	робкий — смелый	-0,855
13	скромный — претенциозный	-0,795
29	восторженный — озабоченный	-0,792
23	мягкотелый — твердый	-0,718
26	зависимый — независимый	-0,712

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Я сам —коми-пермяк», «Мы —коми-пермяки» (автостереотипы), на отрицательном — «Они — русские» (гетеростереотип).

Анализ шкал-деSCRIPTоров, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Организованный—инертный»** (Рис. 8).

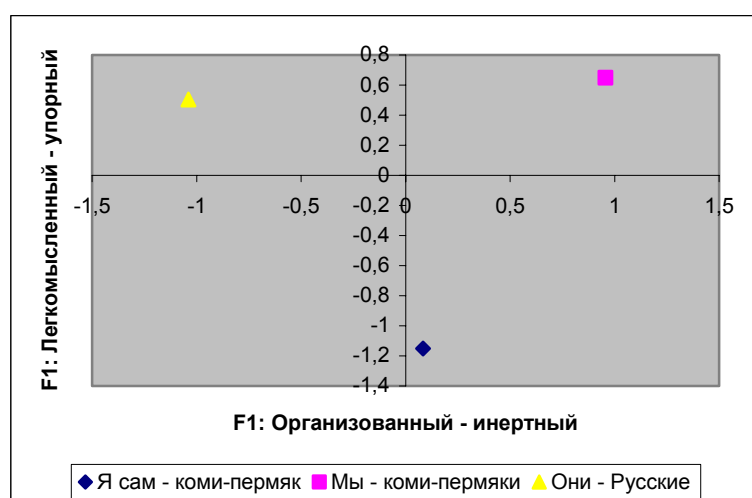
Второй фактор, объясняющий 37% общей дисперсии, включал следующие признаки:

31	глупый — умный	0,995
10	переменчивый — упорный	0,987
9	гибкий — негибкий	0,956
21	осторожный — бесшабашный	0,938
26	зависимый — независимый	0,702

Противоположный полюс включает следующие признаки:

5	веселый — угрюмый	-0,997
7	бестактный — тактичный	-0,963
18	непрактичный — практичный	-0,828

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Мы — коми-пермяки», «Они — русские» (автогетеростереотипы), на отрицательном — «Я сам — коми-пермяк» (автостереотип). Анализ шкал-деSCRIPTоров, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Легкомысленный—упорный»** (Рис. 8).

рис. 8. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса

В группе низкоадаптированных студентов **русского этноса (г. Перми)** выделилось два фактора. Первый выделенный фактор (доля объяснимой дисперсии 52%) включает следующие шкалы-дескрипторы:

12	активный — инертный	0,999
4	боевитый — пассивный	0,998
10	переменчивый — упорный	0,998
32	приятный — неприятный	0,968
17	принципиальный — приспособленный	0,966
25	сотрудничающий — не сотрудничающий	0,961
9	гибкий — негибкий	0,961
8	откровенный — лицемерный	0,897
29	восторженный — озабоченный	0,895
5	веселый — угрюмый	0,815
11	возбужденный — спокойный	0,802
24	мягкий — жесткий	0,784

Противоположный полюс включает следующие признаки:

31	глупый — умный	-0,999
3	агрессивный — миролюбивый	-0,996
27	заторможенный — раскрепощенный	-0,921
14	скупой — щедрый	-0,816

На положительном полюсе первого фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Они — коми-пермяки» (гетеростереотип), на отрицательном — «Я сам — русский», «Мы — русские» (автостереотипы). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Зависимый—инертный»** (Рис. 2).

Второй фактор, объясняющий 48% общей дисперсии, включает следующие признаки:

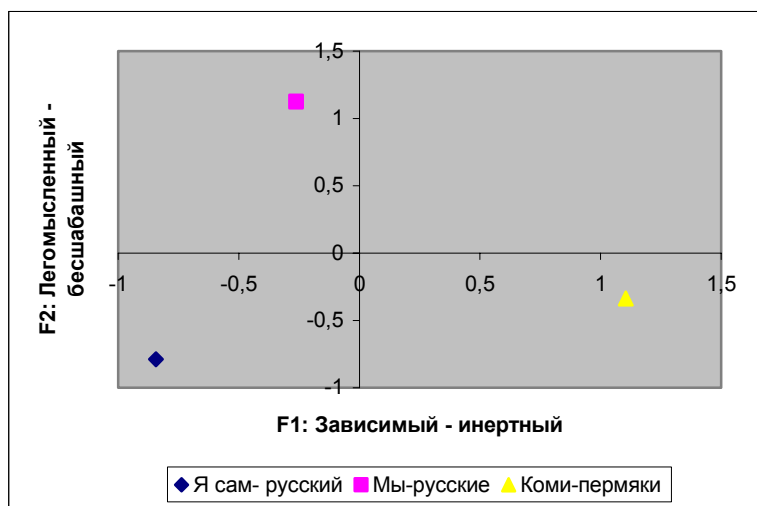
21	осторожный — бесшабашный	0,999
26	зависимый — независимый	0,998
2	недоверчивый — доверчивый	0,997
13	скромный — претенциозный	0,978
28	организованный — импульсивный	0,969
19	придирчивый — прощающий	0,933
22	робкий — смелый	0,794
20	избирательный — неразборчивый	0,783
1	критичный — легковерный	0,749

Противоположный полюс включает следующие признаки:

6	легкомысленный — серьезный	-0,999
15	самоуверенный — застенчивый	-0,957
18	непрактичный — практичный	-0,886
23	мягкотелый — твердый	-0,875
18	бестактный — тактичный	-0,847
16	уверенный — неуверенный	-0,846
30	ленивый — трудолюбивый	-0,794

На положительном полюсе второго фактора располагаются следующие стимульные объекты: «Они — русские» (гетеростереотип), на отрицательном — «Я сам — удмурт», «Мы — удмурты» (автостереотипы). Анализ шкал-дескрипторов, образующих полюса первого фактора, позволяет интерпретировать данный фактор как **«Легкомысленный—бесшабашный»** (Рис. 9).

рис. 9. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия низкоадаптированных студентов русского этноса (г. Перми).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В результате анализа данных был обнаружен сходный у всех этнических групп (как у высокоадаптированных, так и у низкоадаптированных) фактор: «Зависимый — инертный» в выборке студентов удмуртской и русской этнических групп, «Осторожный — миролюбивый» в группе высокоадаптированных студентов коми-пермяцкой этнической группы и «Организованный — инертный» в группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкой этнической группы. Также было выявлено частичное совпадение факторов у высокоадаптированных и у низкоадаптированных студентов коми-пермяцкой этнической группы: «Легкомысленный — упорный» и у высокоадаптированных и у низкоадаптированных студентов русской этнической группы г. Перми: «Легкомысленный — бесшабашный». Данное сходство критериев оценки этнических групп, вне зависимости от адаптированности/низкоадаптированности может свидетельствовать о субъективной близости данных этнических групп.

2. Студенты русского этноса г. Ижевска и г. Перми (как высокоадаптированные, так и низкоадаптированные) воспринимают свою этническую группу как зависимую. Однако существует различие в восприятии русского этноса по второму фактору: студенты русской этнической группы этноса г. Ижевска воспринимают представителей русского этноса как

критичных, студенты русского этноса г. Перми — как бесшабашных. Хотя обе характеристики имеют идиоцентрическую направленность, восприятие русского этноса выборкой русских г. Перми имеет дезадаптивный характер.

3. В группах студентов удмуртского и русского (г. Ижевска) этносов обнаружены совпадения автостереотипов: восприятие русского этноса и студентами русского, и студентами удмуртского этносов как боевито-зависимого, восприятие удмуртского этноса - как инертного. В группах студентов коми-пермяцкого и русского (г. Перми) этносов таких совпадений не обнаружено. Это может свидетельствовать об опыте межэтнического общения у студентов удмуртского и русского (г. Ижевска) этносов и о малом опыте межэтнического общения у студентов коми-пермяцкого и русского (г. Перми) этносов.

4. Выявились данные позитивно оценивать свою этническую группу и негативно иную — в выборке студентов удмуртской национальности; и негативно свою и позитивно иную этническую группу — в выборке студентов русской национальности.

Для группы студентов удмуртского этноса полученные данные можно интерпретировать как тенденцию повышать четкость собственной этнической идентичности дистанцированием от иной этнической группы: как культурно близкой, так и культурно далекой (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко, 2003). В этом случае, согласно И. Р. Сушкову, суть дифференцирующих процессов — не в разбегании социальных групп, а в создании эффективных групповых границ, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, специфичность группы (И. Р. Сушков, 2002). Причем данная дифференциация, по мнению Н. М. Лебедевой, более актуальна именно для представителей этнического меньшинства — как эффективный барьер в случае активизации процесса ассимиляции группы (Н. М. Лебедева, 2002:82).

Некоторая отрицательная идентификация со своим этносом у респондентов русской группы уже была отмечена в исследованиях Д. Пибоди, А. Г. Шмелева, А. Г. Андреевой, А. Е. Граменицкого, и может быть

интерпретирована как результат диффузии этнической идентичности для всей выборки русских в целом; а позитивное восприятие студентами русского этноса иных этнических групп — как результат повышенной сензитивности, проявляющейся в способности к сопереживанию, эмоциональному отклику (Д. Пибоди, А. Г. Шмелев, А. Г. Андреева, А. Е. Граменицкий, 1993).

5. В группе высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса выявлена тенденция позитивно оценивать как свою этническую группу, так и иную этническую группу (русских). В группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса — тенденция негативно оценивать собственную этническую группу и не иметь совпадений с иной этнической группой. Таким образом, мы можем утверждать, что психологическая адаптация оказывает эффекты на позитивность межэтнической перцепции.

4.5. Результаты исследования связи адаптивных способностей с нейродинамическими и психодинамическими свойствами индивидуальности

В процессе психологической адаптации происходит формирование компенсаторных механизмов как специфических, уникальных связей между нейродинамическим и психодинамическим уровнями. Для изучения взаимосвязи показателя адаптивных способностей с разноуровневыми индивидуальными свойствами внутри групп высокоадаптированных и низкоадаптированных был проведен сравнительный анализ средних значений по t-критерию и корреляционный анализ.

С помощью t-критерия обнаружены значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 11): у всей группы высокоадаптированных (студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) более выражены показатели процессов возбуждения ($t=11,76$; $p \leq 0,001$), торможения ($t=7,91$; $p \leq 0,001$), подвижности

($t=10,02$; $p\leq 0,001$), уравновешенности ($t=2,35$; $p\leq 0,05$), эргичности моторной ($t=5,35$; $p\leq 0,001$), эргичности коммуникативной ($t=9,24$; $p\leq 0,001$), пластичности моторной ($t=6,24$; $p\leq 0,001$), скорости моторной ($t=5,80$; $p\leq 0,05$), скорости коммуникативной ($t=9,19$; $p\leq 0,001$).

У группы низкоадаптированных (студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) более выражены показатели пластичности коммуникативной ($t=-2,48$; $p\leq 0,05$), эмоциональности моторной ($t=-10,95$; $p\leq 0,001$) и эмоциональности коммуникативной ($t=-11,67$; $p\leq 0,001$).

Таблица 11

**Среднее значение показателей по t-критерию в общей выборке
с учетом выраженности адаптивных способностей**

Показатели методик	N		Среднее значение		<i>t-критерий</i>	Уровень значимости p	
	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные			
АДАПТ. СПОСОБН.	291	234	108,08	69,87	51,08	0,000	***
СИЛА ВОЗБУЖДЕНИЯ	291	234	59,50	47,42	11,76	0,000	***
СИЛА ТОРМОЖЕНИЯ	291	234	60,41	52,70	7,91	0,000	***
ПОДВИЖНОСТЬ	291	234	65,39	54,59	10,02	0,000	***
УРАВНОВЕШЕННОСТЬ	291	234	1,01	0,95	2,35	0,019	*
ЭРМ	291	234	6,63	5,37	5,35	0,000	***
ЭРК	291	234	8,90	6,94	9,24	0,000	***
ПМ	291	234	6,45	4,82	6,84	0,000	***
ПК	291	234	5,98	6,52	-2,48	0,014	*
СМ	291	234	8,00	6,53	5,80	0,000	***
СК	291	234	8,27	6,44	9,19	0,000	***
ЭМ	291	234	5,53	8,30	-10,95	0,000	***
ЭК	291	234	6,52	8,87	-11,67	0,000	***

Сравнительный анализ средних значений по t-критерию в удмуртской этнической группе выявил следующие значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 12): в группе высокоадаптированных удмуртов по сравнению с группой низкоадаптированных более выражены показатели возбуждения ($t=5,27$; $p\leq 0,001$), торможения ($t=4,37$; $p\leq 0,001$), подвижности ($t=5,20$; $p\leq 0,001$), эргичности моторной ($t=1,94$; $p\leq 0,06$), эргичности коммуникативной ($t=4,50$; $p\leq 0,001$), пластичности моторной ($t=3,67$; $p\leq 0,001$), скорости моторной ($t=3,02$; $p\leq 0,05$), скорости коммуникативной ($t=4,31$; $p\leq 0,001$).

В группе низкоадаптированных студентов удмуртского этноса отмечается большая выраженность показателей пластичности коммуникативной ($t=-2,17$; $p\leq 0,05$), эмоциональности моторной ($t=-4,18$; $p\leq 0,001$), эмоциональности коммуникативной ($t=-5,03$; $p\leq 0,001$).

Таблица 12

Среднее значение показателей по t-критерию в удмуртской этнической группе с учетом выраженности адаптивных способностей

Показатели методик	N		Среднее значение		t-критерий	Уровень значимости p	
	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные			
АДАПТ. СПОСОБН.	75	84	107,25	69,77	27,80	0,000	***
СИЛА ВОЗБУЖДЕНИЯ	75	84	57,16	46,75	5,27	0,000	***
СИЛА ТОРМОЖЕНИЯ	75	84	59,69	52,17	4,37	0,000	***
ПОДВИЖНОСТЬ	75	84	63,52	53,42	5,20	0,000	***
УРАВНОВЕШЕННОСТЬ	75	84	0,98	0,92	1,62	0,107	
ЭРМ	75	84	6,20	5,36	1,94	0,054	**
ЭРК	75	84	8,25	6,60	4,50	0,000	***
ПМ	75	84	5,32	3,80	3,67	0,000	***
ПК	75	84	5,73	6,52	-2,17	0,031	*
СМ	75	84	7,73	6,36	3,02	0,003	***
СК	75	84	7,33	5,63	4,31	0,000	***
ЭМ	75	84	6,75	8,63	-4,18	0,000	***
ЭК	75	84	6,89	8,79	-5,03	0,000	***

Сравнительный анализ средних значений по t-критерию в коми-пермяцкой этнической группе выявил следующие значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 13): у группы высокоадаптированных коми-пермяков более выражены показатели процессов возбуждения ($t=5,57$; $p\leq 0,001$), торможения ($t=3,41$; $p\leq 0,001$), подвижности ($t=5,48$; $p\leq 0,001$), эргичности коммуникативной ($t=4,06$; $p\leq 0,001$), пластичности моторной ($t=3,06$; $p\leq 0,001$), скорости моторной ($t=3,00$; $p\leq 0,05$), скорости коммуникативной ($t=3,69$; $p\leq 0,001$).

У низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса более выражены показатели эмоциональности моторной ($t=-6,83$; $p\leq 0,001$) и эмоциональности коммуникативной ($t=-6,74$; $p\leq 0,001$).

Таблица 13

Среднее значение показателей по t-критерию в коми-пермяцкой этнической группе с учетом выраженности адаптивных способностей

Показатели методик	N		Среднее значение		<i>t-критерий</i>	Уровень значимости	
	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные	Высокоадаптированные	Низкоадаптированные		p	
АДАПТ. СПОСОБН.	41	38	107,45	67,76	18,18	0,000	***
СИЛА ВОЗБУЖДЕНИЯ	41	38	57,25	45,53	5,57	0,000	***
СИЛА ТОРМОЖЕНИЯ	41	38	61,15	53,97	3,41	0,001	***
ПОДВИЖНОСТЬ	41	38	63,20	50,03	5,48	0,000	***
УРАВНОВЕШЕННОСТЬ	41	38	0,95	0,87	1,73	0,088	
ЭРМ	41	38	6,25	5,32	1,68	0,097	
ЭРК	41	38	8,55	6,61	4,06	0,000	***
ПМ	41	38	5,83	4,00	3,06	0,003	**
ПК	41	38	6,10	6,55	-0,85	0,400	
СМ	41	38	7,95	6,32	3,00	0,004	**
СК	41	38	8,18	6,45	3,69	0,000	***
ЭМ	41	38	5,13	9,45	-6,83	0,000	***
ЭК	41	38	6,68	9,95	-6,74	0,000	***

Сравнительный анализ средних значений по t-критерию в русской этнической группе выявил следующие значимые различия между группами с высокими и низкими показателями адаптивных способностей (см. табл. 14): у группы высокоадаптированных студентов более выражены показатели возбуждения ($t=8,80$; $p\leq 0,001$), торможения ($t=5,51$; $p\leq 0,001$), подвижности ($t=6,43$; $p\leq 0,001$), эргичности моторной ($t=4,62$; $p\leq 0,001$), эргичности коммуникативной ($t=6,43$; $p\leq 0,001$), пластичности моторной ($t=3,97$; $p\leq 0,001$), скорости моторной ($t=3,84$; $p\leq 0,001$), скорости коммуникативной ($t=6,71$; $p\leq 0,001$).

У группы низкоадаптированных студентов русского этноса отмечается большая выраженность показателей эмоциональности моторной ($t=-7,64$; $p\leq 0,001$), эмоциональности коммуникативной ($t=-8,30$; $p\leq 0,001$).

Таблица 14

**Среднее значение показателей по t-критерию в русской этнической группе
с учетом выраженности адаптивных способностей**

Показатели методик	N		Среднее значение		<i>t-критерий</i>	Уровень значимости	
	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные	Высокоадап тированные	Низкоадап тированные		p	
АДАПТ. СПОСОБН.	175	112	108,55	70,65	38,15	0,000	***
СИЛА ВОЗБУЖДЕНИЯ	175	112	61,08	48,56	8,80	0,000	***
СИЛА ТОРМОЖЕНИЯ	175	112	60,48	52,66	5,51	0,000	***
ПОДВИЖНОСТЬ	175	112	66,72	57,01	6,43	0,000	***
УРАВНОВЕШЕННОСТЬ	175	112	1,04	1,00	0,97	0,333	
ЭРМ	175	112	6,91	5,39	4,62	0,000	***
ЭРК	175	112	9,26	7,32	6,43	0,000	***
ПМ	175	112	7,09	5,88	3,97	0,000	***
ПК	175	112	6,05	6,51	-1,44	0,150	
СМ	175	112	8,14	6,73	3,84	0,000	***
СК	175	112	8,70	7,04	6,71	0,000	***
ЭМ	175	112	5,09	7,66	-7,64	0,000	***
ЭК	175	112	6,30	8,57	-8,30	0,000	***

Во всех этнических группах выявились общие тенденции: у высокоадаптированных студентов (удмуртов, коми-пермяков и русских) более выражены показатели силы процессов возбуждения ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп), торможения ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп), подвижности ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп), эргичности коммуникативной ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп), пластичности моторной ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп), скорости моторной ($p \leq 0,05$ для студентов удмуртского этноса, $p \leq 0,001$ для студентов коми-пермяцкого и русского этносов), скорости коммуникативной ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп). У низкоадаптированных (удмуртов, коми-пермяков и русских) более выражены показатели эмоциональности моторной ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп) и коммуникативной ($p \leq 0,001$ для всех этнических групп). У высокоадаптированных студентов удмуртской и русской этнических групп более выражен показатель эргичности моторной ($p \leq 0,06$ для студентов удмуртского этноса, $p \leq 0,001$ для студентов русского этноса), у низкоадаптированных студентов удмуртского этноса - показатель пластичности коммуникативной ($p \leq 0,05$). В группе коми-пермяков не обнаружилось

значимые различия по показателям эргичности моторной и пластичности коммуникативной.

Можно отметить, что **высокоадаптированные** студенты удмуртского и русского этносов проявляют по сравнению с низкоадаптированными студентами удмуртского и русского этносов, а также высокоадаптированными и низкоадаптированными студентами коми-пермяцкого этноса, более выраженную потребность в освоении предметного мира, стремление к предметной деятельности. У всей группы высокоадаптированных более выражены стремление к разнообразным формам деятельности, гибкость при переключении с одних форм предметной активности на другие, выше скорость при их освоении. Этой группе свойственна потребность в общении, широкий круг контактов, тяга к людям, легкость в установлении связей, быстрая речь, быстрая вербализация (нахождение нужных слов) в ситуации общения.

У **низкоадаптированных** студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов более выражены показатели эмоциональных характеристик: им свойственны сильные эмоциональные переживания как по поводу ожидаемых и реальных результатов деятельности (ощущение неполноценности продукта их работы), так и высокая чувствительность (ранимость) в случае неудач в общении (ощущение постоянного беспокойства, неуверенности, раздражительности в процессе социального взаимодействия).

Для изучения взаимосвязи показателя адаптивных способностей с разноуровневыми индивидуальными свойствами внутри групп высокоадаптированных и низкоадаптированных был проведен корреляционный анализ (см. табл. 1—8 приложения 5, рис. 1—8 приложения 5). Между показателем адаптивных способностей и показателями нейродинамических и психодинамических свойств обнаружены как прямые, так и обратные корреляционные связи. Во всех этнических группах (как у высокоадаптированных, так и у низкоадаптированных) выделилось

значительно больше общих связей, чем специфичных. Во всех группах выделились системообразующие показатели: возбуждение, подвижность.

В группе **высокоадаптированных** (студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) структура связей между нейродинамическим и психодинамическим уровнями более плотная: увеличивается как количество связей между показателями, так и уровень значимости связей. У высокоадаптированных удмуртов и русских выделились специфические системообразующие показатели: пластичность моторная, скорость моторная; у высокоадаптированных коми-пермяков и русских — эргичность коммуникативная. В группе **низкоадаптированных** меньшее количество связей между нейродинамическим и психодинамическим уровнями. У низкоадаптированных удмуртов и русских выделились системообразующие показатели — скорость коммуникативная; у низкоадаптированных коми-пермяков и русских — пластичность коммуникативная.

Таким образом, у группы низкоадаптированных (студентов удмуртского, коми-пермяцкого и русского этносов) системообразующими показателями являются коммуникативные характеристики психодинамики, а у группы высокоадаптированных — моторные характеристики. Исключение составляет группа высокоадаптированных коми-пермяков, системообразующим показателем которых является эргичность коммуникативная. Сходные результаты были получены в исследовании особенностей самореализации Е. Н. Городиловой: характеристики самореализации тесно связаны с моторными и интеллектуальными особенностями психодинамических свойств (Е. Н. Городилова, 2002, с. 198).

В выборке студентов русской этнической группы (как высокоадаптированных, так и низкоадаптированных) показатель адаптивных способностей отрицательно связан с эмоциональным комплексом: эмоциональностью моторной ($r=-0,28$; $p\leq 0,21$ в группе высокоадаптированных; $r=-0,27$; $p\leq 0,26$ в группе низкоадаптированных) и эмоциональностью

коммуникативной ($r=-0,28$; $p\leq 0,21$ в группе высокоадаптированных; $r=-0,31$; $p\leq 0,26$ в группе низкоадаптированных).

У низкоадаптированных студентов финно-угорской группы (удмуртского и коми-пермяцкого этносов) показатель адаптивных способностей отрицательно связан только с показателем эмоциональности коммуникативной ($r=-0,25$; $p\leq 0,21$ в группе низкоадаптированных удмуртов; $r=-0,32$; $p\leq 0,32$ в группе низкоадаптированных коми-пермяков), а у высокоадаптированных студентов удмуртского и коми-пермяцкого этносов показатель адаптивных способностей связан со всем эмоциональным комплексом: эмоциональностью моторной ($r=-0,23$; $p\leq 0,21$ в группе высокоадаптированных удмуртов; $r=-0,41$; $p\leq 0,31$ в группе высокоадаптированных коми-пермяков) и эмоциональностью коммуникативной ($r=-0,24$; $p\leq 0,21$ в группе высокоадаптированных удмуртов; $r=-0,59$; $p\leq 0,50$ в группе высокоадаптированных коми-пермяков).

Таким образом, мы можем говорить о формировании в выборке высокоадаптированных студентов удмуртского и коми-пермяцкого этносов отрицательной связи между показателями адаптивных способностей и эмоциональностью моторной и эмоциональностью коммуникативной: чем выше показатель адаптивных способностей, тем ниже чувствительность по поводу расхождения между ожидаемым и реальным результатом труда и тем ниже ранимость при неудачах в общении; чем ниже показатель адаптивных способностей, тем выше чувствительность в ситуации общения.

У **высокоадаптированных** как удмуртов, так и коми-пермяков, выделились сходные плеяды связей (рис. 10, 11).

Положительная связь показателей адаптивных способностей, силы возбуждения и эргичности коммуникативной у высокоадаптированных студентов удмуртской этнической группы (связь показателей «адаптивные способности» и «сила возбуждения нервных процессов»: $r=0,39$; $p\leq 0,39$, связь показателей «адаптивные способности» и «эргичность коммуникативная»:

$r=0,22$; $p \leq 0,21$, связь показателей «сила возбуждения нервных процессов» и «эргичность коммуникативная»: $r=0,35$; $p \leq 0,29$) может свидетельствовать о том, что чем выше активированность нервной системы, выше потребность в общении, шире круг контактов, чем больше стремления к лидерству, тем выше адаптивные способности. Отрицательная связь показателей адаптивных способностей, силы возбуждения с эмоциональностью моторной и эмоциональностью коммуникативной (связь показателей «адаптивные способности» и «эмоциональность моторная»: $r=-0,23$; $p \leq 0,21$, связь показателей «адаптивные способности» и «эмоциональность коммуникативная»: $r=-0,24$; $p \leq 0,21$, связь показателей «сила возбуждения нервных процессов» и «эмоциональность моторная»: $r=-0,34$; $p \leq 0,29$, связь показателей «сила возбуждения нервных процессов» и «эмоциональность коммуникативная»: $r=-0,36$; $p \leq 0,29$) может свидетельствовать о том, что чем выше показатели возбуждения и адаптивных способностей, тем ниже чувствительность (сильные эмоциональные переживания) по поводу расхождения между ожидаемым и реальным результатом труда и ранимость, постоянное беспокойство при неудачах в общении.

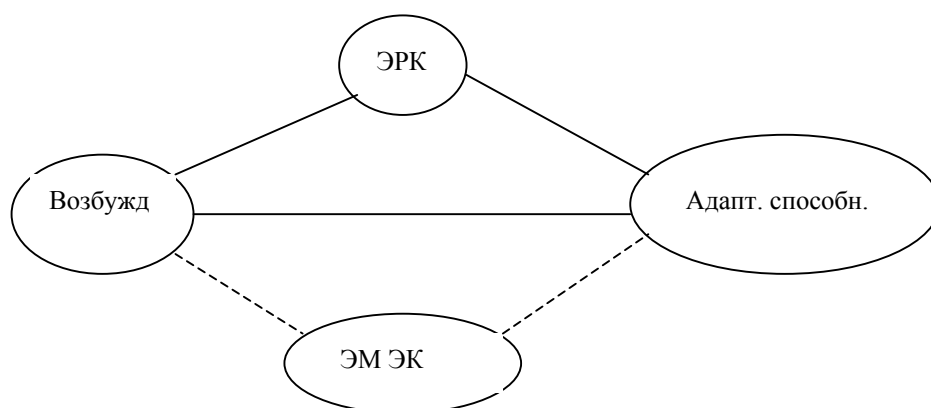

Рис. 10. Статистически значимые связи показателя адаптивных способностей с показателями нейродинамики и психодинамики в группе высокоадаптированных студентов удмуртского этноса⁶

⁶ Здесь и далее на рисунках сплошной линией отмечены прямые статистически значимые корреляционные связи, пунктиром - обратные.

У **высокоадаптированных** студентов **коми-пермяцкой** этнической группы показатель адаптивных способностей положительно связан с показателем силы возбуждения и отрицательно — с показателями эмоциональности моторной и эмоциональности коммуникативной (связь показателей «адаптивные способности» и «сила возбуждения нервных процессов»: $r=0,38$; $p\leq 0,31$, связь показателей «адаптивные способности» и «эмоциональность моторная»: $r=-0,41$; $p\leq 0,40$, связь показателей «адаптивные способности» и «эмоциональность коммуникативная»: $r=-0,59$; $p\leq 0,50$, связь показателей «сила возбуждения нервных процессов» и «эмоциональность моторная»: $r=-0,41$; $p\leq 0,40$, связь показателей «сила возбуждения нервных процессов» и «эмоциональность коммуникативная»: $r=-0,49$; $p\leq 0,40$). Эти данные могут свидетельствовать о том, что чем выше активированность нервной системы, тем выше адаптивные способности и тем ниже чувствительность (сильные эмоциональные переживания) как по поводу расхождений между ожидаемым и реальным результатом труда, так и при неудачах в общении.

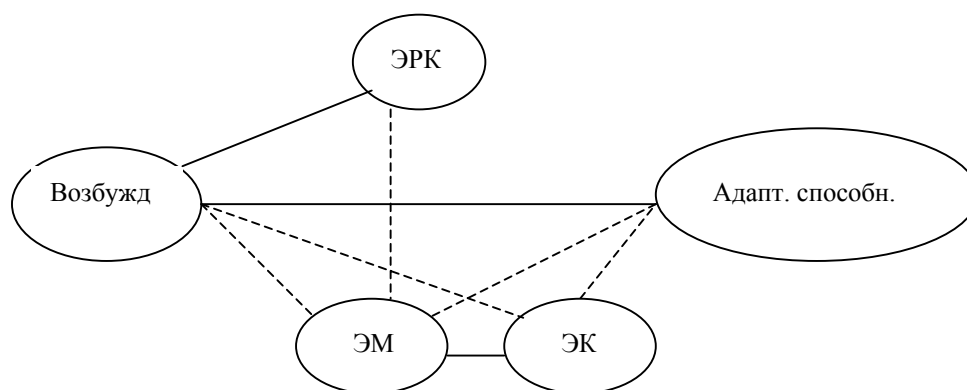

Рис. 11. Статистически значимые связи показателя адаптивных способностей с показателями нейродинамики и психодинамики в группе высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса

В группе **низкоадаптированных** мы видим значительно меньшее количество связей внутри данной плеяды (рис. 12, 13).

В группе низкоадаптированных студентов как удмуртского, так и коми-пермяцкого этносов показатель адаптивных способностей имеет только одну отрицательную связь с показателем эмоциональности коммуникативной ($r=-0,25$; $p\leq 0,21$ в группе низкоадаптированных удмуртов; $r=-0,32$; $p\leq 0,32$ в группе низкоадаптированных коми-пермяков).

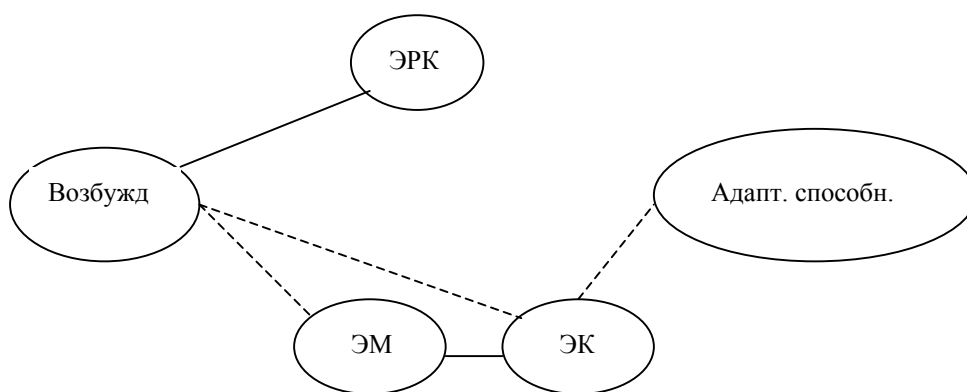

Рис. 12. Статистически значимые связи показателя адаптивных способностей с показателями нейродинамики и психодинамики в группе низкоадаптированных удмуртов

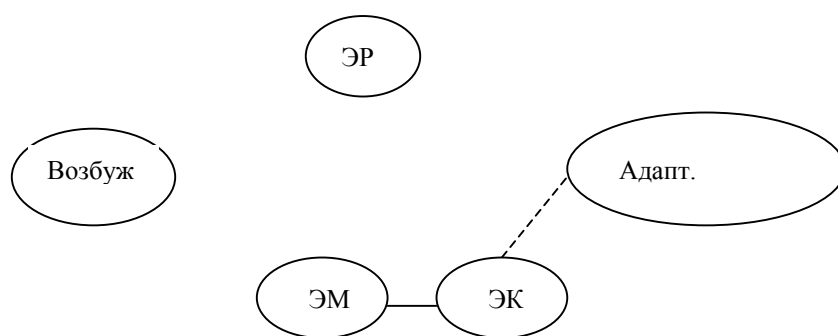

Рис. 13. Статистически значимые связи показателя адаптивных способностей с показателями нейродинамики и психодинамики в группе низкоадаптированных коми-пермяков

Таким образом, в процессе психологической адаптации к иной социокультурной среде происходит образование новых связей между показателями нейродинамических и психодинамических свойств, структура связей становится более плотной, увеличивается количество связей показателя адаптивных способностей с показателями нейродинамических и психодинамических свойств. У низкоадаптированных студентов показатель адаптивных способностей связан с высокой чувствительностью в коммуникативной сфере ($r=-0,25$; $p\leq 0,05$ в группе низкоадаптированных удмуртов; $r=-0,32$; $p\leq 0,05$ в группе низкоадаптированных коми-пермяков), а у высокоадаптированных — с низкой чувствительностью как в коммуникативной ($r=-0,24$; $p\leq 0,05$ в группе высокоадаптированных удмуртов; $r=0,59$; $p\leq 0,001$ в группе высокоадаптированных коми-пермяков), так и в моторной ($r=-0,23$; $p\leq 0,05$ в группе высокоадаптированных удмуртов; $r=-0,41$; $p\leq 0,01$ в группе высокоадаптированных коми-пермяков) сферах, с коммуникативной эргичностью ($r=0,22$; $p\leq 0,05$ в группе высокоадаптированных удмуртов) и силой возбуждения нервных процессов ($r=0,39$; $p\leq 0,001$ в группе высокоадаптированных удмуртов; $r=0,38$; $p\leq 0,05$ в группе высокоадаптированных коми-пермяков).

Можно сделать вывод, что формирование компенсаторных механизмов, обуславливающих успешность психологической адаптации к иной социокультурной среде, проявляется в компенсации отрицательной связи показателя адаптивных способностей с показателем эмоциональности коммуникативной у группы низкоадаптированных (студентов удмуртской и коми-пермяцкой этнической группы). Эта компенсация проявляется в появлении у высокоадаптированных удмуртов и коми-пермяков новых значимых связей между показателем адаптивных способностей и показателями нейродинамических и психодинамических свойств: отрицательной значимой связи с показателем эмоциональности моторной и положительной значимой связи — с показателями коммуникативной эргичности и силы возбуждения нервных процессов.

Выводы

1. Применение принципа двойственности качественной определенности человека и его жизненного мира позволило представить психологическую адаптацию к иной социокультурной среде как процесс вхождения в иное ценностно-смысловое поле и интериоризации иных ценностей и смыслов.

2. Особенности динамики психологической адаптации как изменяющихся представлений человека о своем метаиндивидуальном мире в ходе приобщения к иной социокультурной среде проявляются в значимом возрастании значений показателей Я-Авторского и Я-Превращенного между 1 и 4 курсами в выборке удмуртских студентов, значений показателя Я-Авторского между 1—2 и 3 курсами в выборке коми-пермяцких студентов.

Таким образом, динамика психологической адаптации проявляется в возрастании самостоятельности (обособления), автономности, самоопределения, независимости, авторства, креативности (Я-Авторское), самостоятельности (обособления), терпимости (Я-Превращенное).

3. Психологическая адаптация представляет собой целостное психологическое образование, структура которого характеризуется как стабильным (сохранение ценностей своей культуры), так и динамическим (включение в ценности индивида ценностей иной социокультурной среды) компонентами. Эмпирически выявлена структура психологической адаптации в группе высокоадаптированных (высокоадаптированных удмуртов, коми-пермяков, русских): включение в свои ценности общих для трех этнических групп ценностей (ценностей, заданных нахождением групп в едином географическом пространстве), ценностей финно-угорской этнической группы, ценностей русской группы (части ценностей русских для удмуртской и коми-пермяцкой групп) и собственных ценностей отдельно для каждой подвыборки (высокоадаптированных коми-пермяков, высокоадаптированных удмуртов, высокоадаптированных русских).

Таким образом, структура психологической адаптации характеризуется сохранением ценностей своей культуры (стабильный компонент) и расширением поля своих ценностей за счет ценностей иной социокультурной среды (динамический компонент).

4. Наличие в структуре психологической адаптации участного сочетания двух компонентов: стабильного и динамического — подтверждается эмпирически выявленной структурой психологической дезадаптации, которая характеризуется или только стабильным (сохранение ценностей своей культуры) или только динамическим (включение в ценности индивида ценностей иной социокультурной среды) компонентами. Структура психологической дезадаптации в группе низкоадаптированных удмуртов и русских характеризуется включением в свои ценности общих для трех этнических групп ценностей (ценностей, заданных нахождением групп в едином географическом пространстве), ценностей своей культуры, ценностей группы низкоадаптированных и собственных ценностей отдельно для каждой подвыборки (низкоадаптированных удмуртов, низкоадаптированных русских). Ценности респондентов группы низкоадаптированных (низкоадаптированных удмуртов и русских) включают только ценности, общие для всех трех этнических групп, ценности своей культуры и специфические ценности группы низкоадаптированных; и не включают этнически специфические ценности других культур.

Эмпирически выявленная структура психологической дезадаптации в группе низкоадаптированных коми-пермяков отличается включением в свои ценности общих для трех этнических групп ценностей (ценностей, заданных нахождением групп в едином географическом пространстве), ценностей финно-угорской этнической группы, ценностей русской группы (части индивидуалистских ценностей русских для коми-пермяцкой группы), ценности, общей для низкоадаптированных, ценности, характерной для финно-угорской группы низкоадаптированных, и большого набора собственных ценностей как аллоцентрической, так и идиоцентрической направленности. Для группы

низкоадаптированных коми-пермяков характерно значительное расширение поля своих ценностей за счет ценностей своей культуры, культуры иной этнической группы, ценностей как высокоадаптированных, так и низкоадаптированных представителей данных этнических групп (русских, удмуртов, коми-пермяков) и блока собственных многочисленных ценностей как идиоцентрической, так и аллоцентрической направленности.

На основании полученных данных можно рассматривать структуру психологической дезадаптации как сохранение ценностей только своей культуры (стабильный компонент) или несформированность (размытость) ценностной структуры (чрезмерное усиление динамического компонента).

5. Психологическая адаптация как включение в индивидуальную ценностно-смысловую структуру ценностей как своей, так и иной социокультурной среды оказывает эффекты на позитивность межэтнической перцепции.

6. Формирование компенсаторных механизмов, обуславливающих успешность психологической адаптации к иной социокультурной среде, проявляется в компенсации отрицательной связи показателя адаптивных способностей и показателя психодинамического свойства эмоциональности коммуникативной в группе низкоадаптированных удмуртов и коми-пермяков. Эта компенсация проявляется в появлении у высокоадаптированных удмуртов и коми-пермяков новых значимых связей между показателем адаптивных способностей и показателями нейродинамических и психодинамических свойств: отрицательной значимой связи с показателем эмоциональности моторной и положительной значимой связи — с коммуникативной эргичностью и силой возбуждения нервных процессов.

Рекомендации

Результаты проведенного экспериментального исследования позволяют сформулировать некоторые практические рекомендации для психологов и педагогов, работающих с проблемами психологической адаптации/дезадаптации человека к иной социокультурной среде.

1. Выявленные особенности динамики психологической адаптации к иной социокультурной среде — значимое возрастание значений показателей Я - Авторского и Я - Превращенного между 1—2 и 4 курсами, проявляющееся в повышении самостоятельности (обособления), автономности, самоопределения, независимости, авторства, креативности (Я - Авторское), самостоятельности (обособления), терпимости (Я - Превращенное) — позволяют выделить критерии стадий психологической адаптации к иной социокультурной среде. Критерием первой стадии психологической адаптации к иной социокультурной среде (1—2 курсы) являются низкие значения показателей Я - Авторское и Я - Превращенное, оказывающие эффекты на такие личностные характеристики, как малая самостоятельность, неопределенность себя в новой среде, зависимость, нетерпимость. Критерием стадии психологической адаптации к иной социокультурной среде (4 курс) являются высокие значения показателей Я - Авторское и Я - Превращенное, оказывающие эффекты на такие личностные характеристики студентов, как самостоятельность (обособление), автономность, самоопределение, независимость, авторство, терпимость, креативность. Данные критерии позволяют на практике осуществлять оценивание психологической адаптации/дезадаптации к иной социокультурной среде.

2. Данные о структуре психологической адаптации как участного сочетания стабильного (сохранения своих этнических ценностей) и динамического (включения в индивидуальную ценностно-смысловую систему ценностей принимающей социокультурной среды) компонентов и о структуре психологической дезадаптации — как только стабильного (сохранение

ценностей только своей культуры) или чрезмерном усилении динамического (несформированность (размытость) ценностной структуры) компонентов показывают, что психологическая работа с низкоадаптированными к иной социокультурной среде должна быть направлена на осознание значимых ценностей как своей культуры, так и ценностей принимающей среды.

3. Выявлено, что психологическая адаптация как включение в индивидуальную ценностно-смысловую структуру ценностей как своей, так и иной социокультурной среды оказывает эффекты на позитивность межэтнической перцепции. Таким образом, психологическая работа с низкоадаптированными к иной социокультурной среде с целью повышения позитивности межэтнического восприятия должна быть направлена на осознание значимых ценностей как своей культуры, так и ценностей принимающей среды.

4. Формирование компенсаторного механизма, обеспечивающего успешность психологической адаптации к иной социокультурной среде и проявляющегося в появлении значимых связей между показателем адаптивных способностей и показателями нейродинамических и психодинамических свойств (отрицательной значимой связи с показателем эмоциональности моторной и положительной значимой связи с силой возбуждения нервных процессов и коммуникативной эргичностью), обуславливает значимость работы с коммуникативными процессами — коррекцией эмоциональной сферы в области межкультурной коммуникации и межкультурной перцепции.

Список литературы

1. Абишева А. К. О понятии ценность //Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139—146.
2. Абульханова-Славская К. А. Личность в процессе деятельности и общения //Психология личности: Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2002. Т. 2. С. 301—330.
3. Абульханова-Славская К. А., Гордиенко Е. В. Представления личности об отношении к ней значимых других //Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5. С. 38—47.
4. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб.: Издательство «Речь», 2003. 296 с.
5. Агафонов А. Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. Самара — Москва, 2000. 336 с.
6. Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1998. 376 с.
7. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики /Под общей редакцией И. Б. Ханиной. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.
8. Асмолов А. Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования //Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 28—40.
9. Асмолов А. Г. Как встроить мигранта в общество: кризис утраты смысла существования //Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень № 2. М.: Смысл, 2001. С. 12—20.
10. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, ИЦ «Академия», 2002. 416 с.
11. Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности //Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92—100.

12. Балл Г. А. «Мотив»: уточнение понятия // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 4. С. 56—65.
13. Баранов А. А., Фефилов А. В. Практикум по курсу «Дифференциальная психология личности»: Учебно-методическое пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. Часть 1. С. 73—87.
14. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984—1985. М.: Наука, 1986. С. 80—160.
15. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
16. Бердяев Н. А. Философия свободы / Сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 736 с.
17. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
18. Березина Т. Н. Многомерная психика: внутренний мир личности. М.: ПЭР СЭ, 2001. 319 с.
19. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 312 с.
20. Бодров В. А., Ложкин Г. В., Плющ А. Н. Нелинейная модель мотивационной сферы личности // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 2. С. 90—100.
21. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
22. Братусь Б. С. Психология личности // Психология личности: Хрестоматия. Т. 2. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2002а. С. 385—456.
23. Братусь Б. С. Смысловая сфера личности и психическое здоровье // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень № 4. М.: Смысл, 2002б. С. 46—58.
24. Бубер М. Два образа веры. М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. 592 с.
25. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 38—44.

- 26.Будалина Е. Е. Зависимость черт национального характера от культурных ценностей (на материале исследования коми-пермяцкого и русского этносов) //Cogito. Сборник научных статей по педагогике и психологии /Сост. и ред. С. Ф. Сироткин, А. А. Баранов. Ижевск, УдГУ, 2001. Вып. 4. С. 145—157.
- 27.Будинайте Г. Л., Корнилова Т. В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта //Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 99—105.
- 28.Буюкас Т. М. Проблема и психотехника самоопределения личности //Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 28—39.
- 29.Буюкас Т. М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредованной символами //Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 96—108.
- 30.Буюкас Т. М., Зевина О. Г. Внутренняя активность субъекта в процессе амплификации индивидуального сознания //Вопросы психологии. 1999. № 5. С. 50—61.
- 31.Буюкас Т. М., Зевина О. Г. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей – культурных смыслов – в индивидуальном сознании //Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 44—56.
- 32.Бызова В. М. Жизненные ценности молодежи республики Коми на рубеже веков //Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 101—112.
- 33.Валитов В. Н. Социальные сети беженцев и лиц, ищущих убежище, из Афганистана и Ирака //Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 175—191.
- 34.Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
- 35.Весна Е. Б. Психологические закономерности и механизмы процесса социализации-индивидуализации в онтогенезе: Дисс. д-ра психол. наук. М., 1998. 490 с.
- 36.Витенберг Е. В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 1994. 16 с.

- 37.Волочков А. А., Ермоленко Е. Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности //Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 17—26.
- 38.Выготский Л. С. Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
- 39.Высочил А. П. Кросс-культурное исследование взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности в северо-западной части Башкирии //Идентичность и толерантность: Сб. статей /Отв. ред. Н. М. Лебедева. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 88—148.
- 40.Гаюрова Ю. А. Культурные ценности как детерминанты межетнической толерантности-интолерантности. Ценности культуры: подходы к пониманию //Идентичность и толерантность: Сб. статей /Отв. ред. Н. М. Лебедева. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 214—242.
- 41.Гинзбург М. Г. Психологическое содержание личностного самоопределения //Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43—52.
- 42.Городилова Е. Н. Самоактуализация и ее связь с интегральной индивидуальностью: Дисс. канд. психол. наук. Пермь, 2002. 244 с.
- 43.Грибов В. Н. Адаптация молодежи малого сибирского города к условиям обучения в вузе: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Тюмень, 1999.
- 44.Гриценко В. В. Влияние культурных различий на адаптацию переселенцев из стран ближнего зарубежья в России //Психологический журнал. 2000а. Т. 21. № 1. С. 78—86.
- 45.Гриценко В. В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов //Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 112—138.
- 46.Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252 с.
- 47.Гриценко В. В. Эмоциональное состояние русских вынужденных мигрантов //Психологический журнал. 2000б. Т. 21. № 4. С. 22—31.

48. Гулевич О. А., Онучин А. Н. Изучение эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 132—145.
49. Данилова З. А. Социальная адаптация населения в условиях кризиса (региональный аспект): Дисс. канд. социол. наук. СПб, 1999. 340 с.
50. Дермантова И. Б., Коростылева Л. А. Некоторые аспекты феномена самореализации // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. СПб.: ЦИБКО, 1997. С. 20—37.
51. Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 242 с.
52. Дорфман Л. Я. Дивергенция и конструкт Я // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н. Захаров, Е. М. Березина, Л. Я. Дорфман, В. М. Петров, К. Мартиндейл. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002. С. 141—184.
53. Дорфман Л. Я. Я: и быть, и иметь // XV Мерлинские чтения / Науч. ред. Б. А. Вяткин, М. Р. Щукин. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2000. С. 67—69.
54. Дорфман Л. Я., Рябикова М. В., Гольдберг И. М., Быков А. Н., Ведров А. А. Новая версия Пермского вопросника Я // Творчество в образовании, культуре, искусстве / Ред. колл. Е. А. Малянов, Л. А. Шипицина, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2000. С. 179—183.
55. Журавлев И. В. Психолого-лингвистический анализ субъективности // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 4. С. 66—74.
56. Зверева Т. Р. Концепт «эмоции» во фразеологической картине мира русского и удмуртского народов // Толерантность и проблемы идентичности: Материалы Международной научно-практической конференции (27—29 июня 2002 г.). Ежегодник Российского психологического общества / Отв.

- ред. Н. И. Леонов, С. Ф. Сироткин. Москва — Ижевск, 2002. Т. 9. Вып. 4. С. 199—204.
57. Здравомыслов А. Г. Межэтнические конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1996. 286 с.
58. Зинченко В. П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М. Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
59. Зинченко В. П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 7—20. № 6. С. 6—24.
60. Знаков В. В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 7—15.
61. Зобов Р. А., Келасьев В. Н., Шаров А. Н. Человек и реформа: Драма взаимодействия: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 1999. 56 с.
62. Зотова О. И., Кряжева И. К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. С. 219—233.
63. Иванова Е. А. Стил ь адаптации к новым условиям учебной деятельности (на материале исследования младших школьников и подростков): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Пермь, 2000. 18 с.
64. Ивашкин В. С., Онуфриева В. В. Об одной из форм преадаптивного поведения в филогенезе и онтогенезе // Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 57—63.
65. Калайков И. Д. Цивилизация и адаптация /Под общей ред. И. Б. Новика. М.: Прогресс, 1984. 240 с.
66. Карелова Г. Н. Гендерная адаптация: структурные и процессуальные аспекты исследования (на примере анализа адаптации российских женщин в условиях социальной реформации 90-х гг. XX века): Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. М., 1999.
67. Кирилова Н. А. Изучение ценностных ориентаций: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Пермь, 1995.

68. Кирилова Н. А. Индивидуальная структура ценностных ориентаций личности студентов-заочников зрелого возраста // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия I. Психология. 2004. № 1—2. С. 95—101.
69. Ключникова Л. В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации переселенцев и межгруппового восприятия (на примере немцев, выехавших из стран СНГ на постоянное место жительства в Германию): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 25 с.
70. Ковтун Л. В. Социальная адаптация личности в условиях межкультурного общения: Дисс. канд. культуролог. наук. М., 1999. 137 с.
71. Крупник Е. П., Тагирова Р. А. Преодоление проблемно-конфликтных ситуаций в различных социально-этнических условиях // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6. С. 36—43.
72. Ларцев М. А., Наврузова С. К., Багдасарова М. Г., Колощук О. П. Особенности психологической адаптации участников локальных военных конфликтов на Северном Кавказе // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 139—153.
73. Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73—87.
74. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособ. для студентов психол. и этнол. специальностей. М.: Изд. дом «Ключ-С», 1999а. 224 с.
75. Лебедева Н. М. Новые возможности одной известной концепции // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 2. С. 56—62.
76. Лебедева Н. М. Социальная психология аккультурации этнических групп: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997. 57 с.
77. Лебедева Н. М. Социально-психологические факторы этнической толерантности-интолерантности в Карачаево-Черкесии // Идентичность и

- толерантность: Сб. статей /Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 149—177.
78. Лебедева Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999б. Т. 20. № 3. С. 48—58.
79. Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в российской культуре // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26—36.
80. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 31—44.
81. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
82. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Наука, 1975. 240 с.
83. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
84. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 35—44.
85. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
86. Леонтьев Д. А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии /Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 156—177.
87. Леонтьев Д. А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии житнетворчества /Под ред. Е. И. Яцуты. Кемерово: ИПК «Графика», 2002. С. 3—34.
88. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4.

- 89.Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных ситуациях //Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16—24.
- 90.Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2000. 320 с.
- 91.Маханько Н. В. Социокультурная адаптация в трансформационных процессах культуры: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2001.
- 92.Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.
- 93.Мельникова Н. Н. Стратегии поведения в процессе социально-психологической адаптации: Дисс. канд. психол. наук. СПб, 2001. 194 с.
- 94.Михайлова Н. Б. Психологическое исследование ситуации эмиграции //Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 26—38.
- 95.Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов //Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5—21.
- 96.Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Понимаю, ибо абсурдно. К эвристике абсурда //Человек. 1998. № 6.
- 97.Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Значение текста как внутренний образ //Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 79—91.
- 98.Назарова Е. А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в Российской Федерации. Социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 1998.
- 99.Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) /Отв. ред. Э. А. Александрян. Ереван: Изд-во АН АРМССР, 1988. 264 с.
100. Никонов А. В. Социальная адаптация в условиях аномии общества: Дисс. канд. филос. наук. Волгоград, 1998. 161 с.
101. Офицеркина Н. С. Социально-психологическая адаптация молодежи в рыночной экономике: Дисс. канд. психол. наук. М., 1997. 130 с.
102. Ощуркова Н. А. Динамика социально-психологической адаптации: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1995. 20 с.

103. Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов //Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 25—39.
104. Пас О. Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика /Составл. и предисл. В. Резник. СПб.: Симпозиум, 2000. 411 с.
105. Первин Л., Джон О. Психология личности: теория и исследования /Пер. с англ. М. С. Жамкочьян. Под ред. В. С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
106. Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учебное пособие. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 400 с.
107. Петренко В. Ф. Психосемантические исследования мотивации //Вопросы психологии. 1983. № 3. С. 29—39.
108. Петренко В. Ф. Экспериментальная психосемантика //Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 23—35.
109. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ геополитических представлений России //Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 49—69.
110. Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердников К. В., Кравцова А. Р., Осипова В. С. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000. 73 с.
111. Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект //Вопросы психологии. 1993 № 3. С. 101—109.
112. Поздняков В. П., Ключникова Л. В. Социально-психологическая адаптация мигрантов (на примере немцев, выехавших из России и стран СНГ в Германию) //Этническая психология и общество /Отв. ред. Н. М. Лебедева. М., 1997. С. 335—340.

113. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие /Редактор-составитель Д. Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 1998. С. 149—153, 549—558, 637—641.
114. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. 279 с.
115. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации: Учебно-научное издание. СПб.: Медицинская пресса, 2002. 352 с.
116. Рогов М. Г., Алишев Б. С. Психологическая природа ценностей //Толерантность и проблемы идентичности: Материалы Международной научно-практической конференции (27—29 июня 2002 г.). Ежегодник Российского психологического общества /Отв. ред. Н. И. Леонов, С. Ф. Сироткин. Москва — Ижевск, 2002. Т. 9. Вып. 4. С. 65—69.
117. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 2002. 275 с.
118. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
119. Русалов В. М. Опросник структуры темперамента: Методическое пособие. Психодиагностическая серия. Вып. 3. М.: Смысл, 1992.
120. Рябикова М. В., Дорфман Л. Я. Я и этноаффилиативные мотивы удмуртских и русских студенток //Личность, креативность, искусство. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002. С. 238—257.
121. Савотина Н. А. Социальная адаптация личности в условиях студенческой среды: Дисс. канд. пед. наук. М., 1997. 176 с.
122. Самбуева С. Б. Этнопсихологические факторы развития стрессоустойчивости личности (на этническом материале учителей бурятской национальности): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 1999. 28 с.

123. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм //Сумерки богов /Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319—344.
124. Северцов А. Н. Эволюция и психика //Психологический журнал. 1982. № 4. С. 149—159.
125. Селье Г. Некоторые аспекты учения о стрессе //Хрестоматия по общей психологии /Под общей ред. В. В. Петухова. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000. Выпуск II. С. 159—153.
126. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002. 240 с.
127. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Личность как реальность для других //Психология личности: Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2002. Т. 2. С. 489—508.
128. Соколов Э. В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. 228 с.
129. Соколова Е. Т. Модель психологической помощи вынужденным мигрантам в контексте проблематики насилия и расстройств самоидентичности //Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень № 2. М.: Смысл, 2001. С. 21—43.
130. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
131. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов //Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 66—101.
132. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Бенедиктова В. В., Кравцова О. А. Мигранты из дальнего зарубежья в зеркале социально-психологического опроса //Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 154—174.
133. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 320 с.

134. Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях //Вопросы философии. 2004. № 7. С. 86—97.
135. Сухарев А. В. Этнофункциональный подход к проблеме психического развития человека //Вопросы психологии. 2002. № 2. С. 40—57.
136. Торчинская Е. Е. Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу //Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 2. С. 27—35.
137. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
138. Тумалаева З. Н. Психосоматические аспекты депрессии у вынужденных переселенцев //Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень № 2. М.: Смысл, 2001. С. 64—74.
139. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.
140. Урманцев Ю. А. Природа адаптации (системная экспликация) //Вопросы философии. 1998. № 12. С. 21—36.
141. Философские проблемы теории адаптации /Под ред. Г. И. Царегородцева. М.: Мысль, 1975. 277 с.
142. Фомина Т. К. Адаптация в инонациональной среде как социальная проблема: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 1998.
143. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник /Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
144. Шариков А. В., Баранова Э. А. О связи ценностных ориентаций и массово-коммуникационных ориентаций //Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 28—47.
145. Шарова О. Д. Стратегии поведения детей вынужденных мигрантов в ситуации межкультурного взаимодействия //Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы /Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 102—111.
146. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.

147. Шустова Н. Е. Социальная адаптация личности: социальная структура, социальные институты и процессы: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999.
148. Харламенкова Н. Е., Бабанова И. В. Стратегии самоутверждения и ценностные предпочтения одинокого человека //Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 21—28.
149. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации /Под общей ред. М. В. Ромашевича. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2002. 160 с.
150. Хотинец В. Ю. Индивидуально-психологический фактор становления этнической толерантности //Психологические исследования этнической толерантности /Н. М. Лебедева, В. Ю. Хотинец, А. А. Выскочил, Ю. А. Гаюрова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 200—224.
151. Хотинец В. Ю. О возможности отражения в этнических стереотипах типичных черт национального характера //Идентичность и толерантность: Сб. статей /Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 266—284.
152. Хотинец В. Ю. О психологическом исследовании этнического характера //Cogito. Сборник научных статей по педагогике и психологии /Сост. и ред. С. Ф. Сироткин, А. А. Баранов. Ижевск, УдГУ, 2001. Вып. 4. С. 137—145.
153. Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с.
154. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание в структуре интегральной индивидуальности (на материале исследования студентов-удмуртов): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Пермь, 1995.
155. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2000. 160 с.
156. Эльконин Б. Д. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 144 с.
157. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. /Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.

158. Яблоков А. В., Юсупов А. Г. Эволюционное учение: Учеб. пособие для студентов ун-тов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1981. 343 с.
159. Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation //Applied Psychology: An international review. — 1997. — vol. 46, № 1. — P.5—34.
160. Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. Cross-cultural psychology: research and applications.— Cambridge: Cambridge University Press, 1992.— 459 p.
161. Dunbar E., Saiz J. L., Stela K., Saez R. Personality and social group value determinants of out-group bias. A cross-national comparison of Gough's Pr/To Scale //Journal of Cross-cultural Psychology.— 2000.— March, vol. 31, No. 2.— P.267—275.
162. Church A. T. Culture and personality: toward an integrated cultural traits psychology //Journal of Personality.— 2000.— August, vol. 68, No. 4.— P. 651—703.
163. Cole M., Bruner J. S. Cultural differences and inferences about psychological processes /Culture and cognition: readings in cross-cultural psychology //Ed. by Berry J. W., Dasen P. R. — London: Methuen and Co LTD, 1974. — P. 231—246.
164. Eagly A. H., Chaiken S. The psychology of attitudes.— USA: Hartcourt Brace College Publishers, 1993.— 794 p.
165. Feather N. T. Values, valences, and choice: The Influence of values on the perceived attractiveness and choice of alternatives //Journal of Personality and Social Psychology.— 1995.— June, vol. 68, No. 6.— P. 1135—1151.
166. Furnham A., Bochner S. Culture shock. Psychological reactions to unfamiliar environments.— London — New York: Methuen, 1986.— 298 p.
167. Greenfield P. Three approaches to the psychology of culture: Where do they come from? //Asian Journal of Social Psychology.— 2000.— No. 3. — P. 223—240.

168. Hermans H. J. M. The dialogical Self: toward a theory of personal and cultural positioning //Culture and psychology.— 2001. — vol. 7, No. 3.— P. 243—281.
169. Kozulin A., Venger A. Immigration without adaptation: the psychological word of Russian immigrants in Israel //Mind, Culture and Activity.— 1994.— № 4.— P. 230—238.
170. Montreuil A., Bourhis R. Y. Majority acculturation orientations toward «valued» and «devalued» immigrants //Journal of Cross-cultural Psychology.— 2001.— November, vol. 32, No. 6.— P. 698—719.
171. Neckerman K. M., Carter P., Lee J. Segmented assimilation and minority cultures of mobility //Ethnic and racial studies.— 1999.— November, vol. 22, No. 6.— P. 945—965.
172. Nutnik N. Ethnic minority identity. A social psychological perspective.— Oxford, 1991.— 174 p.
173. Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments //Practical Antropology.— 1960.— No. 7.— P. 177—182.
174. Peabody D. National characteristics. .—Cambridge, 1985.— 256 p.
175. Portes A., Zhou M. Gaining the upper hand: economic mobility among immigrant and domestic minorities //Ethnic and racial studies.— 1992.— vol. 15, No. 4.— P. 491—522.
176. Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values. A theory of organization and change.— San Francisco: Jossey-Bass, Inc., 1968. — 214 p.
177. Schwartz S. H., Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement //Journal of Cross-cultural Psychology.— 2001.— September, vol. 32, No. 5. — P. 519—542.
178. Schwartz S. H., Bardi A. Value hierarchies across cultures. Taking a Similarities Perspective //Journal of Cross-cultural Psychology.— 2001.— May, vol. 32, No. 3.— P. 268—290.
179. Schwartz S. H., Bardi A., Bianch G. Value adaptation to the imposition and collapse of communist regimes East-Central Europe //Political psychology.

- Cultural and cross-cultural foundations /Ed. by Renshon S. A., Duckitt J. — London, 2000. — p. 217—237.
180. Smith P. B., Peterson M. F., Schwartz S. H. Cultural values, sources of guidance, and their relevance managerial behavior //Journal of Cross-cultural Psychology.— 2002.— March, vol. 33, No. 2.— P. 188—208.
181. Triandis H. S. Individualism-collectivism and personality //Journal of Personality.— 2001.— December, vol. 69, No. 6. — P. 907—924.
182. Triandis H. S., Leung K., Villareal M., Clack F. L. Allocentric vs. idiocentric tendencies: Convergent and discriminant validation //Journal of Research in Personality.— 1985.— Vol. 19.— P. 395—415.
183. Vertovec S. Conceiving and researching transnationalism //Ethnic and racial studies.— 1999.— March, vol. 22, No. 2.— P. 447—462.
184. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and Adaptation Revisited //Journal of Cross-cultural Psychology.— 1999.— July, vol. 30, No. 4.— P. 422—442.

Приложения

Приложение 1

Вспомогательные указатели

Общий список показателей с принятыми сокращениями:		
Показатели свойств личности (многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) Маклакова, Чермянина)		
1.	АДАПТ_СПОСОБН	адаптивные способности
2.	НЕРВНОПСИХИЧ УСТ	нервно-психическая устойчивость
3.	КОММУНИКАТ	коммуникативные особенности
4.	МОРАЛ НОРМАТИВН	моральная нормативность
Нейродинамические показатели (опросник Стреляу):		
5.	ВОЗБУЖД	сила возбуждения
6.	ТОРМОЖ	сила торможения
7.	ПОДВИЖН	подвижность нервных процессов
8.	УРАВНОВЕШЕН	уравновешенность нервных процессов
Психодинамические показатели (опросник структуры темперамента В. М. Русалова):		
9.	ЭРМ	эргичность моторная
10.	ЭРК	эргичность коммуникативная
11.	ПМ	пластичность моторная
12.	ПК	пластичность коммуникативная
13.	СМ	скорость моторная
14.	СК	скорость коммуникативная
15.	ЭМ	эмоциональность моторная
16.	ЭК	эмоциональность коммуникативная
Показатели социально- психологических свойств (методика диагностики уровня развития этнического самосознания В. Ю. Хотинец)		
17.	ОТЛИЧИЕ ЭТНОСА ОТ ДРУГИХ	отличие моего этноса от других этносов
18.	БЛИЗОСТЬ СО СВ. ЭТНОСОМ	моя близость со своим этносом
19.	ОСОБЕННОСТИ СВ. ЭТНОСА	отличительные особенности моего этноса
20.	МОИ ЭТНИЧ. ОСОБЕННОСТИ	мои этнические особенности
21.	ЭТНИЧ. САМООПРЕДЕЛ.	этническая самоопределенность

**Структура ценностных предпочтений
в группе высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса**

	Ценности (Рокич)	%выбо ров ⁷		Ценности (Шварц)	%выбо ров ⁸
1.	ТЦ здоровье	73,2	-1 (отвергаемая ценность)	Нет	
2.	ТЦ любовь	53,9	0 (не важная ценность)	Нет	
3.	ТЦ познание	26,8	1 (не важная ценность)	Нет	
4.	ТЦ активная жизнь	21,9			
5.	ИЦ воспитанность	58,6	6 (очень важная ценность)	ЖП смысл жизни	65,8
6.	ИЦ образованность	53,7		ЖП защита семьи	68,3
7.	ИЦ ответственность	24,4		СП успех	51,2
				СП верность	56,1
8.	ИЦ терпимость	26,9		СП собственные цели	58,5
9.	ИЦ эффективность в делах	34,2		СП уважение старших	75,6
10.	ИЦ запросы	39,5	7 (наиважнейшая ценность)	ЖП дружба	58,5
11.	ИЦ непримиримость	63,4		ЖП мир на Земле	68,3
12.	ТЦ счастье других	42,6		СП здоровье	80,5
13.	ТЦ творчество	51,3			
14.	ТЦ красота	56,2			
15.	ТЦ развлечения	63,4			

Таблица 2

**Структура ценностных предпочтений
в группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса**

	Ценности (Рокич)	%выбо ров		Ценности (Шварц)	%выбо ров
1.	ТЦ здоровье	68,5	-1 (отвергаемая ценность)	Нет	
2.	ТЦ друзья	44,8	0 (не важная ценность)	ЖП власть	44,8
3.	ТЦ обеспеченность	31,6		ЖП духовная жизнь	39,5
4.	ТЦ любовь	26,3	1 (не важная ценность)	Нет	
5.	ТЦ семья	23,8			
6.	ИЦ образованность	52,6	6 (очень важная ценность)	ЖП любовь	52,6
7.	ИЦ воспитанность	42,1		ЖП благосостояние	55,2
8.	ИЦ независимость	23,7		ЖП свобода	55,3
9.	ИЦ смелость	21,0		ЖП национальная безопасность	55,7
				ЖП дружба	78,9
10.	ИЦ широта взглядов	26,3		СП успех	50,0
11.	ИЦ запросы	29,0		СП честность	50,0
12.	ИЦ юмор	34,1		СП собственные цели	60,5
13.	ИЦ эффективность в делах	36,8		СП чистоплотность	65,8
14.	ИЦ непримиримость	55,2			
15.	ТЦ развитие	26,3	7 (наиважнейшая ценность)	ЖП смысл жизни	63,1
16.	ТЦ творчество	29,0		ЖП мир на Земле	73,7
17.	ТЦ красота	44,8		ЖП защита семьи	92,1
18.	ТЦ счастье других	47,4		СП уважение старших	65,8
19.	ТЦ развлечения	57,9		СП здоровье	76,4

⁷ Отбор наиболее предпочитаемых и наименее предпочитаемых ценностей осуществлялся с помощью количества голосов (начиная с 20 % выборов, т.е. 1/5 респондентов от всей выборки), поставивших ценность на первые три или последние три места.

⁸ Отбор ценностей осуществлялся с помощью количества голосов, отданных за «очень важную» и «отвергаемую мною» ценность, начиная с 50 % выборов, т.е. 1/2 респондентов от всей выборки. Ужесточение процедуры отбора наиболее значимых ценностей произошло по причине группировки основного количества значений вокруг баллов 5 и 6 из-за свободного ранжирования, принятого в данной методике.

Приложение 2
Таблица 3

**Структура ценностных предпочтений
в группе высокоадаптированных студентов удмуртского этноса**

	Ценности (Рокич)	%выборов		Ценности (Шварц)	%выборов
1.	ТЦ здоровье	80,0	-1 (отвергаемая ценность)	Нет	
2.	ТЦ любовь	44,0	0 (не важная ценность)	Нет	
3.	ТЦ обеспеченность	21,3	1 (не важная ценность)	Нет	
4.	ИЦ воспитанность	49,4			
5.	ИЦ образованность	40,0	6 (очень важная ценность)	ЖП любовь	52,0
6.	ИЦ честность	33,4		ЖП самоуважение	54,6
7.	ИЦ юмор	32,0		ЖП гармония	56,0
8.	ИЦ аккуратность	24,0		ЖП национальная безопасность	58,7
				ЖП дружба	69,0
9.	ИЦ запросы	48,0		ЖП смысл жизни	77,3
10.	ИЦ непримиримость	66,7		СП честность	52,0
11.	ТЦ продуктивная жизнь	24,0		СП уважение старших	53,4
12.	ТЦ счастье других	33,3		СП успех	54,7
13.	ТЦ творчество	36,0		СП собственные цели	58,7
14.	ТЦ красота	42,7		СП верность	60,0
15.	ТЦ развлечения	49,4			
			7 (наиважнейшая ценность)	ЖП защита семьи	68,0
				ЖП мир на Земле	73,4
				СП здоровье	79,3

Таблица 4

**Структура ценностных предпочтений
в группе низкоадаптированных студентов удмуртского этноса**

	Ценности (Рокич)	%выборов		Ценности (Шварц)	%выборов
1.	ТЦ здоровье	76,1	-1 (отвергаемая ценность)	Нет	
2.	ТЦ любовь	42,9	0 (не важная ценность)	Нет	
3.	ИЦ образованность	45,2	1 (не важная ценность)	Нет	
4.	ИЦ воспитанность	35,7			
5.	ИЦ самоконтроль	25,1	6 (очень важная ценность)	ЖП гармония	52,4
6.	ИЦ воля	23,8		ЖП благосостояние	54,6
				ЖП самоуважение	61,9
7.	ИЦ юмор	27,4		ЖП национальная безопасность	61,9
8.	ИЦ запросы	28,6		ЖП дружба	69,0
9.	ИЦ непримиримость	50,1		ЖП смысл жизни	76,1
10.	ТЦ творчество	32,3		СП собственные цели	52,4
11.	ТЦ красота	41,7		СП чистоплотность	52,4
12.	ТЦ счастье других	45,2		СП умелость	53,6
13.	ТЦ развлечения	52,4		СП уважение старших	64,3
			7 (наиважнейшая ценность)	ЖП мир на Земле	78,5
				ЖП защита семьи	83,4
				СП здоровье	84,6

Приложение 2
Таблица 5

**Структура ценностных предпочтений
в группе высокоадаптированных студентов русского этноса**

	Ценности (Рокич)	%выборов		Ценности (Шварц)	%выборов
1.	ТЦ любовь	58,0	-1 (отвергаемая ценность)	Нет	
2.	ТЦ здоровье	56,3	0 (не важная ценность)	Нет	
3.	ТЦ семья	21,4	1 (не важная ценность)	нет	
4.	ИЦ образованность	43,2			
5.	ИЦ самоуверенность	29,0	6 (очень важная ценность)	ЖП свобода	55,7
6.	ИЦ воспитанность	27,8		ЖП мир на Земле	59,6
7.	ИЦ независимость	25,7		ЖП любовь	61,2
8.	ИЦ честность	24,1		ЖП самоуважение	63,5
9.	ИЦ ответственность	23,5		ЖП гармония	70,5
10.	ИЦ широта взглядов	21,8		ЖП смысл жизни	72,7
				ЖП защита семьи	79,8
11.	ИЦ аккуратность	22,4		ЖП дружба	83,0
12.	ИЦ запросы	41,0		СП верность	57,4
13.	ИЦ непримиримость	67,8		СП интеллект	57,9
14.	ТЦ признание	27,0		СП независимость	57,9
15.	ТЦ творчество	35,0		СП успех	62,3
16.	ТЦ счастье других	37,2		СП собственные цели	65,6
17.	ТЦ развлечения	47,0	7 (наиважнейшая ценность)	СП здоровье	83,8
18.	ТЦ красота	49,8			

Таблица 6

**Структура ценностных предпочтений
в группе низкоадаптированных студентов русского этноса**

	Ценности (Рокич)	% выборов		Ценности (Шварц)	% выборов
1.	ТЦ любовь	54,4	-1 (отвергаемая ценность)	ЖП власть	44,6
2.	ТЦ здоровье	50,7	0 (не важная ценность)	Нет	
3.	ИЦ самоуверенность	30,4	1 (не важная ценность)	Нет	
4.	ИЦ юмор	28,6			
5.	ИЦ независимость	24,1	6 (очень важная ценность)	ЖП благосостояние	52,7
6.	ИЦ честность	22,4		ЖП мир на Земле	55,4
				ЖП свобода	58,0
7.	ИЦ аккуратность	25,0		ЖП гармония	66,1
8.	ИЦ запросы	37,4		ЖП самоуважение	66,1
9.	ИЦ непримиримость	62,4		ЖП защита семьи	71,6
10.	ТЦ творчество	33,0		ЖП смысл жизни	72,4
11.	ТЦ развлечения	36,8		ЖП дружба	73,2
12.	ТЦ счастье других	37,2		СП успех	50,0
13.	ТЦ красота	42,6		СП интеллект	50,9
				СП независимость	51,8
				СП верность	54,5
			7 (наиважнейшая ценность)	ЖП любовь	66,9
				СП здоровье	72,3

Приложение 3
Таблица 1

**Средние значения оценок стимульных объектов в группе
высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого и русского (г. Перми) этносов**

Психосемантический дифференциал		русский этнос, Пермь			коми-пермяцкий этнос		
	среднее значение	Я сам	Мы	Коми-пермяки	Я сам	Мы	Русские
1.	+ критичный – легковерный -	-0,7	1	0,3	-0,2	1	-0,8
2.	- недоверчивый – доверчивый +	0,6	1,5	0,6	1	1,9	0,2
3.	- агрессивный - миролюбивый +	1,8	1,4	1,1	2,1	2,4	0,6
4.	+ боевитый – пассивный -	-0,7	-0,4	0,2	-0,2	0	-1,4
5.	+ веселый – угрюмый -	-1,4	-1,4	-0,2	-1,8	-1,3	-1,5
6.	- легкомысленный – серьезный +	1,1	-0,4	0,5	1,9	1,4	1,4
7.	- бестактный - тактичный +	2	0,4	0,6	2,1	1,6	1,6
8.	+ откровенный - лицемерный -	-1,6	-1,4	-0,4	-1,8	-1,7	-0,2
9.	+ гибкий - негибкий -	-1,3	-1	-0,1	-1	-0,5	-1
10.	- переменчивый - упорный +	0,6	0,3	0,6	0,3	0,9	1
11.	- возбужденный - спокойный +	0,3	-0,6	0,7	0,9	1,2	-0,2
12.	+ активный - инертный -	-1,5	-0,8	0,1	-1,6	-0,6	-1,9
13.	+ скромный - претенциозный -	-0,6	0,4	-0,2	-1,3	-1,6	1,1
14.	- скупой - щедрый +	1,4	2,2	0,3	1,8	2	0,6
15.	- самоуверенный - застенчивый +	-0,6	-0,9	0,1	-0,7	0,6	-1,9
16.	+ уверенный - неуверенный -	-1,3	-1,1	-0,1	-1,5	-0,3	-2,2
17.	+ принципиальный - приспособленный -	-0,2	0,4	0,3	-0,2	0,5	-1,3
18.	- непрактичный - практичный +	1,2	0,3	1	1,6	1,3	1,6
19.	- придиричивый - прощающий +	1,1	1,6	0,4	0,9	1,6	0
20.	+ избирательный - неразборчивый -	-1,5	-0,1	-0,5	-1,5	-0,6	-1,4
21.	+ осторожный - бесшабашный -	-1	0,8	-0,5	-1,4	-1,4	-0,6
22.	- робкий - смелый +	0,8	1,9	0	0,7	0,2	2,2
23.	- мягкотелый - твердый +	0,9	0,6	0,2	0,2	0,1	0,9
24.	+ мягкий - жесткий -	-0,4	-0,6	-0,1	-0,9	-1,2	0,6
25.	+ сотрудничающий - не сотрудничающий -	-1,8	-1,6	-0,7	-2	-1,2	-1,7
26.	- зависимый - независимый +	0,7	0,5	0,1	0,3	-0,1	1,1
27.	- заторможенный - раскрепощенный +	1,5	1,6	-0,1	1,7	0,6	2,3
28.	+ организованный - импульсивный -	-0,6	1,1	-0,3	-1,5	-0,7	-1,2
29.	+ восторженный - озабоченный -	-0,8	-0,6	-0,4	-0,8	0,1	-0,7
30.	- ленивый - трудолюбивый +	1,1	0,2	1,2	2,1	2,3	0,9
31.	- глупый - умный +	1,1	1,7	1	2	1,6	2
32.	+ приятный - неприятный -	-1,4	-1,4	0,5	-1,7	-1,8	-1,8
количество дезадаптивных черт		0	0	0	0	1	2

Приложение 3
Таблица 2

**Средние значения оценок стимульных объектов в группе
высокоадаптированных студентов удмуртского и русского (г. Ижевска) этносов**

Психосемантический дифференциал		русский этнос, Ижевск			удмуртский этнос		
	среднее значение	Я сам	Мы	Удмурты	Я сам	Мы	Русские
1.	+ критичный – легковверный -	-0,3	0,7	-0,2	0	0,8	-0,9
2.	- недоверчивый – доверчивый +	0,6	1,2	-0,6	0,9	1,3	0,2
3.	- агрессивный - миролюбивый +	1,8	1,2	0,8	1,8	2	0,7
4.	+ боевитый – пассивный -	-0,8	-0,2	0,4	-0,1	1,1	-1,2
5.	+ веселый – угрюмый -	-0,9	-1,1	-0,1	-1,3	-1,3	-1,3
6.	- легкомысленный – серьезный +	0,8	-0,1	0,7	1,3	1,4	0,6
7.	- бестактный - тактичный +	1,7	0,5	-0,1	1,6	1,2	0,6
8.	+ откровенный - лицемерный -	-1	-0,9	0,2	-1,2	-0,7	-0,4
9.	+ гибкий - негибкий -	-1	-0,9	0,6	-0,7	-0,1	-1
10.	- переменчивый - упорный +	0	-0,2	0,4	0,2	0,4	1,2
11.	- возбужденный - спокойный +	0,1	-0,3	0,6	0,8	1,7	-0,7
12.	+ активный - инертный -	-1,1	-0,7	0,2	-0,9	0,2	-1,6
13.	+ скромный - претенциозный -	-0,1	0,2	-0,2	-0,7	-1,7	1,6
14.	- скупой - щедрый +	1,3	1,6	0	1,4	1,3	0,7
15.	- самоуверенный - застенчивый +	-0,8	-1,3	-0,1	0,3	1,8	-1,6
16.	+ уверенный - неуверенный -	-1,6	-1,1	0,3	-0,8	0,9	-1,6
17.	+ принципиальный - приспособленный -	-0,2	0,6	0,8	0,3	0,9	-0,3
18.	- непрактичный - практичный +	1,2	0,2	0,9	1,3	1,3	0,8
19.	- придиричивый - прощающий +	1,2	1,4	0,2	1,7	1,5	0,1
20.	+ избирательный - неразборчивый -	-1,6	-0,3	-0,6	-1,2	-0,4	-1,1
21.	+ осторожный - бесшабашный -	-0,6	0,8	-1	-1,5	-1,6	0,2
22.	- робкий - смелый +	1,4	1,9	-0,5	0,2	-1,3	2
23.	- мягкотелый - твердый +	1,1	0,6	0,1	0,2	-0,6	1,3
24.	+ мягкий - жесткий -	-0,2	-0,2	0	-0,9	-1,3	0,3
25.	+ сотрудничающий - не сотрудничающий -	-1,7	-1,5	0	-1,4	-0,8	-1,3
26.	- зависимый - независимый +	1,2	1	0	0	-0,6	0,8
27.	- заторможенный - раскрепощенный +	1,6	1,8	-0,6	0,9	-0,4	2
28.	+ организованный - импульсивный -	-0,2	0,7	-0,5	-0,8	-0,7	-0,2
29.	+ восторженный - озабоченный -	-0,8	-0,6	0,6	-0,8	0	-0,2
30.	- ленивый - трудолюбивый +	0,8	0,3	1,2	1,7	2,5	0,6
31.	- глупый - умный +	2	1,8	1	1,7	1,8	1,9
32.	+ приятный - неприятный -	-0,9	-0,8	0,1	-1	-0,6	-0,7
количество дезадаптивных черт		0	0	0	0	2	2

Приложение 3
Таблица 3

**Средние значения оценок стимульных объектов в группе
низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого и русского (г. Пермь) этносов**

Психосемантический дифференциал		русский этнос, Пермь			коми-пермяцкий этнос		
	среднее значение	Я сам	Мы	Коми-пермяки	Я сам	Мы	Русские
1.	+ критичный – легковерный -	-0,8	0,7	0,6	0,5	1	-0,7
2.	- недоверчивый – доверчивый +	0,4	1,3	0,6	0,8	1,9	-0,7
3.	- агрессивный - миролюбивый +	1	0,9	0,7	1,3	1,5	0,4
4.	+ боевитый – пассивный -	-0,1	0,1	0,5	-0,3	0,1	-0,9
5.	+ веселый – угрюмый -	-1	-1,5	0,1	-0,8	-1,1	-1,1
6.	- легкомысленный – серьезный +	1,1	-0,4	0,7	1	1,5	0,8
7.	- бестактный - тактичный +	1,8	-0,2	0,3	1,3	0,9	0,8
8.	+ откровенный - лицемерный -	-1,2	-0,6	-0,1	-1,1	-1,4	0,4
9.	+ гибкий - негибкий -	-0,6	-0,6	0,2	-0,8	-0,2	-0,1
10.	- переменчивый - упорный +	-0,4	-0,2	0,5	-0,4	0,3	0,1
11.	- возбужденный - спокойный +	-0,3	-0,7	0,6	0,5	1,6	-0,9
12.	+ активный - инертный -	-1,1	-0,3	0	-0,9	-0,7	-1,4
13.	+ скромный - претенциозный -	-0,2	0,5	-0,2	-0,7	-0,3	0,8
14.	- скупой - щедрый +	1	1,4	0,1	1,7	2,1	-0,2
15.	- самоуверенный - застенчивый +	0,3	-0,4	0,4	0,4	0,6	-1,5
16.	+ уверенный - неуверенный -	-0,2	-0,6	0	0,3	-0,3	-1,5
17.	+ принципиальный - приспособленный -	-0,5	0,1	0,8	-0,1	0,9	-0,8
18.	- непрактичный - практичный +	0,6	-0,3	0,9	1,2	0,6	0,9
19.	- придирический - прощающий +	0,5	1,4	0,4	0,9	1,5	-0,7
20.	+ избирательный - неразборчивый -	-1,1	0,4	0,1	-0,9	0	-1,1
21.	+ осторожный - бесшабашный -	-0,9	1,1	-0,6	-0,4	-0,2	-0,1
22.	- робкий - смелый +	0,5	1,3	-0,2	0,2	0,3	1,7
23.	- мягкотелый - твердый +	0,5	0	0,1	0,1	0,3	0,8
24.	+ мягкий - жесткий -	-0,5	-0,7	-0,3	-0,3	-0,6	0,5
25.	+ сотрудничающий - не сотрудничающий -	-1,3	-1,2	-0,1	-1	-1,1	-0,5
26.	- зависимый - независимый +	-0,2	0	-0,2	-0,2	0,3	1,4
27.	- заторможенный - раскрепощенный +	0,8	1	-0,9	0,6	0,6	1,9
28.	+ организованный - импульсивный -	0	1,1	0	-0,3	-0,6	-0,1
29.	+ восторженный - озабоченный -	0,1	0	0,7	0	0,1	0,4
30.	- ленивый - трудолюбивый +	0,2	-0,7	0,8	1	2,5	0,6
31.	- глупый - умный +	1,6	1,2	0,2	1,5	1,8	1,7
32.	+ приятный - неприятный -	-1,7	-1,5	-0,3	-1,1	-1,1	-0,9
количество дезадаптивных черт		0	2	0	0	1	1

**Средние значения оценок стимульных объектов в группе
низкоадаптированных студентов удмуртского и русского (г. Ижевска) этносов**

Психосемантический дифференциал		русский этнос, Ижевск			удмуртский этнос		
	среднее значение	Я сам	Мы	Удмурты	Я сам	Мы	Русские
1.	+ критичный – легковёрный -	-0,5	1	0,1	-0,3	0,5	-0,8
2.	- недоверчивый – доверчивый +	0,9	1,3	0	0,6	1,1	-0,1
3.	- агрессивный - миролюбивый +	1	0,8	0,1	0,9	1,3	0,4
4.	+ боевитый – пассивный -	-0,2	-0,5	1	0,4	0,9	-1
5.	+ веселый – угрюмый -	-0,7	-1,4	0,1	-1	-0,8	-1
6.	- легкомысленный – серьёзный +	0,5	-0,9	0,5	1	1,1	0,7
7.	- бестактный - тактичный +	1,2	-0,5	0,1	1,4	1	0,2
8.	+ откровенный - лицемерный -	-1	-1	0,6	-0,8	-0,6	0,2
9.	+ гибкий - негибкий -	-0,7	-0,9	0,3	-0,3	-0,2	-0,4
10.	- переменчивый - упорный +	-0,8	-0,3	0,9	-0,6	0,2	0,4
11.	- возбужденный - спокойный +	-0,7	-1,3	1,4	0,2	1,1	-0,9
12.	+ активный - инертный -	-0,6	-0,8	0,4	-0,2	-0,1	-1,1
13.	+ скромный - претенциозный -	-0,1	0,2	-0,4	-0,9	-1,2	1,2
14.	- скупой - щедрый +	1	1,3	-0,5	0,9	1,2	0,5
15.	- самоуверенный - застенчивый +	-0,2	-0,8	0	0,8	1,3	-1,2
16.	+ уверенный - неуверенный -	-0,2	-0,6	0,1	0,6	0,6	-0,8
17.	+ принципиальный - приспособленный -	-0,1	0,3	0,6	-0,1	0,6	-0,9
18.	- непрактичный - практичный +	0,8	0,2	1,4	1	1	1,1
19.	- придирчивый - прощающий +	1,3	1,2	-0,5	1,1	1,3	-0,4
20.	+ избирательный - неразборчивый -	-1,1	-0,1	-0,7	-0,6	-0,5	-0,7
21.	+ осторожный - бесшабашный -	-0,1	1,3	-1,5	-1,3	-1,1	0
22.	- робкий - смелый +	-0,2	1,4	-0,7	-0,5	-0,9	1
23.	- мягкотелый - твердый +	0,2	0	-0,1	-0,4	-0,6	0,7
24.	+ мягкий - жесткий -	-1,2	-0,8	-0,1	-0,8	-0,9	0,3
25.	+ сотрудничающий - не сотрудничающий -	-0,8	-1,1	-0,1	-0,7	-0,9	-1,1
26.	- зависимый - независимый +	0,5	0,5	-0,6	-0,3	-0,7	0,8
27.	- заторможенный - раскрепощенный +	1	1,3	-1,2	0,3	-0,1	1,3
28.	+ организованный - импульсивный -	0,8	1,3	-0,9	-0,1	-0,3	0,3
29.	+ восторженный - озабоченный -	-0,1	-1	1	0	0,1	-0,2
30.	- ленивый - трудолюбивый +	0,2	-0,5	1,1	1,3	1,8	0,6
31.	- глупый - умный +	1,6	1,8	0,3	1,4	1,7	1,6
32.	+ приятный - неприятный -	-1	-0,8	1	-0,9	-0,7	-0,7
количество дезадаптивных черт		0	4	4	0	0	1

**Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе высокоадаптированных студентов удмуртского этноса**

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам удмурт	0,94545	-0,66292
Мы - удмурты	0,10138	1,15024
Они- русские	-1,04683	-0,48732

Таблица 10

**Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе высокоадаптированных студентов русского этноса г.Ижевска**

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам русский	-0,99708	0,58239
Мы - русские	-0,00582	-1,15469
Они- удмурты	1,0029	0,5723

Таблица 11

**Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе высокоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса**

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам коми-пермяк	0,48035	-1,05005
Мы - коми-пермяки	0,66919	0,94102
Они- русские	-1,14954	0,10903

Таблица 12

**Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе высокоадаптированных студентов русского этноса г.Перми**

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам русский	-0,76395	-0,86586
Мы - русские	-0,36788	1,09453
Они- коми-пермяки	1,13183	-0,22867

Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе низкоадаптированных студентов удмуртского этноса

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам удмурт	-0,20264	-1,13678
Мы - удмурты	1,0858	0,3929
Они- русские	-0,88316	0,74388

Таблица 14

Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе низкоадаптированных студентов русского этноса г. Ижевска

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам русский	-0,67575	0,93632
Мы - русские	-0,473	-1,05338
Они- удмурты	1,14875	0,11706

Таблица 15

Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе низкоадаптированных студентов коми-пермяцкого этноса

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам коми-пермяк	0,0835	-1,15168
Мы - коми-пермяки	0,95563	0,64815
Они- русские	-1,03913	0,50353

Таблица 16

Коннотативные значения объектов межгруппового восприятия
в группе низкоадаптированных студентов русского этноса г. Перми

Объект оценки	факторный вес объекта оценки	
	F1:	F2:
Я-сам русский	-0,84301	-0,78909
Мы - русские	-0,26186	1,12462
Они- коми-пермяки	1,10488	-0,33553